

ISSN 2076–0590

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Выходит 2 раза в год

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ
NEW IDEAS IN PHILOSOPHY

2024
Выпуск **13 (34)**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ПГНИУ)

Founder: Perm State University

Редакционная коллегия

Гл. редактор – Вячеслав Владимирович Корякин (к. филос. н., доц. каф. философии ПГНИУ). Олег Александрович Барг (д. филос. н., доц., Пермь), Елена Михайловна Березина (к. филос. н., доц. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Наталья Ириковна Береснева (д. филос. н., проф. каф. культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ), Александр Юрьевич Внутских (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Комаров (д. филос. н., проф. каф. философии, декан философско-социологического ф-та ПГНИУ), Рудольф Львович Лившиц (д. филос. н., проф., Гатчина), Лева Асканазович Мусаелян (д. филос. н., зав. каф. философии ПГНИУ), Сергей Владимирович Поросенков (д. филос. н., проф. каф. философии ПГНИУ), Юрий Викторович Лоскутов (к. филос. н., доц. каф. философии ПГНИУ)

Editorial board

Editor-in-Chief – Vyacheslav V. Koryakin (Candidate of Philosophy, Associate Professor). Oleg A. Barg (Doctor of Philosophy, Professor), Elena M. Berezina (Candidate of Philosophy, Associate Professor), Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor), Alexandr Y. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor), Rudolf L. Livshits (Doctor of Philosophy, Professor), Lyudmila A. Myasnikova (Doctor of Philosophy, Professor), Leva A. Musayelyan (Doctor of Philosophy, Professor), Sergey V. Porosenkov (Doctor of Philosophy, Professor) Yuri V. Loskutov (Candidate of Philosophy, Associate Professor)

Редакционный совет

Надежда Васильевна Бряник (д. филос. н., проф., УрФУ, Екатеринбург), Лев Абрамович Закс (д. филос. н., проф., УрФУ, Екатеринбург), Эдуард Арменакович Коркотян (PhD, ст. науч. сотр., отд. нейробиологии Института им. Вейцмана, Израиль), Сергей Владимирович Орлов (д. филос. н., проф. каф. истории и философии, ГУАП, Санкт-Петербург), Александр Алексеевич Строканов (PhD, проф., руководитель департ. социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, госуд. колледж в Линдоне, США)

Editorial council

Nadezhda V. Brianik (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Lev A. Zaks (Doctor of Philosophy, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia), Eduard A. Korkotian (PhD, senior scientific Researcher, Department of Neurobiology, Weizmann Institute, Israel), Sergei V. Orlov (Doctor of philosophy, Prof., Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia), Aleksandr A. Strokanov (Prof., Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, PhD, Lyndon State College, USA)

*Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему
«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)*

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Корякин В.В.</i> К вопросу о диалектике производительных сил и производственных отношений.....	4
<i>Колташов В. Г.</i> Уральская философско-антропологическая школа и исследование больших кризисов промышленного капитализма по следам позднего К. Маркса	21
<i>Лившиц Р. Л.</i> Идеологический мейнстрим против реалий современной России.....	47
<i>Добрева В.</i> Болгарский национальный культурный код и современные геополитические реалии	65
<i>Комаров С.В.</i> Проект «антикартезианской» феноменологии.....	80
<i>Мусеев Н.А.</i> К вопросу о феноменологическом методе в онтологической эстетике: перспективы исследования.....	92
<i>Шевчук Д.А.</i> Социальный прогресс и его критерии	101
<i>Воробьева К.В.</i> Общество постмодерна: прошлое или настоящее?.....	110
<i>Максимовских Н.А., Кадочников К.В.</i> Особенности внешней трудовой миграции в современной России (социально-философский анализ).....	120

CONTENTS

<i>Koryakin V. V.</i> On the question of the dialectic of productive forces and industrial relations.....	4
<i>Koltashov V. G.</i> The ural philosophical-anthropological school and the study of the great crises of industrial capitalism in the footsteps of the late K. Marx.....	21
<i>Livshits R. L.</i> Ideological mainstream against the realities of modern Russia.....	47
<i>Dobрева V.</i> Destruction of the national cultural code and current geopolitical realities	65
<i>Komarov S. V.</i> The project of “anticartesian” phenomenology.....	80
<i>Museev N. A.</i> On the phenomenological method in ontological aesthetics: research prospects	92
<i>Shevchuk D. A.</i> Social progress and its criteria.....	101
<i>Vorobeва C. V.</i> Postmodern society: past or present?.....	110
<i>Maksimovskikh N. A., Kadochnikov K. V.</i> Features of external labor migration in modern Russia (socio-philosophical analysis).....	120

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.В. Корякин

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru

Диалектика производительных сил и производственных отношений – движущее противоречие общественного процесса, представляющее собой отношение общественного содержания и формы. Содержание и форма предмета находятся в соответствии друг с другом и развиваются одновременно. Движение предмета от простого к сложному, реализующееся в диалектическом отношении простого и сложного (диалектике этапов), в качестве своего момента включает диалектику сторон предмета (в т. ч. содержания и формы). В объективном развитии диалектика сторон реализуется в соответствии с диалектикой этапов, одновременно с ней, в процессе мышления наблюдается как совпадение обеих форм диалектики, так и их расхождение. Последнее становится основанием для идеалистической диалектики, которой свойственно превращать стороны предмета в этапы его становления. В рассуждениях родоначальников и последователей марксизма о диалектике производительных сил и производственных отношений можно обнаружить «следы» идеалистической диалектики, что порою приводит к нарушению логической стройности описания общественного развития.

Ключевые слова: диалектика, объективная и субъективная диалектика, материалистическая и идеалистическая диалектика, производительные силы, производственные отношения, общественный процесс

Диалектика производительных сил и производственных отношений – одно из важнейших открытий исторического материализма, призванное описать и объяснить, как структуру общества, источники и движущие противоречия его существования и развития, так и смену общественного строя. Производительные силы – это сами люди, производящие собственную социальную материальную жизнь и сущность, их труд и способность к труду (рабочая сила). Реализация производительных сил осуществляется путем использования преобразованных природных объектов – средств производ-

ства (предметов и средств труда). Благодаря преобразовательной деятельности человека силы природы включаются в процесс общественного производства и также становятся производительной силой общества. Преобразуя себя, общество (других индивидов), природу, индивид встает в отношении к ним, порождает столь же объективные, как и он сам, его труд связи между ними – производственные отношения.

В предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс дает предельно краткое изложение сути материалистического понимания истории, в т. ч. диалектики производительных сил и производственных отношений: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [1, с. 6–7]. И следом отмечает: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [1, с. 7]. Далее К. Маркс резюмирует: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [1, с. 7].

В отмеченном отрывке можно заметить некое странное противоречие между положением о соответствии (тождестве) элементов и всех форм общественного бытия и сознания (производительных сил и производственных отношений в частности) и утверждением о нарушении этого соответствия (различии) при переходе к новой формации. При абстрактно-диалектическом подходе к этому противоречию, впрочем, его «странность» до известной степени может быть снята, если учесть, что диалектике свойственно брать противоположности (в данном случае – соответствие и несоответствие) в единстве, выделяя при этом абсолютную и относительную из них. Однако относительная сторона в таком случае должна выступать в качестве

момента абсолютной. Стороны должны раскрываться одновременно, а не одна после другой. Проще говоря, соответствие производительных сил и производственных отношений должно присутствовать на всех этапах общественной жизни, в т. ч. при переходе к новой формации, и их несоответствие также – не только в условиях формационного перехода, но и в период господства зрелых форм каждого типа общества.

Открытие закона соответствия надстройки базису, общественного сознания общественному бытию, производственных отношений производительным силам своими корнями уходит глубоко в историю классической философии, которой всегда был свойственен поиск тождества и для ряда направлений – тождества и различия всех элементов и отношений действительности. Непосредственно К. Маркс подошел к открытию данного закона еще будучи редактором «Рейнской газеты». Он обнаружил соответствие идеологии и права системе господствующих в обществе отношений собственности [2; 3, с. 192]. В статье «К еврейскому вопросу» он выявил зависимость собственности от объективного состояния человеческой сущности [4], во «Введении к критике гегелевской философии права» – от практики, которая в отличие от немецких классиков была понята им как особого рода материальная сила человека, как способ существования, утверждения и реализации его сущности [5, с. 422]. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс конкретизировал понимание практики как труда – социальной материальной деятельности и сконцентрировал свое внимание на диалектике труда и собственности [6]. Окончательные формулировки закона соответствия состоялись в неизданных при жизни авторов – К. Маркса и Ф. Энгельса – рукописях, получивших название «Немецкая идеология», и в опубликованной в 1847 г. «Нищете философии» К. Маркса, на которые автор «Капитала» непосредственно сослался при написании «Предисловия к критике политической экономии» [1, с. 8].

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что люди совпадают с тем, что и как они производят, а производят они, в первую очередь, себя, собственную материальную жизнь и объективные условия этой жизни [7, с. 19]. В процессе производства собственной жизни люди вступают в определенные материальные (экономические) отношения, в частности – в отношения собственности [7, с. 19 – 23]. Производство порождает не только производственные отношения, но структуру общества в целом – определенные социальные, политические и духовные связи между людьми [7, с. 24–25, 29–30]. Эту же мысль К. Маркс конкретнее воспроизвел в «Нищете философии» [8, с. 79–81, 129–147].

Одновременно К. Маркс шел к пониманию вызревания противоречий (несовпадения, несоответствия) между содержанием и формой общественной жизни в процессе их движения. В «Рейнской газете», первоначально руководствуясь гегелевским пониманием государства, он обнаружил, что

Прусская монархия не соответствует «духу» государства, поскольку она не выражает его общественной природы [9]. Далее он обнаружил существующие в обществе противоречия между частными интересами господствующих сословий и интересами народа в целом и пришел к выводу о несоответствии политической и экономической формы общества (частным присвоением) его общечеловеческому (родовому) содержанию [2, с. 132, 137]. Следующим шагом стало обнаружение противоречий в самом содержании общества – между родовой и индивидуальной сущностью человека. Данные противоречия непосредственно раскрываются в отчуждении индивидуальной сущности от родовой. В отличие от Г. Гегеля и Л. Фейербаха К. Маркс выявил данное отчуждение не только в мышлении, но и, прежде всего, в самом реальном процессе человеческой жизни, в способе человеческого существования – практике, труде [4].

Ключевым этапом в определении диалектики производительных сил и производственных отношений стал анализ отношения труда и собственности при переходе к коммунизму, представленный в завершающем разделе «Экономическо-философских рукописей 1844 г.». К. Маркс предположил, что становление будущего общества будет осуществляться по мере смены трех основных его форм – «грубого коммунизма», «демократического, или деспотического коммунизма» и «коммунизма как гуманизма». На первом этапе рабочие – основные субъекты труда при капитализме – будут стремиться упразднить господствующую в обществе частную форму собственности, которая является внешним выражением отчуждения их сущности. При этом отчужденный труд, порождающий частную собственность, останется без изменений. В силу данных обстоятельств частное присвоение не только никуда не исчезнет, но и достигнет своей высшей – всеобщей формы. Все общество превратится в частного собственника [6, с. 585–587]. На втором этапе должно будет обнаружиться стремление рабочих преодолеть отчуждение в самом труде, однако частная собственность, в ее уже всеобщем виде, останется еще не тронутой. И только на третьем этапе будет возможно окончательное положительное упразднение человеческого самоотчуждения, частной собственности и отчужденного труда [6, с. 587–588]. Коммунизм как гуманизм предстанет как «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к себе как к человеку общественному, то есть человечному». При нем разрешится противоречие между индивидом и родом [6, с. 588]. Труд в таком обществе предстанет не как процесс отчуждения человека от собственной сущности, а как процесс ее развития. Со снятием отчуждения в труде и собственности, снятыми окажутся и все прочие формы отчуждения, реализующиеся в религии, семье, государстве и т.д. [6, с. 589].

Рассуждение К. Маркса в рукописях 1844 г. о диалектике труда и собственности при переходе к коммунизму в итоге легло в основу общей формулировки закона противоречия производительных сил и производственных отношений в процессе формационного перехода. Претерпевая некоторые уточнения с течением времени, формула данного закона, общеизвестный вариант которой был впоследствии представлен во введении к «Капиталу», присутствует в работах К. Маркса, начиная с «Немецкой идеологии».

Формула связи производительных сил и производственных отношений стала «трафаретной» и для определения сути прочих диалектических законов общественного развития – отношения общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки и т. д. В так называемых «Письмах об историческом материализме» Ф. Энгельс, например, определял тройственный характер отношения надстройки (социальных, политических, духовных связей) к базису (производственным отношениям). Надстройка вторична по отношению к базису, производная от него, но при этом обладает относительной самостоятельностью, автономностью и оказывает обратное (формальное – стимулирующее или тормозящее развитие) воздействие на базис [10; 11; 12; 13].

Общие соображения Ф. Энгельса о диалектике базиса и надстройки, а также замечание К. Маркса во введении к «Капиталу» о том, что в ходе социальной революции вслед за изменениями базиса происходят изменения «во всей громадной надстройке» [1, с. 7], позволили последователям марксизма конкретизировать закон смены формаций, акцентировав внимание на конфликте надстройки с базисом в условиях революционной ситуации. Ярким примером может служить тезис В.И. Ленина о «верхах», которые не могут, и «низах», которые не хотят жить по-старому.

Три момента диалектического отношения, выделенные Ф. Энгельсом в связи надстройки с базисом, не трудно обнаружить в диалектике производительных сил и производственных отношений. Производственные отношения зависят от производительных сил, возникают в ходе их развития, соответствуют им как экономическая форма социальному материальному содержанию. Производственные отношения обладают относительной самостоятельностью, поскольку в переходный исторический период они отстают в развитии от производительных сил, вступают в противоречие с ними. Производственные отношения оказывают обратное формальное влияние на производительные силы: способствуют их развитию, если приходят в соответствие с ними, либо тормозят их движение, если им не соответствуют. Однако стоит усомниться в том, что диалектика общественного бытия и общественного сознания (базиса и надстройки, труда и мысли в частности) идентична противоречию производительных сил и производственных отношений.

Диалектика общественного бытия и общественного сознания в своей сути есть отношение первичного-вторичного, тогда как диалектика производительных сил и производственных отношений – отношение содержания и формы. Бытие и сознание относятся к связанным, но отличным формам реальности – материальной и идеальной соответственно, тогда как производительные силы и производственные отношения – к одной и той же объективной реальности. Иными словами, в процессе общественной жизни диалектика раскрывается в двух планах – внутри одной формы реальности (объективной либо субъективной) и в отношении одной формы (субъективной) к другой (объективной).

Диалектика Г. Гегеля, как и прочих немецких классиков (определенные оговорки стоит сделать для раннего И. Канта, памятуя его неболярную гипотезу, и для Л. Фейербаха, учитывая его понимание отношения «Я и Ты», а также образа к оригиналу, т.е. предмету в мышлении), – всецело субъективная. С точки зрения Г. Гегеля природа, как и природные основы общественной жизни есть инобытие мышления. Формы и законы логики являются одновременно формами и законами бытия в целом, которые проявляются в природе. При этом сама по себе природа, согласно Г. Гегелю, лишена собственных источников развития и каких-либо порождающих его противоречий. Развивается лишь духовное содержание природы (понятие). Диалектика немецких классиков не только субъективная, но и идеалистическая, не смотря на различие их философской партийности. Противоречия они схватывали только в мышлении и в нем же они видели ее основание (субстанцию).

Диалектический материализм ввел четкое различие форм реальности (материи и сознания, общественного бытия и общественного сознания), обнаружив при этом диалектическое отношение первичности-вторичности между ними. Согласно современному материализму развитие является исключительным атрибутом материи и ее форм, в т. ч. человека как социальной формы материи. Сознание лишь отражает развитие материального мира, но в специфической, не совпадающей с ним идеальной, субъективной форме. Диалектика, таким образом, выступает в двух, связанных отношении первичности-вторичности основных формах – объективной и субъективной. Конспектируя работы Г. Гегеля, В.И. Ленин в частности отмечал, что необходимо различать диалектику вещей и диалектику понятий. «Гегель гениально угадал диалектику вещей (явлений, мира, природы) в диалектике понятий... Диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот» [14, с. 154].

Ф. Энгельс (в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы») и В.И. Ленин (в «Философских тетрадах»), впрочем, преимущественно делали акцент на содержательном тождестве двух форм диалектики. Формальное их несовпадение во многом ограничивалось самым общим пониманием различия

первичного и вторичного, материального и идеального. Субъективная диалектика преимущественно рассматривалась как копия объективной, в определенной степени приближенная к оригиналу (развитию материального мира). Подобный акцент был вполне оправдан исторической ситуацией становления и утверждения новейшего материализма, в частности обстановкой борьбы с идеализмом и идеалистической диалектикой. Однако, утверждая тождество «двух диалектик», не стоит упускать из виду их различие.

Согласно К. Марксу, идеальное есть предмет, пересаженный в голову человека и преобразованный в ней [15, с. 155]. Имея предметное содержание, сознание тождественно материи, но как преобразованный предмет, оно не совпадает с оригиналом. Наиболее принципиальным вопросом является характер этого преобразования. Вряд ли он сводится лишь к количественному выражению, т. е. степени тождества образа предмету, точности его воспроизводства в человеческой голове. Важным итогом прошедшей в послевоенной советской философии дискуссии о природе сознания стало введенное В.В. Орловым определение идеального как предмета, лишённого своего непосредственного субстрата и существующего на основе иного, высокоорганизованного, универсального субстрата – человека [16, с. 155]. Данное определение позволяет уяснить, что сознание, в конечном счете, есть весь материальный мир, данный человеку в процессе практического преобразования, включающий материальный субстрат самого мыслящего субъекта, но существующий при этом не на своей собственной основе, а на основе познающего человека. Важно подчеркнуть, что представление человека о себе также не совпадает с его объективным бытием. В сознании индивид вымещает все субстраты, в т. ч. свой собственный. Идеальный мир есть свойство человека.

Будучи лишённым своего собственного субстрата в сознании, предмет лишается и своих непосредственных источников существования и развития. Источником его движения теперь становится объективная человеческая жизнь, исторически определенный способ ее индивидуального и общественного производства (развития). Важно подчеркнуть, что источник движения мысли находится не в ней самой и не во внешней индивидуальной природе непосредственно, а в бытии познающего человека, связанного с материальным миром посредством практики. Законы развития мира (природы, общества) отражаются в голове человека лишь в той мере, в которой они становятся законами самого человеческого существования в процессе практической деятельности. Коренное отличие идеального от материального, стало быть, заключается в том, что оно к саморазвитию не способно. Развиваются только материя и только материальный индивид. В данной связи может возникнуть вопрос, а правомерно ли в таком случае говорить о субъективной диалектике, если диалектика мысли в принципе не свойственна?

Может, имеет смысл утверждать лишь о диалектике объективного содержания мысли, но не о диалектике ее субъективной формы?

Развитие есть процесс движения от низшего к высшему, или от простого к сложному. Сложное в отличие от простого обладает большим многообразием, оно есть интегрированное многообразие. Развитие, таким образом, есть ни что иное как процесс накопления, интеграции многообразия. Возникновение нового раскрывается в появлении новых свойств, сторон и отношений предмета. Новое содержание предмета, таким образом, дает новую форму его существования. Подобным образом осуществляется развитие материального мира и человека как социального материального существа, или объективная диалектика. Подобным же образом раскрывается движение объективного содержания мысли. Но непосредственное изменение формы мышления происходит иначе.

Сознание, не обладая собственными источниками развития, само по себе ничего нового не создает. Все новое приходит извне его, из объективной реальности. Производя свою жизнь, человек преобразует и себя как предмет, и любой другой материальный объект. В практике осуществляется взаимодействие человека с собой, другими людьми, природой. Стороной любого взаимодействия является отражение. Будучи универсальным способом развития и взаимодействия, практика реализует универсальный способ отражения, наполняя, таким образом, бесконечным объективным содержанием человеческую мысль. Сознание не создает предмет, оно его воспроизводит в процессе отражения. Развитие мысли, или процесс познания осуществляется посредством появления в голове нового идеального предмета, его идеальных свойств, сторон и отношений. Появление нового идеального предмета в дополнение к уже имеющимся (сохраненными в памяти), приведение в соответствие его с прочими, ранее отраженными предметами представляет собой процесс накопления и интеграции идеального многообразия, или идеального (субъективного) развития. Сложное идеальное есть интегрированное идеальное многообразие.

В ходе практики человек создает сложное и одновременно в измененном виде воспроизводит присутствующее в нем простое. Однако в сознании объективные простое и сложное оказываются сторонами одного и того же появившегося идеального предмета, т.е. одинаково сложными. Этот идеальный предмет является новым (и сложным) непосредственно лишь в отношении к уже имеющимся знаниям, но не к объективно возникающему сложному. Различение объективно простого и сложного в предмете осуществляется впоследствии не в силу чисто аналитического расчленения, а лишь посредством постоянного обращения к практике, т.е. к объективному миру, в котором только и присутствует развитие.

Обездвиживая предмет посредством придания ему идеальной формы, сознание способно удерживать его сравнительно долго в неизменном виде, даже если он поменялся или вовсе исчез. Выхваченный из объективной реальности предмет в качестве образа становится уже предметом для мышления. Мысленно человек сопоставляет идеальный предмет с другими столь же идеальными предметами, приводит их в соответствие друг с другом, выявляя новые их стороны. Выделение сторон (в т. ч. свойств и отношений) обездвиженного предмета как раз и составляет суть процесса субъективной диалектики на уровне ее формы. Развитие мысли в субъективном плане по сути совпадает с движением от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, т. е. движением от одной стороны одного и того же (неизменного) предмета к другой.

В движении мысли, таким образом, можно выделить две диалектики: на уровне объективного содержания – «диалектику этапов», или простого и сложного, свойственную объективному миру в целом, и на уровне субъективной формы – «диалектику сторон». В пределах объективного развития эти две формы диалектики совпадают, реализуются одновременно: появление нового предмета раскрывается в его новых сторонах, свойствах и отношениях. В рамках же развития сознания осуществляется их относительное размежевание, поскольку сознание является альтернативной материи реальностью, но при этом вторичной по отношению к ней. На уровне объективного содержания сознание фиксирует единство содержания и формы, но как только идеальный предмет в мышлении подменяет собой оригинал, форма отрывается от содержания.

Относительное расхождение диалектики этапов и диалектики сторон в мышлении является основанием для выстраивания разных по философским основаниям теорий развития. Идеалистическая диалектика, полагая сознание первичным, а развитие исключительным его атрибутом, отождествляет восхождение от простого к сложному с процессом конкретизации, т.е. выделением сторон предмета и движением от одной его стороны к другим. Примечательной, к примеру, является трактовка социального процесса авторами эпохи Просвещения как движения от невежества к знанию, от необходимости к свободе, от физического (материального) труда к умственному и т. п. Самым ярким примером демонстрации идеалистической диалектики является система Г. Гегеля, который буквально раскрывает мировой (логический) процесс как движение от абстрактного к конкретному, от предельно общего понятия чистого бытия к его конкретному смысловому многообразию, явленному в природе и обществе. В результате стороны действительности у Г. Гегеля не раскрываются в единстве всего своего многообразия изначально, а формируются одна за другой, постоянно сочетаясь друг с другом.

Идеалистическая диалектика изначально устраняет из формы всякое содержание, при этом саму форму полагает исключительно идеальной, и лишь в процессе развертывания этой формы наполняет ее объективным содержанием и обнаруживает ее проявление в связях между объективно существующими предметами. Законы движения формы при этом оказываются законами движения содержания.

Сами законы диалектики в идеализме интерпретируются как законы движения сторон предмета, а не восхождения предмета от его простых состояний к сложным. Описанный Г. Гегелем в разделе о бытии в «Науке логики» закон единства качественных и количественных изменений раскрывается, к примеру, как движение от количества к качеству, а затем их единству – мере [17, с. 215–263]. Внутренняя определенность предмета (качество) изначально в Гегелевой системе существует без его внешней определенности (количества), а затем внешняя определенность без внутренней, и только на этапе меры качество и количество обретают единство. В объективном же существовании предмет одновременно качественно и количественно определен. Качественные и количественные характеристики предмета, как и их определенное единство (мера) развиваются одновременно, а не одно после другого. Аналогичным образом интерпретируются и прочие законы диалектики – единства и борьбы противоположностей и отрицания отрицания. Тождество, различие и основание (единство тождества и различия) у Г. Гегеля выступают в качестве этапов рефлексии предметов [17, с. 269–280]. Положение, отрицание и снятие отрицания, пронизывающие весь ход развертывания бытия, также сменяют друг друга.

Материалистическая диалектика переворачивает идеалистическую, ставит ее «с головы на ноги», обнаруживая источник развития не в сознании, а в объективном мире и в объективном бытии человека. Примечательно, что Г. Гегель, заявляя о бесконечности движения сознания, так и не смог эту бесконечность продемонстрировать. В его философии у мира с неизбежностью обнаруживается начало (чистое бытие, или точнее – понятие чистого бытия) и множество «концов» – в истине, которая есть завершившее свое движение понятие в виде системы категорий самого Г. Гегеля, в Прусском государстве, в христианстве (по сути, в протестантизме) в романтическом искусстве и т. д. Диалектика Г. Гегеля наглядно демонстрирует принципиальную ограниченность ее идеалистических оснований. Однако перевод диалектики на материалистические рельсы, как показывает становление и развитие марксизма, не является и не может быть буквальным.

При переходе на собственно диалектико-материалистические позиции К. Маркс и Ф. Энгельс демонстрируют, как может показаться на первый взгляд, стремление обнаружить открытые Г. Гегелем законы развития в объ-

ективном бытии мира и человека. Во многом это было обусловлено конкретно-исторической задачей смены философских оснований диалектики и необходимостью доказательства, что законы мышления производны от законов материи, отражают их. Другими словами, акцент ставился на тождественности законов мышления законам объективной реальности, а не на их различии. До сих пор как во вполне академической, а также учебной марксистской литературе, так и в научно-популярных изложениях диалектического материализма встречается стремление наполнить созданную Г. Гегелем диалектику материалистическим содержанием без учета особенностей ее формы. К примеру, ставшая «школярской», в значительной мере упрощающая (и извращающая) даже Гегелеву формулу закона отрицания отрицания, схема «тезис – антитезис – синтез», примененная к объективной действительности (смене форм материи и движения, этапов исторического процесса) демонстрирует как раз идеалистическую интерпретацию данного закона, превращающую стороны предмета в этапы его развития. Следы идеалистической по форме, но уже не по содержанию, диалектики можно встретить, например, в рассуждениях К. Маркса о становлении коммунистического общества в «Рукописях 1844 г.», у Ф. Энгельса в «Диалектике природы», в которой большей частью автор занят иллюстрацией явлениями естественного мира открытых Г. Гегелем законов.

Однако, как только К. Маркс и Ф. Энгельс формулируют идею об историческом характере человеческой жизни (а несколько позже материального мира в целом), о исторически определенных, сменяющих друг друга способах ее производства, диалектика сторон превращается в рассуждениях авторов новейшего материализма в момент диалектики этапов. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что люди, определенным образом производя собственную жизнь, вступают в определенные производственные отношения, на основе которых формируются все прочие связи между индивидами. Причем появление всего многообразия отношений осуществляется одновременно с новым способом производства (а не после него) и в соответствии с ним [7, с. 19–25, 29–30].

«Сердцевиной» материалистической диалектики являются не законы, открытые Г. Гегелем, или один из них (закон отрицания отрицания, как полагал Г. Гегель, или закон единства и борьбы противоположностей, как считал В.И. Ленин), а т. н. всеобщий закон развития – последовательного восхождения от простого к сложному, или от низшего к высшему (точнее – от простых форм материи к сложным, применительно к обществу – от простых формаций к сложным). В конкретном плане всеобщий закон раскрывается в системе диалектических законов отношения простого и сложного, частью открытых еще основоположниками марксизма, частью – их последователями [14, с. 157–240; 18, с. 384–407, 552–570; 19; 20; 21; 22, с. 210–

284]. Законы Г. Гегеля, по сути, являются лишь абстрактным (безотносительным к развитию как восхождению от простого к сложному, как ни парадоксально это звучит), формальным выражением всеобщего закона развития и системы производных от него конкретно-всеобщих закономерностей. Именно в связи со всеобщим законом законы абстрактной диалектики должны быть пересмотрены ради устранения «следов» идеалистической диалектики в новейшем материализме.

Каждый этап развития материального мира (будь то форма материи или общественная формация) имеет свою качественную и количественную определенность, свою меру отношения, которые реализуются одновременно (а не одно после другого) и развиваются по мере эволюции данного этапа. Каждая исторически определенная форма материи и формация содержат в себе определенные базовые (движущие) противоречия в их единстве. Каждый этап развития как «положение» содержит в себе свое собственное «отрицание» (определенные пределы), которое нарастает по мере эволюции этого этапа (положения) и в связи с ним (а не после него), и преодолевается (снимается) на последующем качественно более сложном этапе общественного развития.

В «Капитале» К. Маркс раскрывает основное противоречие капиталистического общества между общественным характером производства и частной формой присвоения его условий и результатов. При этом по мере обобществления производства посредством различных форм кооперации и использования все более сложных средств производства, повышающих производительность труда, нарастает характер частного присвоения, выражающееся в концентрации капитала в руках все более узкого круга предпринимателей. Данное противоречие между содержанием (производительными силами) и формой (производственными отношениями) капиталистического производства, впрочем, своими корнями уходит в противоречия, складывающихся в рамках самих производительных сил.

Конкретный труд непосредственных производителей при капитализме приобретает форму частичного (узко специализированного, одностороннего, доведенного до элементарного предметного действия) материального труда, в силу чего он естественным образом создает условия для его отчуждения. При частичном труде отношение к средствам производства оказывается столь же частичным. В своем непосредственном трудовом действии пролетарий не присваивает предмет целиком, а присваивает лишь его определенную сторону. Не присваивает предмет целиком и совокупный (кооперированный) рабочий. Отношения между пролетариями всегда опосредуются процессом купли-продажи их рабочей силы, в результате чего возможность относительно полного присвоения предмета (средств производства) возникает исключительно у предпринимателя и, что примечательно,

уже за пределами непосредственного производства. Предприниматель присваивает средства производства, сам непосредственно ничего не меняя в них. Производство и накопление капитала, таким образом, становится возможным лишь на основе кооперированной частичной деятельности рабочих. При этом производственная кооперация частичных рабочих оказывается непосредственно-опосредованной: непосредственной – в рамках самого производственного цикла, опосредованной в рамках отношения с предпринимателем.

Частное капиталистическое присвоение не противоречит характеру частичного (капиталистического) труда, оно является естественной для данного исторически определенного типа труда формой, столь же исторически ограниченной, как и сам частичный труд. Утверждение К. Маркса о противоречии между общественным характером производства и частной формой его присвоения при капитализме, которое по мере нарастания приведет к коренному перевороту в общественной жизни, формированию соответствия производственных отношений характеру производительных сил (обобществлению собственности), стало быть, нуждается в существенном прояснении.

К. Маркс и Ф. Энгельс уже в ранних работах начали выстраивать особое понимание человека как существа универсального, родового и индивидуального. Производство собственной универсальной, родовой и индивидуальной жизни люди реализуют в своей повседневной практической деятельности, а не только в сознании, как полагали предшественники родоначальников марксизма – немецкие классики. Труд создает и раскрывает все бесконечное богатство содержания человека. История представляет собой процесс универсализации, обобществления и индивидуальности жизни индивидов в их связи друг с другом.

Разделение труда на непосредственно материальный и умственный, формирующееся по мере разделения самого непосредственно материального труда (по отраслям, специальностям), приводит к разделению и форм собственности: индивидуально-общественное присвоение, свойственное первобытности, сменяется непосредственно индивидуальным (в т. ч. частным) и опосредованно общественным. Отрыв индивидуального присвоения от общественного, являющийся выражением отрыва индивидуального труда от общественного, их противопоставление, в конечном счете, породил череду способов производства общественной жизни, в которых индивидуальное производство вступает в конфликт с общественным, а каждый конкретный индивид отчуждается от своей родовой сущности. Можно, таким образом, заключить, что частная собственность при капитализме противоречит не столько капиталистическому способу производства как таковому, сколько способу развития человека вообще. Капитализм, будучи этапом развития родовой и индивидуальной сущности человека, до предела обостряет

размежевание индивида и рода в процессе производства. Формулируя в первом и конкретизируя в третьем томе «Капитала» всеобщий закон капиталистического накопления, К. Маркс отмечал, что рабочий становится тем беднее, чем больше общественного богатства он создает. И речь шла не только о «вещественной» стороне богатства, но и о человеческом его измерении. Капитал создается в процессе реализации частичного кооперированного труда. Рост многообразия специальностей, свидетельствующий об усложнении общественного производства в целом, осуществляется при капитализме за счет обеднения навыков (узкой специализации) каждого производителя в отдельности. Рост многообразия индивида и общества оказываются в обратно-пропорциональной зависимости.

Утверждение К. Маркса о том, что переход к коммунизму осуществится, когда присвоение будет приведено в соответствие с общественным характером производства, стоит признать справедливым, если принять во внимание, что и само производство при этом должно стать подлинно общественным. Еще в «Рукописях 1844 г.», К. Маркс предполагал, что обобществление средств производства само по себе еще не снимает отчуждения индивида от общества и самого себя, не преодолевает капиталистического характера производства. Становясь собственниками средств производства, рабочие выступают по отношению к себе как ассоциированный частный собственник. Частная собственность не устраняется, а приобретает всеобщий вид. Причина этому кроется как раз в том, что труд не перестает при этом быть отчужденным (частичным – в более позднем, конкретном определении К. Маркса) [6, с. 855–857]. Опыт социалистического строительства в XX веке показал, что господство в производстве частичного труда с неизбежностью порождает частное присвоение, которое первоначально могут осуществлять пролетарское государство в целом, отдельные производственные коллективы и их ассоциации, а затем выделившаяся из рабочей среды бюрократия, обуреваемая в перспективе стремлением закрепить свое право на управление путем минимизации ротации руководящих работников, а впоследствии посредством юридического закрепления этого права, возвращая ему, по сути, форму частного присвоения.

В ряде мест «Капитала» К. Маркс проговаривает, что в недрах буржуазного общества вызревают не только новые, уже не вполне капиталистического типа производственные отношения (кооперативные фабрики и кредитные учреждения, акционерные общества) [23, с. 432], но и новые производительные силы. Формируется сложный научный материальный общественный труд, аккумулирующий в себе труд предшествующих поколений, или т. н. всеобщий труд [23, с. 116]. Согласно современным представлениям всеобщий труд – это сложный материальный труд, в котором благодаря ис-

пользованию сложно автоматизированной и электронной технике интегрируется множество частичных трудовых действий, осуществляющихся не попеременно, одна после или вместо другой (как при капитализме), а одновременно. Как интегрированный материальный труд, он сопровождается сложной умственной (научной) деятельностью [24, с. 168–202; 25, с. 207–210, 217–229; 26, с. 18–28]. В данной связи можно заключить, что в основе отмеченного К. Марксом противоречия между старыми общественными отношениями и нарождающимися новыми производительными силами лежит более фундаментальный антагонизм между старыми и новыми производительными силами, и соответствующими им производственными отношениями, проще говоря – между простыми и сложными формами труда и соответствующими им формами собственности.

Диалектика простого и сложного лежит в «сердцевине» развития любого предмета, в качестве ее момента выступает диалектика сторон предмета. В объективном состоянии обе диалектики находятся в единстве. Их относительное расхождение возникает лишь в сознании человека, поскольку сознанию свойственно полагать предмет и как объективно существующий (развивающийся), и как идеальный (лишенный непосредственного источника развития в себе). Чем глубже раскол между умственным и материальным трудом, тем выше вероятность превращения идеального предмета в отправной предмет исследования, а стало быть, выше вероятность перехода на позиции идеалистической диалектики, склонной превращать стороны предмета в этапы его развития. Стороны предмета не могут ни сменять друг друга, ни отставать в развитии одна от другой, они находятся в соответствии друг с другом, развиваются одновременно. Отставание формы от содержания в развитии, относительная асинхронность в движении сторон свойственны только сознанию, т.е. идеальным предметам. Они свойственны, стало быть, надстройке, т. е. мышлению, которое реализуется посредством специфических форм материальной деятельности, не являющихся собственно трудом – производству знаков, насильственных действий и т. п. Буквальное толкование тезиса К. Маркса о конфликте старых общественных отношений и нарождающихся новых производительных сил как сути нарастающего социального переворота, стоит признать, является данью идеалистической диалектике.

Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диалектике производительных сил и производственных отношений в полной мере обретает материалистический вид лишь при условии четкого понимания единства сторон объективно развивающегося предмета. Любые попытки отрыва формы от содержания, свойства от предмета несут в себе след идеалистической диалектики, способной ухватить суть объективных изменений лишь в ограниченной степени, но никогда в корне.

Список литературы

1. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1959. Т. 13.
2. *Маркс К.* Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
3. *Маркс К.* Оправдание мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
4. *Маркс К.* К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
5. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 3.
8. *Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 4.
9. *Маркс К.* Дебаты о свободе печати // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 1.
10. *Энгельс Ф.* Письмо И. Блоху // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 394–395.
11. *Энгельс Ф.* Письмо К. Шмидту // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 416–418.
12. *Энгельс Ф.* Письмо Ф. Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 82–82.
13. *Энгельс Ф.* Письмо В. Боргиусу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 175.
14. *Ленин В.И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1986. Т. 5. Ч. 2. С. 65–191.
15. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1960. Т. 23.
16. *Орлов В.В.* Материя. Развитие. Человек. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1974. 397 с.
17. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М.: Изд-во «Мысль», 1975. 456 с.
18. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 343–628.
19. *Свидерский В.И.* Противоречивость движения и ее проявления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 142 с.
20. *Мостепаненко М.В., Мелюхин С.Т., Штофф В.А.* Проблема развития в природе и обществе. М.: Изд-во академии наук, 1958. 296 с.
21. *Вислобоков А.Д.* Марксистская диалектика и современным механицизм. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962. 240 с.
22. *Орлов В.В.* Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1966. 438 с.
23. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1988. Т. 9. Ч. 1–476 с.
24. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Труд и социализм. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1991. 203 с.
25. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Философия экономики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 264 с.
26. *Корякин В.В.* Современный мир и философия // Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. Т. 1. С. 11–30.

ON THE QUESTION OF THE DIALECTIC OF PRODUCTIVE FORCES AND INDUSTRIAL RELATIONS

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

15, Bukireva St., Perm, 614068

The dialectic of productive forces and industrial relations is the driving contradiction of the social process, which is the relationship of social content and form. The content and form of the object are in accordance with each other and develop simultaneously. The movement of an object from simple to complex, realized in the dialectical relation of simple and complex (the dialectic of stages), as its moment includes the dialectic of the sides of the object (including content and form). In objective development, the dialectic of the parties is realized in accordance with the dialectic of the stages, simultaneously with it, in the process of thinking, both the coincidence of both forms of dialectics and their divergence are observed. The latter becomes the basis for idealistic dialectics, which tends to turn the sides of an object into stages of its formation. In the arguments of the founders and followers of Marxism about the dialectic of productive forces and industrial relations, one can find "traces" of idealistic dialectics, which sometimes leads to a violation of the logical harmony of the description of social development.

Keywords: dialectics, objective and subjective dialectics, materialistic and idealistic dialectics, productive forces, industrial relations, social process

УДК 330.33.01

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-11-21-46

УРАЛЬСКАЯ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ИССЛЕДОВАНИЕ БОЛЬШИХ КРИЗИСОВ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА ПО СЛЕДАМ ПОЗДНЕГО К. МАРКСА

В. Г. Колташов

Экономист, директор Института нового общества

koltashov@gmail.com

XX век оставил в наследство науке много вопросов относительно философии марксизма. Исследования Уральской философско-антропологической школы показали, что К. Маркс имел иной взгляд, не совпадающий с представлениями советской и западной тенденций марксизма. В политической экономии это дало возможность продвинуться далеко вперед. В 1873 году в мире начался неожиданно ранний и слишком затяжной экономический кризис. Он завершился лишь в 1880 году. Это явление привлекло внимание К. Маркса. Но исследовать этот и подобные ему большие кризисы стало возможно лишь после того, как был накоплен статистический материал. В статье рассматривается теоретическая модель большого кризиса промышленного капитализма в сравнении с моделью среднего кризиса. Показано как развивается большой кризис, какие задачи он решает, почему имеет столь продолжительной и глубокий характер, с чем связана его волновая природа. Дано определение большого кризиса и графически показано его место в процессе волнового экономического развития. В результате проведенного исследования автором были определены следующие большие кризисы: 1772–1783, 1810–1820, 1848–1851, 1873–1880, 1899–1904, 1929–1933, 1948–1954, 1973–1982 и 2008–2020 гг. Каждому из них в статье дается краткая характеристика, выделены: особенность развития кризиса и произведённого им поворота, а также приобретённые в результате кризиса основы экономического роста.

Ключевые слова: поздний Маркс, уральская философско-антропологическая школа, средний кризис, большой кризис, большая цикличность, длинные волны, волны развития, промышленный капитализм, Маркс, casus 1873, политическая экономия.

1. Уральская философско-антропологическая школа и поиск нового знания в политэкономии

Уральская философско-антропологическая школа сформировалась под руководством д.ф.н. К.Н. Любутина, которого лично знал и крайне не любил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов – главный

идеологический пастырь брежневской эпохи и центральный контролер марксистской философии. М.А. Сулова возмущал интерес К.Н. Любутина к марксистской философии не как адепта марксистско-ленинистского официоза, а как честного исследователя. К.Н. Любути́н, а с ним далее д.ф.н. П.Н. Кондрашов, к.ф.н. А.А. Коряковцев и С.В. Вискунов сосредоточились на отделении идеологических продуктов XX века от подлинных воззрений К. Маркса как социального мыслителя.

После окончания советской эпохи уральские философы проделали огромную работу. Она не поощрялась государством, но она и не встречала преград, за организацию коих некогда отвечали М.А. Сулов и ему подобные «мыслители». Между тем, события 1980–2020 годов дали много дополнительной информации для научного осмысления. Очень серьезные вопросы встали перед политической экономией, которая, как широкое направление, оказалась административно раздавлена неолибералами. Другая проблема её состояла в том, что советский марксизм и разные западные интерпретации марксизма не давали нужного знания для того, чтобы осмыслить множество процессов и явлений в развитии промышленного капитализма, а с этим – и механизмы развертывания и свертывания «реального социализма», великих модернизационных революций, растущей и падающей активности пролетариата с его превращением в имущий рабочий класс в развитых индустриальных странах.

Особое значение имела экономическая цикличность как выразитель важнейшего механизма общественного развития.

Уральская философско-антропологическая школа не могла решить все перечисленные задачи. Потому её представители сосредоточились на том, что мешало решению. Они сконцентрировались на отделении зерен от плевел в марксизме, чтобы иметь точное представление о том, что же на самом деле было в трудах Маркса. Результаты деятельности школы в немалой мере представляет работа «Маркс утраченный и Маркс обретенный: книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь», где представлен разбор мифов о марксизме (их обычно и принимают за марксизм или за формационный подход) и восстановлены реальные социальные прогнозы Маркса [1]. Общий же итог – это очищение представлений о философии Маркса от наслоений XX века, таких как догматизированный формационный подход и вся жесткая схема этапности развития. Именно это ценно для исследовательской работы в области политической экономии, где открытие вполне реальных представлений и прогнозов Маркса дополняет изучение материалов позднего Маркса и обширной экономической статистики, собранной в XX веке. Моя работа здесь продолжается более 20 лет. Она смыкается с работой философов Уральской школы и нацелена она на изучение кризисов. Кажется, что Карл Маркс сказал о них

достаточно? Это не так. В конце жизни Маркса волновала проблема нетипичного кризиса 1873–1880 годов, который выбивался из общего ряда, как и другой кризис – 1847–1850 годов.

Как признавал Ф. Энгельс в 1873 г. «наступил поворот», разразился сильнейший кризис, затянувшийся до 1880 г., тогда как К. Маркс и Ф. Энгельс ранее ожидали промышленный спад в 1878 или 1879 гг., поскольку только в 1869 г. завершился предыдущий кризис. По силе же кризис 1870-х гг. не уступал, как отметил Ф. Энгельс, кризису 1847–1849 гг. [2, с. 498] Он оказался и более затяжным. Кризис казался К. Марксу настолько нетипичным, что до его окончания он отложил завершение своего анализа кризисных процессов и не стал публиковать II том «Капитала» [3, с. 288]. Возможно, именно необычное проявление кризиса заставило К. Маркса задуматься над вопросом о действительных исторических пределах капитализма, которые, вероятно, уже не казались ему близкими. Это видно из черновиков ответа Вере Засулич (1881 г.): К. Маркс написал четыре версии ответа с революционным пафосом, но отослал лишь сухую подборку цитат из «Капитала» [4].

Об этом все забыли. В XX веке было не до тонкостей.

Считается, что марксизм можно развивать эволюционным путём. Это неверно. Теоретические направления марксизма накопили слишком много ошибок. Потому, следует сделать две вещи: 1) вернуться к позднему Марксу, изучить вопросы, волновавшие его в конце жизни; 2) опереться на максимальное знание об экономике промышленного капитализма и предыдущих периодов развития; 3) проститься с иллюзией о том, что на высоком уровне абстрактности при низком уровне знания конкретности можно добиваться успеха в познании. Пора осознать, что необходима революция в теории.

Считается, что марксизм на каждом этапе своей истории представлял собой максимальное осмысление имеющегося знания о материальном мире, об обществе и его динамике. Проблема в том, что в XX веке практический вопрос борьбы угнетенных классов против капитала и империализма, построения устойчивой социально-хозяйственной системы под лозунгом социализма отодвинул неудобные факты – эти факты не попадали в сферу внимания марксистских мыслителей.

Огромную проблему представлял поэтому застой в политической экономике. Под руководством Л.А. Мендельсона в СССР была проведена большая работа по изучению кризисов при капитализме как фактического явления; вышла его книга «Теория и история экономических кризисов и циклов» [5]. Однако, еще в советское время в России стали задвигать его работу на периферию научного внимания. «Теорию и историю экономических кризисов и циклов» не переиздавали. В Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова имя Л.А. Мендельсона придано забвению, а именно

там (тогда этот ВУЗ назывался Московский институт народного хозяйства) и велась колоссальная работа по изучению торгово-промышленных кризисов промышленного капитализма. Попытки продолжать его дело встречают гигантское сопротивление. Причина? Неолиберальная экономическая идеология, созданная в США, считает неправильным изучение кризисов, так как они портят репутацию капитализма и вообще, дескать, есть продукт ошибок.

Неолибералы из академической среды и научной бюрократии России ещё очень сильны в своей борьбе против политической экономии и новейших исследований. Это логично. Они придерживаются не марксистского взгляда на развитие мировой экономики и влюблены в североамериканский капитализм.

Однако собранные за десятилетия работы советских ученых конкретные сведения об экономических кризисах в истории промышленного капитализма дают ценнейшую основу для исследований. Они дают то, чего недоставало Марксу, как великому аналитику — они дают фактический материал. На этой и иной основе нужно исследовать политическую экономию капитализма, узнавать его законы. Без этого мы не сможем понять изменения в капитализме XXI века и эволюцию империализма на Западе.

Жить в XXI веке — это преимущество, если мы хотим понять Великую русскую революцию. Октябрьская революция не была отдельной революцией, а стала кульминацией революционной борьбы в России 1905–1917 годов, как победа Коммунистической партии Китая стала кульминацией долгого (во многом параллельного с Россией) подъема революции. Но революция этим пиком не ограничена. За ней следуют другие этапы: термидорианский, бонапартистский, реставрационный (восстанавливающие многие экономические и культурные черты общества до революции) и славный — «вторичнореволюционный». Об этой этапности я пишу в книге «Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм».

Путь к социализму — это в XXI веке избавление от наследия реставрации, неолиберализма и защита важнейших завоеваний Великих революций XX века. В Евразии — это революции в России и Китае.

Марксистская философия должна двигаться в область конкретного. Это не только политическая экономия, но это также — социология, культура, психология и политика. Это возможно благодаря, прежде всего, результатам работы Уральской школы в России. В политической экономии мы имеем огромный прорыв, о котором в Китае почти ничего еще не знают. А это означает, что распространение нового знания остается одним из важнейших механизмов развития марксизма. Философия марксизма должна иметь опору в новом знании, тогда она сможет успешно развиваться как метод. Это хорошо понимал Маркс в конце своей жизни.

Проблема Маркса состояла в том, что природа не дала этому великому ученому достаточно времени, а накопление исторического и иного материала не позволяло ему раскрыть вполне некоторые новые законы развития общества. Большинство современных марксистов даже не знают, на каких сложных вопросах остановился Маркс в конце жизни. Для XX века было достаточно упрощенных ответов на сложные вопросы, но мы знаем, что эти ответы часто были неверны.

Потому в политической практике сейчас возникает так много проблем: там, где должна иметься полная ясность, мы часто видим полный туман, что очень затрудняет обществу и его организованным силам прокладывать курс вперед и одерживать победы.

2. Большие и средние кризисы капитализма

К. Маркса интересовали кризисы 1847–1850 и 1873–1880 годов. Он, возможно, понимал, что впереди немало подобных продолжительных и слишком разрушительных экономических кризисов, но они ещё не произошли. С другой стороны, не были известны предшествующие кризисы. По сей день можно читать, что будто бы торгово-промышленный кризис 1825 года явился первым в истории капитализма. Это было не так. Не только ранее имели место средние, подобные кризису 1825 года, экономические кризисы, но и кризисы более крупные – подобные кризисам 1847–1850 и 1873–1880 годов.

Это были большие кризисы.

В экономическом развитии большие кризисы капитализма проявились благодаря великому экономическому кризису XIV в. Однако до конца третьей четверти XVIII в. циклическими их считать можно лишь условно. Вместе с тем, положение стало меняться, как только возник промышленный капитализм, начиная с его центра – английской экономики. С этого времени складывается строгая система чередования больших кризисов, каждый из которых обеспечивает окончание одной фазы и начало другой фазы длинной волны, которые идентифицировал Н.Д. Кондратьев, или же сменяет волны развития. Большие кризисы имеют место на границах повышательных и понижительных фаз длинных волн Кондратьева [6].

Включение в анализ больших поворотных экономических кризисов 1772–1783 гг. и 1810–1820 гг. дает отправную точку в анализе волнового развития промышленного капитализма, который родился в первом из этих кризисов. Между ними находятся известные всем кризисы среднего (торгово-промышленного) цикла. Первый из средних циклов начинается с первого из выше обозначенных больших кризисов. Далее второй выше обозначенный большой кризис также завершается последним в этом цикле средним кризисом. Механика такого чередования далее повторяется в последующие 200 лет. До современного большого кризиса 2008–2020 годов, столь

сильно изменившего мировую экономику. Средние кризисы корректируют рост экономики, большие кризисы меняют условия развития экономики.

Перечень и краткая характеристика всех исторически зафиксированных больших экономических кризисов промышленного капитализма, произошедших за 250 лет, дана в табл. 1.

Таблица 1 – Большие мировые экономические кризисы промышленного капитализма за 250 лет

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
1772–1783	<p>Развитие торгового капита- лизма в империи Габсбур- гов, России, Испании, Пруссии, британских коло- ниях в Северной Америке и других странах приводит к росту проблем в экономи- ках, ранее вступивших на путь торгово-производ- ственного развития. Осо- бенно острым оказывается кризис в Англии; сильно страдают Франция, Нидер- ланды, Северная Италия. Происходит обострение противоречий между стра- нами, и внутри них – между классами общества и территориями. Кризис вызывает волну войн, по- пыток радикальных ре- форм и революций. Научно-техническая рево- люция переходит в про- мышленный переворот.</p>	<p>В центре экономического мира – в Англии – начинают приме- няться паровые машины в горном деле, появляется хлопчатобумаж- ная промышленность с растущим применением станков; идет стро- ительство каналов и дорог. После революционных изменений в континентальной Западной Ев- ропе также активно начинают об- новлять производство и активно применяют протекционистские меры, хотя собственные мануфак- туры там создавали и прежде. В целом происходит качественно новое использование ресурсов, включая освобожденных от фео- дальной зависимости работников.</p>

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
1810–1820	<p>Процесс разворачивается как кризис перепроизводства, который со временем обретает волновой вид. Военные заказы в Европе и США лишь временно и не вполне стабилизировали положение. После завершения наполеоновских войн (1815 г.) кризис вновь возвращается и вызывает усиление протекционистской политики. Она больно ударила по фабрикам Англии – центральной экономике мира, с которой кризис и начинался. В силу этого запуск новой волны подъёма и, соответственно, выход из эпохи кризиса были связаны с политикой Британии по завоеванию новых рынков, даже если их приходилось отбирать у недавних союзников (испанские колонии в Америке). Кризис ускорял внедрение машин в производство, но этого было всякий раз недостаточно, что подтверждали его волны.</p>	<p>Освобождение испанских колоний в Южной и Северной Америке усилило их связь с рынком Англии, а захваты ею новых территорий в Индии обеспечивали расширение мирового рынка. Его территориальное расширение, включая взлом китайского рынка в 1840–1842 гг., давало основу для развития экономик. Это включало создание машинной промышленности в Англии и строительство железных дорог, которое началось также и в других странах. В процессе развития в Англии машиностроение переходит из ремесленной формы в индустриальную, и начинает оформляться как отрасль промышленного производства.</p>
1847–1851	<p>Необычайно острый кризис начался с английского рынка. Стандартный крах спекуляций (в том числе бумагами железных дорог) и</p>	<p>Снятие запрета на вывоз машин из Англии, совершенствование моделей машин и производства, переход от штучного к серийному их производству, дали возможность</p>

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
	<p>падение товарных цен ударили сильнее всего по экономикам континентальной Европы, где применение машин было ещё весьма слабым. Социальное напряжение перехлестнуло через край: по Европе прокатилась волна восстаний, начались буржуазные конституционные реформы. Вслед за Англией, где техническое обновление сферы производства шло особенно быстро и созрела новая отрасль индустрии – машиностроение, из кризиса начали постепенно выходить другие страны.</p>	<p>ускоренного роста для строительства железных дорог в остальном мире и роста промышленного производства в Англии, Европе и Северной Америке. В результате революций и реформ стало возможным вовлечение в капиталистическое производство массы людей. В целом стал возможен рост на основе более качественного и более активного использования внутренних ресурсов мирового рынка.</p>
1873–1880	<p>Впервые эпицентром большого кризиса оказалась не Англия, а США и Германия. Спекуляции на волне строительства железных дорог привели к биржевому краху и волне банкротств. Затяжной и острый кризис обнаружил, что почти достигнуты пределы освоения областей, вовлечённых в мировой рынок на базе сложившейся системы разделения труда. Правительства Англии и Франции осознали дефицит для своих экономик периферийных рынков и принялись решать проблему.</p>	<p>Технологическая революция в сталелитейной индустрии и стремительный её рост, общее совершенствование машин и технологий производства обеспечили взлет стального кораблестроения и ускорение развития морских сообщений. Во Франции установление республики сделало возможными интенсивные колониальные захваты. Пошло быстрое включение в мировой рынок Африки, для обеспечения чего имелись новые средства сообщения. Но волна развития началась с возобновления железнодорожного строительства в США, где ещё имелся потенциал вовлечения в торговлю внутренних областей.</p>

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
1899–1904	<p>Кризис начался с России, где завершилось строительство Транссибирской магистрали. В США, Германии окончание железнодорожных проектов также выявило вздутость цен на сырьё, чугун, сталь и машины. Имевшиеся и готовящиеся ко вводу производства оказались избыточными; прокатилась волна банкротств, начался спад производства и увольнений. Кризис оказался тяжёлым и продолжительным, усиление социального напряжения дало толчок к волне революций и реформ. В период депрессии быстро прошло обновление технологий производства и развитие новых отраслей. Стало очевидно, что территориальное расширение мирового рынка завершено и напряжение между великими державами выросло, что привело к первой волне империалистических войн. Соперничество наций становится одним из важнейших стимулов развития.</p>	<p>Быстрое развитие получили автомобилестроение, создание электрических станций, электрических и газовых двигателей, выпуск и применение новых материалов, машин и механизмов с электрической тягой, место поршневых паровых машин занимают паровые турбины. В текстильной промышленности увеличивается число веретён, появляется конвейер, а скорость процессов и движения машин увеличивается. Строятся более мощные доменные печи. Всё шире применяется коксование угля в печах. Комбинирование производства увеличивается. Электрическая энергия находит все более широкое применение. Происходит снижение издержек производства. Резкий рост генерации электроэнергии, применения механических двигателей и иные изменения происходят ещё в годы кризиса. Появляется много новых товаров.</p>

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
1929–1933	<p>Кризис открылся в США с биржевой и банковской паники, охватив затем другие страны. Усиление протекционизма, в отличие от ситуации 1899–1904 гг., не облегчило развития кризиса и не защитило от потери избыточных производственных мощностей. Протекционизм колониальных империй был направлен также против производства в собственных колониях. Выяснилось также, что масса наёмных работников стала базовым потребителем, без опоры на которого невозможно преодоление спада и расширение производства; игнорирование их интересов и обеспечило глубину спада – антикризисные пакеты образца 1899–1904. Депрессия была особенно сильной, а переход к оживлению оказался особенно трудным.</p>	<p>Начало волны пониженной динамики развития не было связано с обычным расширением мирового рынка через обретение новой зоны периферии, что резко снизило экономический эффект от новшеств в производстве и снижения издержек в нём. Основой роста оказалась политика планомерной подготовки к войне – в странах Оси; политика стимулирования спроса и занятости, макрорегулирование экономики – в США, Англии, Франции (включая подавление колониальной промышленности протекционизмом метрополий); создание индустрии и развитие экономики на плановой основе – в СССР. Начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война показала, что в отсутствии нового для освоения пространства на планете вновь встает вопрос о переделе сфер влияния, а новые технологии связаны с войной. Не приобрести новую «Африку» в границах мировой системы страны Оси не смогли, что определило беспрецедентную краткосрочность волны пониженной динамики развития.</p>

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
1948–1954	<p>Кризис разразился в наименее пострадавшей от войны крупной экономике мира – США. Провал в промышленности был в 1948–1949 гг. очень сильным. Действия властей привели к быстрому его свертыванию: план Маршала и другие меры активизировали международный товарный обмен с экономикой Западной Европы и позволили рядовым американцам тратить отложенные за войну деньги. По сути, государственные меры в США обеспечили выполнение требований большого кризиса по изменению экономической и социальной политики. Однако кризис имел ещё две волны: европейско-японскую с 1949 по 1952 г., и уже не столь сильную как в 1948-1949 гг. американскую. Для восстановления экономики после войны и обеспечения роста были созданы: Бреттон-Вудская система мировых валютных расчётов, МВФ и ГАТТ. В условиях кризиса повышение степени регулирования экономикой положительно повлияло на его преодоление.</p>	<p>Кейнсианская экономическая политика в индустриально развитых государствах капитализма стала нормой, а массовое потребление опорой роста. По сути, происходит освоение важного внутреннего ресурса экономики – спроса со стороны наёмных работников, то есть формирование общества потребления. Важной частью этого процесса становится обеспечение потребителей лучшим по качеству жильём, собственным или арендуемым у государственных структур. Роль государства возрастает. Новые технологии обеспечивают рост автоматизации производства, рождение новых отраслей и массовое производство новых товаров. Быстро развиваются атомная энергетика, электроника, радиотехника и телевидение, ракетные и космические технологии, вычислительная техника и машиностроение.</p>

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
1973–1982	<p>Эпицентром кризиса стали старые индустриальные страны. В 1973 г. сырьевой кризис (рост издержек на сырьё) принял острую форму из-за решения ОПЕК поднять цены на нефть. В 1974 г. статистика показала рост проблем в экономиках Северной Америки, Западной Европы и Японии; они сглаживались кейнсианскими мерами властей, но это лишь превратило кризис в «наводнение», выражением чего была стагфляция и раздробление процесса на нескольких волн. В борьбе с инфляцией и падением курсов основных валют активно применялась политика повышения ставок центральных банков. В результате выросших затруднений в США и Англии к власти пришли сторонники неолиберальной политики, что позволило отпустить кризис в реальной сфере и перестроить отношения со странами периферии и полупериферии, сделав возможной выгодную экспансию туда капиталов.</p>	<p>Благодаря сделке между правительствами стран центра, их соперниками (СССР и Китай согласились на меньшую роль в мире) и странами полупериферии и периферии ускорился вывоз капитала из центра. Открылись в качестве зависимых новые рынки, постколониальные или постсоветские. Сделка была оформлена как Вашингтонский консенсус и подкреплена почти глобальным принятием неолиберальной политики и таких структур как МВФ, ВБ и ВТО. В Кингстоне (1976 г.) была основана ямайская валютная система, передавшая от государства к рынкам определение курсов валют. Сделка была идеологически подана как начало эры глобализации и «свободной торговли», на деле это означало свободу движения капиталов и облегчение движений товаров, но не рабочей силы – капиталы могли выбирать зоны с разными условиями её эксплуатации. Страны центра заработали как общие центры накопления. Всё это в сумме позволило вовлечь в процесс промышленного производства массу бывших крестьян из стран периферии. Это обеспечило длительное снижение издержек, тогда как периферия</p>

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
		расширилась и стала более индустриальной. Кризис запустил революцию информационных и коммуникационных технологий, включая появление персональных компьютеров, Интернета и мобильной связи. Информационный переворот облегчил процесс управления предприятиями во всём мире из центров на Западе.
2008–2020	Отправной точкой кризиса стал ипотечный кризис в США (главном рынке сбыта промышленных товаров), когда миллионы домашних хозяйств показали неспособность платить по жилищным кредитам. После того, как стало ясно, что меры правительства не помогли, кризис открылся на биржах (падение 2008–2009 гг.) и стал также банковским кризисом. Общими усилиями стран G20 кризис был взят под контроль, и последовало оживление. Но неолиберальный «консенсус» рухнул с приходом Второй волны кризиса (2013–2016 гг.), ударившей по БРИКС и меньшим рынкам, но не старым центрам капитализма, которые принимали бегущие капиталы и	2015–2016 гг. стали переломной точкой развития: возрождение протекционизма, увеличение роли государства в экономике и обострение противоречий между старыми и новыми центрами капитализма создало условия для нового подъёма в экономике, как только будут убраны последние преграды, созданные кризисом. Это включает в себя не только переход в новых центрах к политике усиления внутреннего спроса и потребления, а также улучшение инфраструктуры (сдвиг к практикам кейнсианства), но и всюду начавшееся внедрение роботов в производстве, транспорте и торговле, переход к широкому использованию роботов-программ в сфере информации. Посткризисное развитие будет связано с расширением производства и использования новых синтетических ма-

Хроно- рамка Большого кризиса (годы про- явления)	Особенность развития кри- зиса и произведённого им поворота	Приобретённые основы экономического роста
	<p>усиливали давление на элиты других государств. В годы повторного проявления кризиса начала усиливаться политика протекционизма, а высшая бюрократия новых центров капитализма осознала неомеркантилистские задачи времени. Последовало очередное оживление, не отменившее обстановки ожидания биржевого краха в старых центрах, и девальвации ряда валют стран полупериферии и периферии. В 2020 году из-за падения потребления в КНР на фондовом рынке началась Третья волна кризиса, особенно сильно ударившая по США.</p>	<p>териалов, снижением себестоимости и ростом применения композитных материалов, развитием общественного транспорта, системы здравоохранения и иных сфер коллективного потребления. Пандемия коронавируса 2020 г. показала возросшее значение эпидемиологии, вакцинации и государственной системы здравоохранения, которая станет важным фактором экономического развития. Возможно применение новых способов генерации, сохранения и передачи электрической энергии. Огромным должно стать жилищное и иное строительство. В процессе подъёма будут развиваться биологические технологии всякого рода, включая секвенирование генов; экология станет важным направлением инвестиций.</p>

Источник: составлено автором.

Каково определение большого кризиса? Большой кризис — фаза большой цикличности экономического развития в промышленном капитализме, характеризующаяся большим перенакоплением капитала и перепроизводством товаров, что приводит к затяжным проблемам в экономике и порождает радикальные преобразования в экономической, политической, технологической и социальной сферах мировой системы. Такой кризис не просто корректирует рост, а изменяет условия экономического развития, имея признаки как структурного, так и системного кризиса. Большим кризисом заканчивается волна развития, берущая начало из другого большого кризиса. Волны развития и большие кризисы как их фазы появляются уже после великого экономического кризиса XIV в. ещё в условиях

торгового капитализма – до промышленной революции последней четверти XVIII в, породившей среднюю цикличность. Большой кризис промышленного капитализма одновременно является кризисом среднего или торгово-промышленного цикла, завершающего волну экономического развития. Механизм больших кризисов, начавшийся формироваться в период доминирования торгового капитала, обрёл строгую периодичность с конца XVIII в. Большие кризисы всегда происходят на стыках повышательных и понижательных фаз в рамках волн Кондратьева, но могут иметь индивидуальные особенности, в частности различную продолжительность – от 4 до 12 лет.

3. Теоретическая модель большого и среднего кризиса

Маркс только подошел в своей работе ученого к формулированию проблемы большого кризиса. Влияние здесь оказал «casus 1873» – возникновение и развитие, как казалось многим, нетипично долгого кризиса 1873–1880 годов.

Что можно понять теперь?

В таблице 2 обобщены ключевые теоретические характеристики большого кризиса промышленного капитализма, что позволяет нам говорить о сформированной теоретической модели таких кризисов. Сопоставление характеристик большого промышленного капитализма и его средних кризисов, которые содержательно проанализированы классической политической экономией, показывает их сущностные различия.

Оба типа кризисов носят общеэкономический характер. Но большие кризисы промышленного капитализма представляют собой особый вид кризиса перепроизводства. Разработку общей концепции промышленного кризиса начал К. Маркс [2]. Концептуально описав ситуацию стандартного среднесрочного кризиса, Маркс также подошёл к разработке теоретической модели более сложного – большого экономического кризиса, сменяющего волны развития, и дал основы для выявления его содержания и собственно формулы большого кризиса. Волны Кондратьева, фазы этих волн – понятия, привычные для экономической науки. Но больше ясности в этой проблематике появляется, когда мы вводим понятие «волна развития», которое связано с понятием «большой кризис». Большой кризис и порождаемая им волна развития порождают цикл высокого уровня, и главное – он имеет явное начало и завершение.

Таблица 2 – Средние и большие кризисы промышленного капитализма.
Сопоставление ключевых характеристик теоретических моделей

Критерии различия	Средний экономический кризис	Большой экономический кризис
Базовые теоретические различия	Экономический кризис перепроизводства согласно концепции Карла Маркса (кризис при завершении среднего цикла)	Большой экономический кризис, согласно волновой теории развития капитализма
Общая причина кризиса	Основное противоречие капитализма – противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения	Основное противоречие капитализма – противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения.
Конкретное выражение причины кризиса	Товарное перепроизводство в силу недостатка потребительского спроса; платежеспособный спрос большинства населения отстаёт от роста производства.	Товарное перепроизводство в силу недостатка потребительского спроса; платежеспособный спрос большинства населения отстаёт от роста производства. При этом достигнуты пределы его повышения в результате преодоления кризисов по стандартной схеме.
Проявление для капитала	Избыточное инвестирование капиталов в производство и торговлю, вызывающее сторание излишнего реального капитала в процессе кризиса – сокращение производства, закрытие цехов и предприятий означающее разрушение	Избыточное инвестирование капиталов в производство и торговлю, вызывающее сторание излишнего реального капитала в процессе кризиса – сокращение производства, закрытие цехов и предприятий означающее разрушение части производительных сил; перенакопление и возможное сторание капитала в огромных масштабах; процесс имеет затяжной, а часто и волновой характер – кризис не отпускает и часто обманывает, приводя к сторанию

Критерии различия	Средний экономический кризис	Большой экономический кризис
	части производительных сил.	инвестиций, сделанных в расчёте на скорый подъём.
Механизм преодоления кризиса	Восстановление динамического равновесия между спросом и предложением в условиях пониженных цен на товары за счет обновления основного капитала, совершенствования производства. В результате создаются условия для нового расширения производства.	Восстановление динамического равновесия между спросом и предложением в результате возникновения или (и) форсирования развития новых отраслей, качественно меняющих процесс производства. Например: внедрение паровых машин в промышленности при создании машиностроения, замена пара электричеством при возникновении автомобилестроения и сетей электростанций. Значение имеет также изменение социальных условий производства (радикальные реформы и революции) и открытие новых рынков, ранее находившихся за пределами мирового капитализма или имевших крайне ограниченные связи с ним. Одновременно происходит обновления основного капитала и совершенствование существующего производства, что само по себе оказывается недостаточным для преодоления кризиса.
Когда имеет место (фазой какого цикла является)	Кризис завершает торгово-промышленный цикл 5–10 лет (цикл Клемана Жюгляра)	Кризис завершает волну развития 20–30 лет (можно говорить и о фазах длинных волн по Н.Д. Кондратьеву) и является механизмом запуска новой волны развития, внутри которой происходят обычные кризисы перепроизводства.
Продолжительность кризиса	Не более 2 лет	От 4 до 12 лет
Функция в экономическом развитии	Корректирующая	Изменяющая

Критерии различия	Средний экономический кризис	Большой экономический кризис
Факторы, затрудняющие преодоление кризиса	Усиление эксплуатации рабочей силы.	Усиление эксплуатации рабочей силы, пережитки феодальных отношений и отсталые реакционные политические системы, сложившиеся ранее центр-периферические отношения между странами (последнее подчеркивает, что структурность кризиса не носит чисто отраслевой характер и не ограничивается также экономической политикой).
Особенности развития кризиса	Накануне кризиса развиваются биржевые спекуляции (сырьем и ценными бумагами), активно выдаётся кредит, что создаёт иллюзию спекулятивной и финансовой природы кризиса. Падение на бирже приводит к вздорожанию кредита и банкротствам. Увольнения ещё более сокращают потребительский спрос и обостряют кризис	<p>1. В преддверии кризиса биржевые спекуляции достигают особенной силы, что приводит к большому падению, особенно глубокому и затяжному кризису.</p> <p>2. Торгово-промышленный цикл не может начаться – так можно охарактеризовать часто возникающую при таких кризисах ситуацию, когда после падения рынков и волны банкротств, капиталисты провели обновление основного капитала, но это привело лишь к новому падению.</p> <p>3. После возникновения государственно-монополистического капитализма и развития кейнсианской контрциклической политики такие кризисы приобрели W-образную структуру; они стали распадаться на волны с чередующимися искусственными оживлениями, в результате работа кризиса растянулась во времени и приобрела черты работы серии кризисов (ситуации 1973–1982 и 2008–2019 гг.)</p>
Зоны возникновения и преодоления	Страны центра мирового капитализма (отслежено на английских кризисах XIX века).	Страны центра и полупериферии мирового капитализма, при этом возможен переход стран из полупериферии в группу центра и даже смена ролей.

Источник: составлено автором.

Необходимо еще раз подчеркнуть: если средний кризис (обычный кризис среднего цикла) выполняет корректирующую функцию, то большой кризис – функцию изменяющую. Он продолжается от 4 до 12 лет. Складывается целая эпоха кризиса в силу того, что для возобновления экономического роста становятся необходимыми глубокие общественные перемены в зоне центра, полупериферии, а иногда и периферии мировой системы. Задача структурных изменений в экономике не может быть решена в этом процессе без революции в технологиях, создания или форсированного развития новых отраслей. Описывать большие кризисы как структурные, означает сужать их сущность и проявления, упрощать явление, теряя возможность сделать его понятным.

4. Большие кризисы и волновое развитие капитализма на графиках

Механика больших кризисов в процессе развития капитализма изменяется: они могут становиться более затяжными, приобретают многоволновую структуру, но при этом они остаются механизмом смены волн развития. Изменения в чередовании больших кризисов после промышленной революции, связанной с большим экономическим кризисом 1772-1783 гг., представлены на рисунке 1.

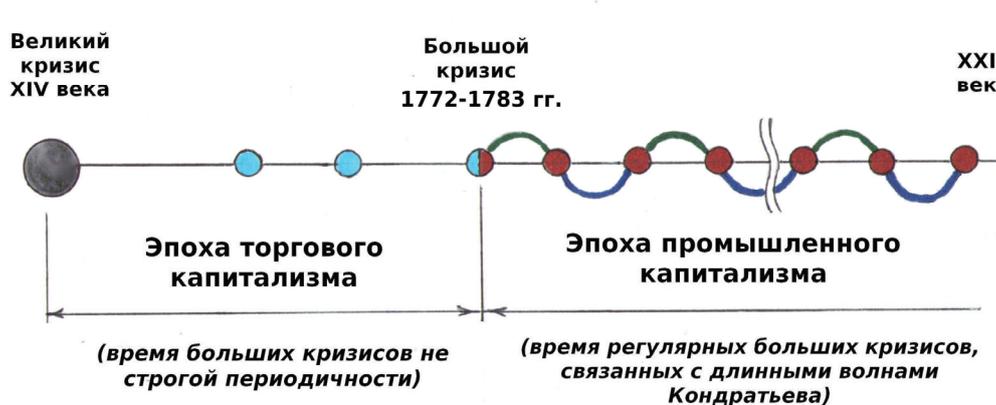

Рисунок 1 – Большие экономические кризисы до и после промышленного переворота 1772–1783 гг.

Источник: составлено автором.

Изображение волн развития, исходя из реального вида конъюнктуры и с учетом её резкого ухудшения во время больших кризисов представлено на рис. 2. Подчеркнуто выделено резкое ухудшение конъюнктуры с приходом большого кризиса. Этот процесс прерывается на время и средними кризисами, но коренное изменение происходит именно с началом большого экономического кризиса.

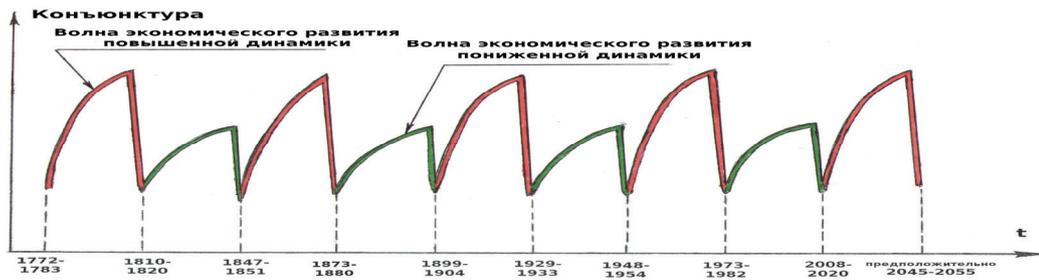

Рисунок 2 – Изображение волн развития близких к фазам длинных волн Н.Д. Кондратьева исходя из реального вида конъюнктуры и с учетом её резкого ухудшения во время больших кризисов
 Источник: составлено автором.

Классическое изображение длинных волн по Н.Д. Кондратьеву, представленное на рисунке 3, не позволяет увидеть реальный процесс. Теряются не только сами большие кризисы, но и изменение конъюнктуры на протяжении повышательных и понижательных фаз длинных волн. Синусоида подходит для иллюстрации разности фаз Кондратьевских длинных волн, но создает искаженное представление об экономическом процессе.

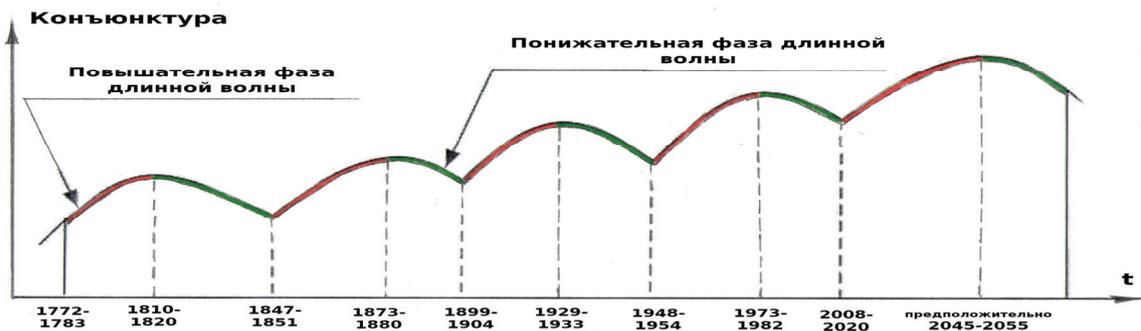

Рисунок 3 – Большие кризисы при «классическом» изображении длинных волн
 Источник: составлено автором.

На рисунке 4 показаны особенности большого кризиса и его место между двумя волнами развития, повышенной и пониженной динамики.

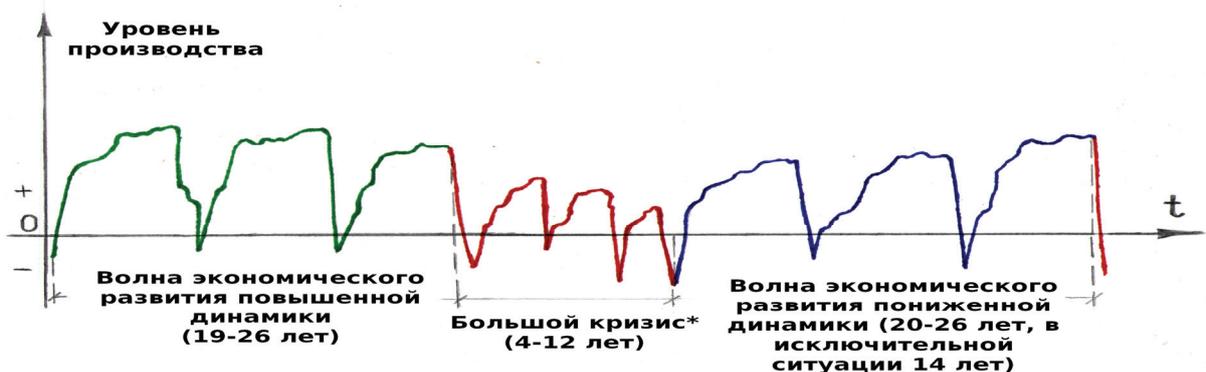

Рисунок 4 – Большой кризис и волны развития

**Примечание.* – динамика большого кризиса показана в наиболее сложном варианте, когда периоды оживления сменяются новыми спадами или депрессиями. Для промышленного капитализма XIX – первой половины XX в. более характерна динамика, при которой за обвалом рынков следует длительная депрессия.

Источник: составлено автором.

Таблица 3 позволяет видеть, какие волны сменялись конкретными большими кризисами. Тут мы специально отошли от понятий повышательной и понижательной фазы длинной волны, так как каждая такая «фаза» при детальном рассмотрении распадается на большой кризис и волну развития, им порождаемую. В периоды, традиционно обозначаемые как повышательная фаза, фиксируется волна повышенной динамики развития, в период обозначаемый как понижательная фаза выделяется волна пониженной динамики развития.

Таблица 3 – Положение больших кризисов в волновом процессе развития

Большой кризис (период в годах)	Динамика предшествующей волны развития (характер волны)	Динамика порожденной кризисом волны развития (характер волны)	Приблизительная продолжительность трансформация экономики в кризис
1772–1783	–	повышенная	более 10 лет
1810–1820	повышенная	пониженная	10 лет
1847–1851	пониженная	повышенная	4 года
1873–1880	повышенная	пониженная	7 лет
1899–1904	пониженная	повышенная	6 лет
1929–1933	повышенная	пониженная	5 лет
1948–1954	пониженная	повышенная	7 лет
1973–1982	повышенная	пониженная	10 лет
2008–2020	пониженная	повышенная	12 лет

Источник: составлено автором.

В момент начала больших кризисов имеет место товарное перепроизводство в силу недостатка потребительского спроса, в силу отставания платежеспособного спроса большинства населения от роста производства. Однако особенность ситуации большого кризиса всякий раз состоит в том, что

достигнут предел повышения потребления в результате преодоления кризисов по стандартной схеме. Это и приводит к затяжному и острому кризису, который в силу вмешательства регуляторов по обычной для борьбы с прежними – средними – кризисами схеме, тогда сам кризис будет иметь многоволновую структуру.

5. Особенности последних больших кризисов капитализма

Осознанное выполнение требований кризиса может привести к быстрому и сравнительно легкому его прохождению. Однако в истории примером такой ситуации, притом лишь отчасти, является только кризис 1948–1954 гг. Он произошел после Второй мировой войны с её грандиозными разрушениями и сложностями волны развития, когда территориальное расширение мирового рынка оказалось невозможным, что было раньше характерно прежде для волн пониженной динамики развития. В США общий объем промышленного производства с ноября 1948 г. по июнь 1949 г. (с наивысшего предкризисного пункта до нижней точки спада) сократился на 17,5% [7, с.135]. Резко увеличилась безработица: если в декабре 1948 г. в США было зарегистрировано 1,94 млн безработных, то в июле 1949 г. их было 4,9 млн, а в еще депрессивном 1950 г. – 4,68 млн [7, с.136]. В последующие два года ситуация улучшилась, но нужно учитывать меры по стимулированию продажи жилья и автомобилей. В 1951–1952 гг. «американский» кризис проявился в Европе, Японии, Великобритании и других странах. Девальвации и спад стали его проявлениями. В 1953 г. кризис вернулся в США: продолжительность спада и депрессии составила 21 месяц, а сокращение промышленного производства в течение 8 месяцев (июль 1953 г. – март 1954 г.) составило 11% [7, с.137]. Вторая волна была для США легче первой. После нее начался экономический подъем, связанный, среди прочего, с развитием новых технологий.

Все рассмотренные большие кризисы подтверждают предположение о том, что они являются механизмом запуска новой волны развития, внутри которой происходят обычные кризисы перепроизводства. Работа, принятая автором по изучению ситуаций последней четверти XVIII в. и 1810–1820 гг. позволила ликвидировать «белые пятна» и восстановить полный ряд больших кризисов в истории промышленного капитализма более раннего периода.

Кризис 1772–1783 гг. имел эпицентром Великобританию; его преодоление было связано с промышленной революцией в этой стране. На развитие кризиса в Великобритании указывает статистика импорта. Ценность ввозимых товаров достигла в 1760 г. 10 млн фунтов стерлингов, поднявшись до 12 млн фунтов стерлингов в 1770 г. В 1775 г. импорт достигает 15 млн фунтов стерлингов. После этого следует значительное падение ввоза в 1776–1783 гг. Ввоз падает до 10–11 млн фунтов стерлингов в год. Затем

разворачивается быстрый подъем. В 1785 г. импорт равен уже 16 млн фунтов стерлингов. Британские таможенные записи показывают: тоннаж судов, вышедших из портов Англии в 1770 г. составил 761 тыс. тонн, 1774 г. – 864 тыс. тонн, в 1777 г. – 820 тыс. тонн, в 1779 г. – 730 тыс. тонн, а в 1781 г. – 711 тыс. тонн. Но далее стремительный подъем: в 1785 г. тоннаж судов, вышедших из британских портов, составил уже 1055 тыс. тонн [8, с.71]. Под влиянием кризиса во Франции была предпринята попытка реформ, но неудачно. В Голландии в 1774 г. фиксировалась возможность получать кредиты под 5% и даже под 2–3% [9, с.441].

Не оставалась в стороне от кризиса и Россия. В 1772 г. было отмечено резкое ухудшение торгового баланса, повторившееся в 1782 г. Поступления от таможенных сборов перестали расти в 1774 г. Они оставались меньшими, чем в 1773 г. до 1780 г., когда подскочили с 3,1 до 4,1 млн рублей [10, с. 217–218]. С 1763 по 1771 гг. доходы русской казны от подушной подати и оброчных сборов увеличились почти вдвое (с 5,67 млн до 12,24 млн рублей), а затем начали медленно снижаться. В 1772 г. они достигли 12,22 млн рублей, а в 1773 г. составили 12,18 млн рублей. Данные за 1774–1776 гг. неизвестны, но в 1777 г. государство смогло получить 12,37 млн рублей. Сокращение и застой поступлений от подушного обложения крестьян в тот период сочетались с расширением империи и ростом ее населения. В 1781 г. подушные поступления равнялись 13,42 млн рублей, в 1782 г. – 13,52 млн рублей, а в 1783 г. – 13,31 млн рублей. После многолетнего зстоя этот показатель неожиданно взлетает в 1784 году до 21,69 млн рублей, начиная с колебаниями расти снова [10, с. 138–139]. В 1784 г. чистые доходы казны вообще поднимаются на 9 млн рублей: с 31,58 млн рублей с 1783 г. до 40,52 млн рублей [10, с. 257].

Большой кризис 1810–1820 гг. также имел волновую структуру, как и его предшественник: он начался и завершился в Англии, выполнявшей функцию центра процессов в мировой экономике. Кризис сильно ударил по экономике США, где выплавка чугуна в 1820 г. составила всего 20 тыс. тонн против 55 тыс. тонн 1810 г. [5, с. 308]. Любопытным наследием кризиса, на фоне падения империи Наполеона, оказалось сохранение во многом его протекционистской политики в Европе, включая Россию и побежденную Францию. Кризис 1810–1820 гг. оказался временем острой борьбы машинной промышленности с ремеслом и мануфактурой. Большую роль в преодолении кризиса сыграло освобождение испанских колоний в Америке, что резко увеличило сбыт английских фабрикатов.

Большие кризисы 1847–1851 гг., 1873–1880 гг., 1899–1904 гг., 1929–1933 гг., 1948–1954 гг. и 1973–1982 гг. имели собственную специфику, которая была выделена в процессе рассмотрения каждой из кризисных ситуаций. Особенность развития каждого изучаемого большого экономического

кризиса и произведенного им поворота, и приобретенные основы экономического роста были кратко изложены в специальной таблице 3.

Особенности прохождения имел и современный нам кризис 1973–1982 гг. Он разделился на несколько волн. Возможности кейнсианской контрциклической политики в результате этих волновых ударов были исчерпаны. Временные, но неустойчивые успехи этой политики затянули глобальный экономический кризис. Поэтому центральные банки Запада перешли к стратегии высоких кредитных ставок. Учетная ставка Банка Англии была увеличена с 5% до 17%. В США в 1980 г. учетная ставка выросла до 13%, а процентная — до 20%; ФРС США в 1981–1982 гг. взвинтила номинальные процентные ставки до 18% [11, с. 179]. Это усложнило положение западной промышленности, но и развивающиеся рынки поставило в крайне сложное положение. В итоге неолиберальные руководители США и Англии сумели добиться перезагрузки мировых экономических отношений, и как следствие — запуска новой волны экономического развития, основанной на «вашингтонском консенсусе».

Анализ кризисных процессов 2008–2020 гг. показал, что мировая экономика делает новый болезненный поворот: на смену неолиберальной модели развития приходит неомеркантилистская: с ростом значения государственной машины, протекционизма, национальных рынков и их глубокой интеграции.

Данный кризис 2008–2020 гг. начался со стандартного развития спекуляций на фондовом и товарном рынке. Примерно с 60 долларов за баррель в начале 2007 г. цена на нефть марки Brent поднялась до 142,5 долларов в июле 2008 г.; за этим последовало падение до 40 долларов к концу декабря 2008 г. [12]. Последовало падение цен на энергоресурсы, металлы, продовольствие и ценные бумаги, проявились проблемы в банковском секторе. Так началась Первая волна кризиса, эпицентром которой были США. Вторая волна зародилась в 2013 г., а развернулась в 2014–2016 годах в развивающихся экономиках. Третья волна пришла в 2020 г. В 2020 г. спад в мировой экономике последовал за беспрецедентным сокращением розничных продаж потребительских товаров в КНР. В январе-феврале 2020 г. этот показатель снизился в годовом выражении на 20,5%, составив 5,2 трлн. юаней (порядка 744 млрд долларов) [13]. Эта информация была обнародована в докладе Государственного статистического управления КНР. Сообщалось также: в городах объем розничных продаж уменьшился на 20,7% — до 4,49 трлн. юаней (около 642,35 млрд долларов), в сельской местности снижение составило 19,0% — до 724,9 млрд юаней (примерно 103,7 млрд долларов) [13]. Близость городских и сельских показателей указывает на слабую связь падения с пандемией коронавируса, и говорит об общем развитии кризиса перепроизводства.

Установленный в Китае, а затем в других странах жесткий карантинный режим в 2020 г. создал отложенный спрос и поместил спад во временные границы, сжав его при помощи принудительной остановки части производства, уменьшения торговой и иной деятельности. В этом выразилось исчерпание инструментов прежней контрциклической политики. Большой кризис прорвал монетаристскую плотину. Но главным его итогом стало изменение подходов к решению экономических проблем. Вернулось прежнее соперничество держав, выразившись в борьбе старых и новых центров.

6. Еще раз о новом знании в политической экономии и марксизме

В XX веке многие писали об общем кризисе капитализма, который будто бы ведет к его гибели и рождению новой формации. Большой кризис 1973–1982 годов понимался как еще одна стадия такого кризиса. Между тем, подлинно марксистский философский подход состоял в том, чтобы глубже исследовать экономическую реальность, а не выдавать желаемое за действительное. Это действительное состоит в том, что продолжается сложнейший процесс общественного развития в мире. Он сопровождается общими экономическими кризисами двух типов — средними и большими. Кризисы эти есть механизм развития. Развитие это ведет к обществу нового типа не через одномоментные политические перемены, а более извилистой тропой.

Что же дальше? Дальше философия получает возможность осмыслить разные стороны выделяемых политической экономией явлений и, возможно, выделит особенности механизма получения этого знания.

Список литературы

1. Маркс утраченный и Маркс обретенный: книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь : коллектив. моногр. / С.В. Вискунов, П.Н. Кондратов, А.А. Коряковцев, К.Н. Любутин ; идея и науч. ред.: А.А. Коряковцев. 2-е изд. Москва; Екатеринбург : ИФиП УрО РАН : Кабинетный ученый, 2022. 368 с.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения. В 9 т. Т. 1 / Маркс К., Энгельс Ф. М.: Политиздат, 1984. 550 с.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 34 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1964. 555 с.
4. *Маркс К.* Письмо Вере Засулич / К. Маркс // lenincrew.com. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t19.pdf> (дата публикации: 16.08.2016; дата обращения: 28.05.2020).
5. *Мендельсон Л.А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. В 3-х т. Т. 1. / Мендельсон Л.А. М.: Соцэкгиз, 1959. 691 с.
6. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Д. Кондратьев, Ю. В. Яковец, Л. И. Абалкин. М. : Экономика, 2002. 767 с.
7. *Рапош П.* Кризисы и современный капитализм. Пер. со словац. М.: Политиздат, 1986. 223 с.
8. *Манту П.* Промышленная революция XVIII столетия в Англии / Манту П. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 448 с.
9. Всемирная история в 24 томах. Том 15. Эпоха Просвещения. Минск: «Литература», 1996. 512 с.

10. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II / Чечулин Н.Д. Санкт-Петербург, 1906. 383 с.
11. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. 3-е изд. / Гринин Л.Е., Коротаев А.В. М.: URSS. 2017. 336 с.
12. Динамика цен на фьючерсный контракт на нефть Brent (МОЕХ, USD за баррель) // Яндекс. URL: <https://yandex.ru/news/quotes/1006.html> (дата обращения: 08.07.2020)
13. Объем розничных продаж в Китае в январе-феврале сократился на 20,5% // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7986935> (дата публикации: 16.03.2020; дата обращения: 06.06.2020)

***THE URAL PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL SCHOOL AND
THE STUDY OF THE GREAT CRISES OF INDUSTRIAL CAPITALISM
IN THE FOOTSTEPS OF THE LATE K. MARX***

Vasily G. Koltashov

Economist, director of the Institute of a New Society
koltashov@gmail.com

The 20th century left as a legacy to science many questions regarding the philosophy of Marxism. A studies of the Ural philosophical-anthropological school showed that K. Marx had a different view that did not coincide with the ideas of the Soviet and Western tendencies of Marxism. This made it possible to make great progress in political economy. In 1873, an unexpectedly early and too protracted economic crisis began in the world. It ended only in 1880. This phenomenon attracted the attention of K. Marx. But it became possible to study this and similar major crises only after statistical material had been accumulated. The article examines the theoretical model of the great crisis of industrial capitalism in comparison with the model of the average crisis. It is shown how a major crisis develops, what problems it solves, why it has such a long and deep character, and what its wave nature is connected with. A definition of a major crisis is given and its place in the process of wave economic development is graphically shown. As a result of the study, the following major crises were identified: 1772–1783, 1810–1820, 1848–1851, 1873–1880, 1899–1904, 1929–1933, 1948–1954, 1973–1982 and 2008–2020. The article gives a brief description of each of them, highlighting: the peculiarities of the development of the crisis and the turn it produced, and the acquired foundations of economic growth.

Keywords: late Marx, Ural philosophical-anthropological school, medium crisis, major crisis, major cyclicity, long waves, waves of development, industrial capitalism, Marx, casus 1873, political economy.

УДК 316.74

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-11-47-64

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕЙНСТРИМ ПРОТИВ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Р.Л. Лившиц

Доктор философских наук, профессор

независимый исследователь

rudliv@yandex.ru

Никакого свободного от идеологии государства не может существовать по определению, даже если в конституции прописано, что государственная идеология запрещена. В основу идеологии сил, одержавших в 1991 году в нашей стране победу, положена мифологема «возвращения в лоно мировой цивилизации», из которого Россия выпала в результате «бесчеловечного большевистского эксперимента». На протяжении всего послесоветского периода развития России идеологический мейнстрим состоит в противопоставлении отсталого, нецивилизованного «совка» и «вставшей с колен» России, уверенно продвигающейся по пути прогресса. Антисоветизм и неразрывно связанный с ним антикоммунизм со времен перестройки остаются стержнем идеологического воздействия на массы. Идеологема «проклятого советского прошлого» по-прежнему определяет и содержание учебных программ, и методы решения практических вопросов.

Подобные нарративы не только не соответствуют действительности, но и представляют собой опасность, поскольку игнорируют реальные угрозы, нависшие над послесоветской Россией. Без обращения к практикам, доказавшим свою эффективность в советский период истории, без опоры на советский опыт созидания невозможно справиться с вызовами, с которыми столкнулось российское общество в наши дни. Современные реалии диктуют необходимость пересмотра идеологических вех. Настала пора отвергнуть идеологему «проклятого советского прошлого», а вместо нее опереться на идеологему непрерывности исторического пути России.

Ключевые слова: идеологический мейнстрим, идеологема «проклятое советское прошлое», непрерывность исторического пути, советский опыт созидания, системы жизнеобеспечения

Социальная норма и отклонение от нее

Вал чрезвычайных происшествий на теплотрассах, прокатившийся по нашей стране зимой 2024 года, – серьезный повод задуматься над ближайшим и отдаленным будущим. Не стоит уповать на милосердие природы, наверняка она подвергнет нас новым суровым испытаниям, но сможем ли

мы их выдержать? Теплотрассы – лишь один из элементов гигантской инфраструктуры, доставшейся современной России в наследство от Советского Союза. Инфраструктура включает в себя генерирующие станции, сеть железных дорог, автомобильные магистрали, аэропорты и многое, многое другое, без чего жизнь современного общества просто невозможна. Основы всего этого колоссального механизма созданы трудом нескольких поколений советских людей. Запас прочности, заложенный в него, исключительно велик. Мы продолжаем совершать поездки по железным дорогам, проложенным в основном «при совке», получать электроэнергию, выработанную на электростанциях, которые построены тогда же, пользоваться советскими системами водоснабжения и канализации. До сих пор самый распространенный тип жилища в нашей стране – «хрущёвки» и «брежневки». С течением времени всё это хозяйство, естественно, стареет и ветшает и при нормальном ходе вещей должно было бы уже заменено чем-то новым, более удобным и совершенным. Но что такое нормальный ход вещей? В чем вообще заключается нормальность?

Ответ на этот вопрос вроде бы не так уж и сложен: нормально то, что соответствует природе человека. А какова она, эта природа? Энтузиасты перестройки и последовавших за ней «прогрессивных реформ» верили сами и убеждали остальных в том, что самую глубокую суть человеческого существа составляет стремление к обладанию. Жадность – вот главный мотив деятельности человека, желание обладать – вот самое сокровенное движение его души. Иметь больше – значит жить лучше. Верна и обратная теорема: тот живет лучше, кто имеет больше. Эти идеологические постулаты анализировались нами ранее [1; 2]. Имеет смысл добавить, что передовая буржуазная мысль к тому времени подвергла сокрушительной критике потребительски-гедонистический жизненный идеал [3, с. 324-331; 4; 5]. Поскольку советский тип жизнеустройства очевидным образом не соответствовал природе человека, понимаемой таким образом, постольку он объявлялся неправильным, противоестественным, чуждым и даже враждебным народу. Нельзя сказать, что зерна этой пропаганды падали на неподготовленную почву. Во-первых, апология алчности отвечала чаяниям протобуржуазии, сформировавшейся в последние десятилетия советской власти в проблемных зонах социалистической плановой экономики. Во-вторых, к подобным идеям была весьма восприимчива определенная часть партийно-государственного аппарата, тяготившаяся своим вынужденно скромным уровнем потребления, и, в-третьих, такие максимы находили отклик в сердцах многих трудящихся, которым казалось, что при иных порядках их таланты и трудолюбие будут вознаграждены по достоинству. (Самой эффективной в этом смысле была идеологическая кампания, направленная на развенчание уравниловки, якобы свойственной советской системе распределе-

ния материальных благ. Впрочем, данный сюжет требует отдельного рассмотрения.) Непрерывный обстрел сознания советских людей, ведущийся из оружия всех пропагандистских калибров на протяжении нескольких лет, дал результат: определенная часть трудящихся утратила веру в коммунистические идеалы. Множество людей, чей образ жизни был вполне созидателен, искренне поверили, что советские общественные порядки ненормальны, уродливы, противоестественны, и от них нужно срочно отказаться, чтобы зажить, наконец, правильно, «как полагается». Нелегко оценить эту часть количественно. Можно лишь сказать, что она оказалась вполне достаточной, чтобы контрреволюция смогла одержать победу при минимальном сопротивлении масс.

Государство и идеология

Новая власть объявила курс на «возвращение в лоно мировой цивилизации», который был невозможен без коренной смены экономических, политических и идеологических вех и без проведения радикальных преобразований социальной сферы. Конкретные условия политического момента, в которых победители «через ухо, через задницу» (Г.Э. Бурбулис) протащили новую конституцию, потребовали зафиксировать отказ от государственной идеологии. С течением времени обстоятельства изменились, но соответствующая норма сохранилась и в последнем варианте Конституции РФ [6]. Но одно дело – провозгласить отказ от государственной идеологии и совсем другое – реализовать этот отказ на практике. Никакое вменяемое государство не может позволить себе такой роскоши, как отстранение от идеологических процессов, происходящих в обществе. Управление любым человеческим коллективом, тем более целой страной, требует опоры на какие-то базовые идеи, мировоззренческие ориентиры, на представления о добре и зле, красоте и безобразии, о том, кто друг, а кто враг и т.п. Власть, полагающаяся только на силу, – бессильная власть. Аппарат принуждения, каким по сути является государство, в состоянии эффективно справляться со своими задачами лишь тогда, основная часть населения разделяет базовые ценности господствующего класса или, по крайней мере, не готова выступать против них активно. И поэтому государства, которому было бы безразлично, какая в обществе доминирует идеология, в природе не существует.

Провозглашать отказ от государственной идеологии не значит на деле отказываться от влияния общественной жизни на идеологическую сферу. С помощью экономических, медийных, административных рычагов любое государство стремится обеспечить себе массовую поддержку населения, причем не только ситуативную, но и идейную, на уровне мировоззренческих императивов. И Россия, естественно, не исключение.

Поскольку в результате победы антисоветских и антикоммунистических сил к власти в стране пришла буржуазия, то и идеология, которую триумфаторы стали в обществе всячески пропагандировать и всеми силами утверждать, пронизана пафосом антисоветизма и антикоммунизма. Нет ни одной черты советского быта, ни одного исторического события, ни одной сколько-нибудь значимой исторической фигуры, которые не были бы подвергнуты за прошедшие десятилетия уничтожающей критике, сатирическому осмеянию, а нередко и глумлению. Ленин изображался как немецкий шпион, который на деньги германского генштаба организовал в России государственный переворот. Сталин – как полубезумный тиран, маньяк власти, установивший в стране свирепую диктатуру. Несчастный Павлик Морозов, этот, в сущности, ребенок, вся вина которого состоит в том, что он на суде подтвердил показания своей матери, под пером циничных журналистов стал символом предательства. А вот настоящего предателя генерала Власова попытались всячески обелить и представить как идейного борца с «тоталитарным режимом». Сам советский период истории России трактовался как «выпадение из цивилизации», «исторический провал», а советское общество – как «искусственная конструкция», «социальный мутант». Несть числа подобным идеологическим инвективам! Накал антисоветизма и антикоммунизма с течением времени менялся, то повышаясь, то спадая в зависимости от электорального цикла и иных конкретных обстоятельств, но никуда не исчезал. Фактически с рубежа перестройки антисоветизм и неразрывно связанный с ним антикоммунизм составляют в России идеологический мейнстрим.

Наивно было бы думать, что все это случилось само собой, спонтанно, безо всякого влияния государства. Что идеологическое содержание передач на государственных телевизионных каналах никак не контролируется, что режиссеры, снимающие фильмы на государственные деньги, совершенно свободны в расстановке идеологических акцентов в своих произведениях, что печатные СМИ, спонсируемые из бюджета государства, имеют реальное право подвергать критике основы существующего в стране жизнеустройства или хотя бы дистанцироваться от идеологического мейнстрима.

В современной России нет органа, подобного идеологическому отделу ЦК КПСС, но это вовсе не значит, что идеологическая работа в государстве пущена на самотек. Она находится под постоянным и неусыпным контролем, хотя широкая публика может и не знать имен людей, отвечающих за то, чтобы массы мыслили в *правильном* направлении. Существующих экономических, административных и медийных рычагов вполне достаточно для проведения современным российским государством нужной ему линии в сфере идеологии, вследствие чего необходимость в использовании жестких

форм управления идеологическими процессами отсутствует. По этой причине функционирует множество СМИ, всяких медийных площадок, где возможность излить душу имеет и убежденный коммунист, и социал-демократ, и иной сторонник левых взглядов. Но у всех этих СМИ, всех подобных медийных площадок есть одна общая черта: нищенское финансирование. Государство их не подавляет, нет, оно просто не помогает им выживать в бурном море рынка. И тем самым обрекает их на маргинальность. Именно так действует механизм нормальной буржуазной демократии. Идеологический плюрализм реально существует, все приличия и формальности соблюдены, конституция не нарушается.

Идеология и государство

Однако от этой показной отстраненности государства от идеологических процессов ничего не остается, когда дело касается вещей действительно важных, в первую очередь – воспитания подрастающего поколения. О том, какова действительная позиция современного российского государства по отношению к советскому периоду развития нашего общества, наглядно свидетельствуют изменения в школьной программе по литературе. Сошлемся в этой связи на результаты исследования, проведенного С.С. Царегородцевой [7]. Как она отмечает, «из школьных и вузовских программ исчезли «Молодая гвардия» и «Разгром» А. Фадеева, очерк «В.И. Ленин» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Чайка» Н. Бирюкова, «Сын артиллериста» К. Симонова и т.д.» [7, с. 101]. Тенденция ясна: исключены не самые неудачные в смысле литературного качества произведения, а те, которые формируют у учащихся приверженность к советским, коммунистическим идеалам. Произведения, в которых идейная тенденция выражена не столь отчетливо, отодвинуты на второй план путем перевода в категорию рекомендованных к самостоятельному изучению. Таковы романы Горького «Фома Гордеев» и «Мать», его пьеса «На дне», цикл очерков «Несвоевременные мысли»; та же участь постигла повесть «Сотников» В. Быкова, повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...», его роман «В списках не значился», рассказ «Судьба человека» М. Шолохова, поэму «Василий Теркин» А. Твардовского и многие другие творения советских авторов [7, с. 101]. Кто-нибудь сомневается в том, что такое решение продиктовано вовсе не эстетическими, а сугубо идеологическими соображениями? По мнению чиновников от образования чтение произведений, в которых утверждаются общегуманистические идеалы или хотя бы с симпатией изображены советские люди, не очень полезно для российской молодежи. Зато на нее весьма благотворно влияет знакомство с другими творениями – теми, в которых советское общество рисуется

мрачными красками, где советский человек показан либо как инфантильный «совок», покорно подставляющий выю под тоталитарное ярмо, либо как носитель самых гнусных пороков. Наиболее показательным в этом плане принуждение подрастающего поколения к знакомству с творческим наследием А.И. Солженицына. Не нужно иметь высшее филологическое образование, чтобы понять, что этот обладатель высшей литературной премии – на самом деле графоман, пытающийся скрыть свою бездарность с помощью сконструированного им якобы народного языка, а в реальности мертворожденного новояза. Не так уж сложно убедиться в том, что прочитать опус под названием «Архипелаг ГУЛаг» (даже в сокращенном изложении) – задача, совершенно непосильная для психически здорового школьника. И что даже поверхностное ознакомление с этим творением изящной словесности способно испортить эстетический вкус становящейся личности, сбить ее с толку. Для формирования хорошего литературного вкуса (а такова одна из главных задач литературы в школе) главное произведение А.И. Солженицына не просто бесполезно, а безусловно и неоспоримо вредно. Невозможно поверить, чтобы этого не понимали наши чиновники от образования. Но, тем не менее, навязывание сего как бы эпохального сочинения российским школьникам продолжается. И причина этого проста: радикальный антикоммунизм и антисоветизм нобелевского лауреата.

Другой пример такого принуждения в сфере идеологии – изменения в системе государственных праздников. В советский период отечественной истории было два главных революционных праздника: День Великой Октябрьской социалистической революции, отмечаемый 7 ноября, и День международной солидарности трудящихся, который отмечался 1 мая. Новая власть не могла оставить такое положение вещей неизменным. Задача фактической отмены 1 Мая была решена просто. Праздник сохранили, но изменили его смысл. Теперь это не праздник единения трудящихся в борьбе за свои социальные, экономические и политические права, а семейное торжество по случаю наступления весны. Красный цвет праздника оказался разбавленным до такой степени, что превратился в розоватый. Изменить смысл Великого Октября невозможно. Никакие идеологические манипуляции не позволяют превратить главное событие XX века в мелкий эпизод российской истории. Поэтому на государственном уровне было принято решение вытеснить праздник из народной памяти, придумав вместо него какой-нибудь суррогат. Этот суррогатный праздник должен был приходиться на 4 ноября, чтобы он ни при каких обстоятельствах не соединялся с 7 ноября. В конце концов квадратуру круга удалось найти, и теперь граждане нашей страны отмечают годовщину события, которое произошло четыре века назад и которое было столь масштабным, что его не заметили даже со-

временники. И теперь каждый год 4 ноября мудрым пропагандистам приходится разъяснять непросвещенному населению, какой важный праздник оно отмечает. Правда, не похоже, чтобы эти усилия увенчались хоть малейшим успехом. Эффект тут примерно такой же, как от разъяснений высокопоставленных искусствоведов, в чем состоит глубочайший смысл «Черного квадрата» Малевича.

Об «отстраненности» современного российского государства от идеологических процессов не менее красноречиво говорят попытки сотворить некое подобие культа Б.Н. Ельцина. В его честь названы учебные заведения, площади и улицы в некоторых российских городах. На бюджетные деньги построен и функционирует Ельцинский центр, призванный раскрыть глаза гражданам нашей страны на то, каким великим историческим деятелем был первый президент современной России. Задача эта не из простых, поскольку любой подлинный культ растет снизу, из толщи народного сознания, а не насаждается сверху. Кроме того, живой опыт масс, прочувствовавших на себе все прелести становления капитализма в послесоветской России, не располагает к тому, чтобы с пиететом относиться к человеку, который политически этот процесс возглавлял. Не в пользу данного персонажа говорит и фактическая капитуляция России перед главным геополитическим конкурентом; ведь именно за последствия этого деяния и приходится расплачиваться ныне живущим поколениям наших граждан. Никак не уйти от широко известных неудобных фактов, относящихся к личным особенностям первого президента Российской Федерации. Но, невзирая на все реальные обстоятельства, курс на возвеличивание этой безусловно деструктивной личности продолжается. И данный факт может быть объяснен только тем, что в глазах антисоветчиков и антикоммунистов Б.Н. Ельцин – величайший исторический деятель, ибо именно он нанес решающий удар и по Советскому Союзу, и по советской власти.

В контексте обсуждаемого вопроса имеет смысл упомянуть и о том, что на государственные деньги создано бесчисленное количество фильмов, пропитанных духом антикоммунизма и антисоветизма, что в таком же идейном ключе выдержаны и многие телепередачи на государственных каналах.

В общем, идеологический аппарат правящего класса делает все возможное, чтобы граждане современной России забыли советское прошлое, как кошмарный сон, чтобы они искренне поверили в благотворность произошедших в последние три десятилетия перемен. Так обстоит дело на уровне стратегии. На уровне тактики не исключены отдельные уступки, компромиссы, временные отступления. Так, на политическом Олимпе не получила поддержки параноидальная идея вынести тело Ленина из мавзо-

лея, в России не был устроен ленинопад по образцу украинского; гимн современной Российской Федерации представляет собой слегка переделанный гимн Советского Союза; накануне всех значимых праздников (в том числе и новых) по всем государственным каналам идут лучшие советские фильмы – духоподъемные, пронизанные пафосом созидания и согретые любовью к человеку. Эти меры выполняют роль клапана, предохраняющего общество от неконтролируемого выплеска негативных эмоций. И выполняют вполне успешно. Так что можно констатировать, что благодаря продуманной политике руль государственного корабля в настоящее время удерживается правящей элитой вполне уверенно.

Актуальность советского опыта

Но историческая ситуация в последнее время изменилась, т.к. мир вступил в период пересмотра итогов холодной войны. Эпоха гегемонии США де-факто завершилась, эпоха становления многополярного мира только начинается. Поток истории, который после поражения Советского Союза в холодной войне был, в общем и целом, ламинарным, превратился в турбулентный. Сможет ли Россия выстоять в новой обстановке, сможет ли она купировать те внешние опасности и внутренние угрозы, что над ней нависли? Вот вопрос, который не может не волновать всякого искреннего патриота. И другой, связанный с ним, вопрос: насколько идеологический мейнстрим современной России адекватен характеру и масштабу стоящих перед ней задач?

Вернемся к началу статьи, где речь шла о серии неурядиц (назовем это так) на российских теплосетях. Для тех, кто представляет себе, что такое коммунальное хозяйство в стране с экстремальными климатическими условиями, это очень тревожный сигнал. Давно минули те времена, когда население нашей страны проживало в основном в сельской местности. Урбанизация произошла еще в советский период отечественной истории, и в настоящее время в городах проживает, согласно общедоступным данным, приблизительно 75 % населения. Какая-то часть жителей, в особенности в малых и средних городах, – это обитатели так называемого частного сектора, где дома редко бывают подключены к центральному отоплению. Нам не удалось отыскать точные данные относительно размеров этой части. Но даже если предположить, что она составляет четверть городского населения, то все равно получается, что многие граждане нашей страны (примерно две трети) зависят от центрального отопления. И зависят критически. Сбой в работе теплосети в российских условиях не просто снижает уровень комфорта, а ставит людей на грань выживания.

Мы привыкли к тому, что зимой, даже в самую лютую стужу, в наших домах комфортная температура. И горячая вода, в любой момент по желанию человека текущая из крана, – для нас такая же рутинная данность, как восход и закат солнца. Рядовой гражданин России, очутившись за рубежом, с удивлением узнаёт, что во многих других странах, где тоже порой случаются холода, дело обстоит далеко не так. Но эффективная система центрального отопления, намного превосходящая все, что было создано в этом отношении в остальном мире, появилась в России не вчера. Она – как раз наследие «тоталитаризма», творение советского инженерного гения и результат громадных усилий и затрат, предпринятых ради блага людей. В социально-философском аспекте важно подчеркнуть, что созданная в Советском Союзе система отопления – это не только и даже не столько *техническое*, сколько *социальное* изобретение. Оно выражало суть советского проекта, ибо было ориентировано не на обеспечение лучших условий для *некоторых* групп населения, а на предоставление фундаментальных жизненных благ *всем и каждому*. В обществе-общине, каким и был советский социум, иной подход к делу просто немыслим. Подобным же образом решались и все другие проблемы, связанные с обеспечением базовых условий жизнедеятельности народа. Советские ученые и инженеры создали целостную энергетическую систему страны, управляющуюся из единого центра. Советский Союз простирался на тысячи километров с запада на восток; в таких условиях самый рациональный способ обеспечить надежное снабжение электроэнергией – организовать ее широтный переток по ЛЭП высокого и сверхвысокого напряжения. Так и было сделано. При минимальном запасе генерирующих мощностей удалось добиться надежной работы колоссальной сети электроснабжения огромной страны. Разумеется, плата за электроэнергию как для населения, так и для промышленности, устанавливалась на уровне, достаточном для поддержания системы в исправном техническом состоянии, а также для ее обновления и развития. Энергетика была не сектором экономики, а почвой, на которой экономика растет и плодоносит.

Важно отметить, что такой, а не иной способ организации всего энергетического хозяйства диктовался не только географическими условиями страны, но и доктринальными соображениями. Коммунисты, создавая советский, коллективистский по сути, тип жизнеустройства, стремились к тому, чтобы обеспечить членам общества наилучшие условия не для конкуренции, а для сотрудничества. (Что, конечно, не исключает соревновательности, о чем в свое время писал В.И. Ленин [8].) В свете коммунистических принципов нет ничего более нелепого, чем экономическая конкуренция в той области, которая составляет основу всего общественного организма.

Аналогичным был подход к построению всех других систем, от которых критически зависит жизнь общества. Так, система здравоохранения

позволяла предоставить медицинскую помощь каждому нуждающемуся максимально оперативно и при этом совершенно бесплатно. Важно отметить, что государственная система здравоохранения располагала резервными мощностями на случай форсмажорных обстоятельств (эпидемий, техногенных катастроф, природных катаклизмов и т.п.). Образование всех ступеней также строилось на основе принципов бесплатности и доступности для всех слоев и групп населения. Этот же принцип доминировал при решении жилищной проблемы.

Предвидим обвинения в приукрашивании советской действительности, в замалчивании трудностей и проблем, которые в советское время существовали. На эти обвинения мы возразим следующее. Советское общество не было раем на земле. Такое общество невозможно в принципе. Даже самое совершенное общество отягощено массой проблем и противоречий. Задача состоит не в том, чтобы добиться абсолютной социальной гармонии, а в том, чтобы создать оптимальные условия для раскрытия способностей всех и каждого. Причем не только в данный момент, но и на далекую перспективу. Жизнь отдельного человека ограничена временными рамками. Общество же потенциально бессмертно. Но оно может погибнуть, если промотает тот ресурс, который ему достался по наследству от предыдущих поколений, если не сумеет найти механизмов противодействия разрушительным тенденциям. В этом смысле советский тип жизнеустройства был оптимальным, ибо он соответствовал коренным стратегическим интересам общества как на ближайшую, так и на дальнюю перспективу.

Не исключено, что нас обвинят также в апологии сталинизма. На это мы ответим так. Сталинизм – не прихоть вождя, не проявление его личных особенностей, а объективно необходимый способ осуществления цивилизационного рывка от недоразвитого капитализма к социализму во враждебном окружении и при бешеном сопротивлении внутренних врагов. Если бы во главе процесса стал другой человек, то изменилась бы «индивидуальная физиономия событий» (Г.В. Плеханов), но не характер эпохи. Мягкого, гуманного, выдержанного в стиле кота Леопольда способа провести ураганную модернизацию и вытащить страну из болота отсталости не существовало. Большевики нашли брод через бурную реку истории к спасительному берегу, и в этом состоит их историческая заслуга и высшее оправдание их деяний. Людей, выросших в относительно благополучные времена, шокирует брутальность сталинизма. Но только не надо забывать, что без сталинизма этих самых благополучных времен не могло бы наступить.

Есть еще одно объективное обстоятельство, о котором следует помнить, оценивая сложившийся в советскую эпоху социальный порядок. Истории было угодно распорядиться так, что Советскому Союзу досталась обширная территория, которая, говоря словами Маяковского, для веселия

мало оборудована. Проще говоря, малопригодная или вовсе не пригодная как для проживания, так и для ведения сельского хозяйства. Достаточно сказать, что в СССР вечная мерзлота была распространена приблизительно на половине территории страны. В Российской Федерации и того хуже: 60 процентов ее территории занято вечной мерзлотой. Север России, по выражению В.В. Клименко, – это «холодный погреб планеты» [9, с. 75]. Но одновременно Север еще и мировая кладовая, ибо в его недрах сосредоточена значительная часть минерально-сырьевых ресурсов, которыми располагает человечество. Объективный интерес России состоит в том, чтобы освоить незаселенные пространства и воспользоваться теми богатствами, что дарованы стране природой. Движение народа на Север и Дальний Восток не при большевиках началось, но именно в советские времена оно приобрело широчайший размах и невиданную интенсивность. Итогом усилий советских людей стало завершение первичного освоения слабозаселенных территорий и создание на них мощной индустриальной базы. Как только советский проект был свернут, процесс пошел вспять. Начался исход населения с Севера и Дальнего Востока. Так, согласно данным, приводимым О.Л. Рыбаковским и О.А. Таулюновой, «более всего в постсоветское время пострадали от общих демографических потерь в относительном выражении Дальний Восток и Европейский Север. Первый (без учёта Якутии) потерял за 27 лет 1,8 млн. человек, или 1/4 от населения в 1991 г., а Мурманская область, Республика Коми и Архангельская область вместе потеряли 1,3 млн. человек, или 1/3 от их населения в 1991 году» [10, с. 13].

Нельзя сказать, что политическое руководство современной России не осознаёт, какие грозные опасности для страны таит в себе такой поворот событий. На государственном уровне делается немало, чтобы не допустить ослабления позиций России на Севере и Дальнем Востоке. Раз за разом принимаются программы развития восточных и северных регионов страны; создано даже специальное министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, но перелома тенденции не произошло. Было бы заблуждением объяснять такой результат только неквалифицированным менеджментом. Глубинная причина заключается в данном случае в том, что экономика, основанная на частной собственности на средства производства, пригодна лишь для решения задач определенного класса. Например, для насыщения потребительского рынка товаром того или иного вида. Эта экономика более или менее нормально работает в сложившейся экономической среде. Но для освоения территорий с экстремальными природно-климатическими условиями она не приспособлена и – самое главное – не может быть приспособлена. Это вытекает из самой природы капитализма. Экономическая деятельность при таком социальном строе ориентирована на прибыль, а не на пользу для общества. Общественная польза в таком случае – побочный

и, в сущности, факультативный результат предпринимаемых усилий. Дело в том, что для капиталиста прибыль за горизонтом двадцати лет не обладает ни малейшей привлекательностью. Как пронизательно отмечает Л. Туроу, «величайшая слабость капитализма – это его близорукость. Он по самой своей сущности имеет ограниченный временной кругозор. Планирование частных фирм обычно ограничено сроком от трех до пяти лет» [11, с. 338]. Но для того, чтобы «ногою твердой встать» при Северном Ледовитом и Тихом океанах, необходима целенаправленная и напряженная работа на протяжении нескольких веков.

В обсуждаемой связи сошлемся на один только факт. В советское время широко использовался такой экономический рычаг привлечения населения на Север и Дальний Восток, как районный коэффициент к заработной плате. Он позволял обеспечить жителям территорий пионерского освоения более высокий уровень жизни, чем тот, что имели граждане, проживающие в центральных и западных регионах страны. Это достигалось жестким регулированием цен. Они по всей стране были одинаковыми, а зарплаты работников одних и тех же категорий различались по стране существенно, порой в разы. Но как создать стимулы для переселения жителей Запада и Центра России на Север и Дальний Восток в условиях рыночной экономики? Какой частный предприниматель способен взять на себя издержки, связанные с достижением жизненно необходимого для страны вектора миграции?

Однако исход населения с Севера и Дальнего Востока – относительно частная проблема на фоне общего демографического неблагополучия российского общества. Корни сегодняшних демографических проблем уходят в советское прошлое, на что указывает, например, такой известный специалист в области демографии, как В.И. Переведенцев [12]. Но в настоящее время ситуация, если не прибегать к эвфемизмам, близка к катастрофической. А после 24 февраля 2022 года, как небезосновательно утверждает С.И. Абылкаликов, она развивается по направлению к идеальному шторму [13]. Как можно достичь спасительного берега, т.е. добиться самовоспроизводства населения, если по-прежнему именно в обладании, в потреблении видеть смысл человеческой жизни?

Лекарством от депопуляции коренного населения России служит интенсивная миграция из ближнего зарубежья, но при этом неизбежно возникают серьезные побочные следствия. Как показывает мировая практика, ни концепция «плавильного тигля», ни концепция мультикультурализма не позволяют на деле добиться достаточно гармоничных отношений между различными этноконфессиональными группами населения. Но ведь есть же и практика Советского Союза, вполне успешная. В ее основу положена идея

дружбы народов. Советские люди смогли победить в Великой Отечественной войне не потому, что их учили терпимо относиться к особенностям других народов, а по той причине, что они воспитывались в духе дружбы людей разных национальностей. Однако идеологический мейнстрим современной России, основанный на идее дистанцирования от всего советского, а то и на противопоставлении «совка» и «демократии», требует и отказа от принципа дружбы народов – этого важнейшего социального изобретения советской эпохи, ее ценнейшего культурного достояния. Но такой отказ грозит нашей стране неисчислимыми бедами, а в перспективе – утратой исторической субъектности.

Общинный метод решения социальных проблем был положен и в основу советской системы здравоохранения, в которой здоровье человека рассматривалось не как товар, а как общее достояние народа. Новой власти хватило благоразумия ее не разрушать. Однако параллельно с прежней была создана система платного здравоохранения, призванная, по идее, улучшить положение дел в этой области. Получилось как всегда. В России неуклонно развивается процесс коммерциализации здравоохранения, от которого страдают в первую очередь небогатые граждане. Рядовой житель России на собственном опыте хорошо знает, что система бесплатного здравоохранения функционирует в угнетенном режиме, и получение в ее рамках сколько-нибудь серьезной помощи в большинстве случаев возможно лишь в виде льготы. Ежедневно по телевидению показывают несчастных детей, нуждающихся в дорогостоящей медицинской помощи, на которую у их родителей нет средств. Таким способом государство перекладывает свои обязанности на рядовых граждан, которым, к счастью, вовсе не чужды добродетели сострадания и милосердия. У большинства этих граждан нет ни вилл, ни яхт, и жертвуют они на благотворительность вовсе не от избытка. И без того печальная картина общего состояния здравоохранения в нашей стране станет еще печальней, если принять во внимание острую нехватку медицинского персонала, в особенности в провинции [14]. Нужно наглухо отгородиться от реальности, чтобы в подобной обстановке продолжать идеологическую линию на обличение «ужасов тоталитаризма».

Другая важнейшая подсистема общества, от которой зависит его благополучие не только в настоящем, но и в будущем, – образование. В советский период истории России оно вполне успешно справлялось со всеми своими задачами. Советский учитель в кратчайший исторический срок смог обучить и воспитать солдата, способного победить в Великой Отечественной войне, сумел обеспечить быстрое послевоенное восстановление и последующий взлет Советского Союза к вершинам мирового прогресса. Экономика советской страны функционировала и развивалась на собственной

основе, не испытывая нужды в кадрах из-за рубежа. Главное, пожалуй, состоит в самом статусе образования как социальной ценности. Учение, приобретение знаний, повышение личностью своего культурного и профессионального уровня в коллективистском обществе воспринималось как благо само по себе, а не как инструмент приобретения благ. Образование открывало путь к карьере, но не имело целью сформировать карьериста. (Это вовсе не означает, что среди советских людей не было карьеристов. Были и карьеристы, и люди, поработанные пороком алчности. Но общественное сознание осуждало карьеризм и жадность как моральные уродства.) В солидарном обществе индивидуальный успех означает одновременно и успех общий. В таком обществе система образования естественным образом строится как эгалитарная. Бесплатность образования всех ступеней, единство всех учебных программ, отсутствие разрыва между школьными вузовскими программами, наличие общежитий, стипендии для успевающих студентов – вот основные слагаемые эгалитарности. Надутилитарное отношение к образованию диктовало и его содержание. Не снабдить человека инструментами для достижения успеха в жизненной борьбе, а развить его как личность, сформировать у него целостное мировоззрение и способность к самостоятельному мышлению – такова идейная установка, положенная в основу советской системы образования. Как справедливо отмечают Д.К. Богатырев и И.И. Докучаев, «советское образование было гуманистическим по его базовым ценностям» [15, с. 25]. Оно также «отдавало приоритет фундаментальности перед прикладным аспектом» [15, с. 29]. И «советская школа учила прежде всего мыслить» [15, с. 30]. «Советское образование, – как подчеркивают названные авторы, – занимало передовые позиции в мире, обеспечивая кадрами наиболее инновационные сферы промышленности, формируя основу для научной работы мирового уровня» [15, с. 139-140]. Тридцать лет «реформ» коренным образом изменили ситуацию. Присоединение к Болонской системе, введение ЕГЭ, внедрение так называемой компетентностной парадигмы образования и прочие новации привели к тому, что образование в значительной степени деградировало. Институты, повсеместно переименованные в университеты, дают основной массе студентов образование на уровне советского техникума. Профессия учителя утратила в глазах молодежи какую-либо привлекательность, учителей резко не хватает. В школах остались в основном женщины постпостбальзаковского возраста. Совершенно удручающее впечатление производит грамотность современных школьников, как и их начитанность. Все эти некрасивые факты дают основание оценить состояние современного отечественного образования как «плачевное» [15, с. 222]. И на таком безрадостном фоне антисоветские и антикоммунистические нарративы выглядят крайне неуместно и фальшиво.

Необходимость смены идеологических вех

Рубежная дата, разделяющая два периода постсоветской истории России, – 24 февраля 2022 года. Если до этого момента можно было надеяться на то, что наша страна когда-нибудь «возвратится в лоно мировой цивилизации», то после начала СВО всякая почва для подобных упований исчезла. Лишь люди, не сумевшие ментально преодолеть порог подросткового возраста, могут всерьез полагать, будто нас в этом «лоне» кто-то ждет. Необходимо прокладывать собственный путь, опираясь на отечественный опыт – как успехов, так и неудач. В новой ситуации повторять антисоветские мантры о «тоталитаризме», «всеобщей уравниловке», «отсутствии свободы», «рабском сознании», якобы присущем советскому человеку, – значит ослаблять силы народа в его справедливой борьбе за сохранение Россией ее исторической субъектности. В сложившейся обстановке возведение в ранг героев ярых врагов советской власти вроде И.А. Ильина и А.И. Солженицына, драпировка Мавзолея Ленина в день самого великого государственного торжества, посыпание солью ран посредством бесконечного муссирования темы репрессий, шельмование Сталина и повторение хрущевской клеветы на Берию – деяния, объективно несовместимые с коренными интересами страны. Прежний идеологический мейнстрим вошел в непримиримое противоречие с реалиями современной России и должен быть изменен.

Каким образом? Ответ можно найти опять-таки в советском опыте. Как известно, в первый период советской власти, непосредственно после революции и гражданской войны, господствовала идеологема «проклятого прошлого». Это понятно и объяснимо, ибо любая революция всегда хватается через край. Но когда после революционной бури общество входит в берега, оно волей-неволей обращается к опыту прошлого, ибо любое созидание опирается на цивилизационный потенциал, созданный в прошлые эпохи. И тогда обнаруживается, что и в былые времена существовало много такого, что вполне жизнеспособно и даже перспективно в новых условиях. Так, в 1943 году в РККА вернули погоны, потому что практика показала, что это удобно и функционально. Некоторые генералы и адмиралы, прославившиеся своими деяниями в Российской империи, в Советском Союзе стали объектом почитания на государственном уровне. Таковы, например, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов. Советская средняя школа, после периода поисков и экспериментов, длившегося до 1931 года, была создана, в сущности, по образцу гимназии (конечно, учетом реальных возможностей государства). Большевики осуществили индустриализацию, предпосылки для которой созрели в недрах царской России. Они же провели реформу правописания, доведя до логического завершения работу, начатую до революции. Постепенно идеологема «проклятого прошлого»

утратила свою актуальность, уступив место идеологеме непрерывности истории России. Либерально мыслящие идеологи расценивают свержение советской власти и развал СССР как революцию; с точки зрения марксизма эти перемены есть не что иное, как контрреволюция. Мы не намерены скрывать своей марксистской ангажированности и заявлять, что согласны с либералами. Но, поскольку наша статья адресована не только тем, кто разделяет марксистские взгляды, но и тем, кто относится к ним критически, сформулируем тезис, с которым согласятся, пожалуй, все: перемены, которые произошли в нашем обществе три десятилетия назад, являются коренными, принципиальными, качественными. Схватка завершилась победой противников социализма, но ее жар до сих пор не остыл. И господство антисоветизма и антикоммунизма в идеологическом пространстве современной России – прямой результат произошедшего. Однако в современных условиях идеологема «проклятого советского прошлого» себя изжила, настала пора для возрождения идеологемы непрерывности истории России. Необходимость такой перемены диктуется не только сиюминутной потребностью единения народа в условиях развязанной против России войны. СВО через какое-то время закончится, но останутся острее проблемы, решение которых невозможно без обращения к советским практикам.

Так, если не отладить систему теплоснабжения по всей стране, нам грозит коллапс всей городской инфраструктуры. Для такой созидательной работы капитализм непригоден. Да, в условиях господства частной собственности владельцы генерирующих мощностей и теплосетей смогут быстро и эффективно повысить уровень своего благосостояния. Но они не сумеют обеспечить надежную работу системы на протяжении многих десятилетий, причем по минимальным для потребителей ценам. Сказать, что советская система теплоснабжения была хорошей, значит ее сильно недооценить. Нет, в нашем климате она была *идеальной*, ибо создавала в зимний период комфортные условия жизни для десятков миллионов людей, причем буквально за гроши. И ничего лучшего в России придумать невозможно. Не нужно изобретать велосипед, необходимо просто воссоздать то, что сейчас на глазах рушится. Разумеется, воссоздать на современной технической основе.

То же самое касается и других больших систем, от которых зависит жизнь общества, в первую очередь электроснабжения, здравоохранения и образования. Это такие сферы, для которых рыночные механизмы просто губительны. Задача больших систем – не удовлетворить прихотливый спрос *отдельного* потребителя, а создать благоприятные условия для нормальной жизнедеятельности *всего* общества. Именно на таком идейном фундаменте и были воздвигнуты эти системы в советские времена. Они – не измышление кабинетных теоретиков, не результат волюнтаристского

прожектерства, а основанный на громадном опыте народа ответ на вызов истории. Ответ, учитывающий наши реалии, исходящий из наших возможностей и открывающий перспективу реализовать наши цели.

Поскольку идея «возвращения России в лоно мировой цивилизации» потерпела полное фиаско, постольку вновь становятся востребованы практики, изобретенные советским народом. Положение дел в настоящее время таково, что у России нет выбора между тем, жить чуть лучше или несколько хуже, а существует только выбор между продолжением исторического бытия и исчезновением с исторической сцены. Необходимо восстановить единую централизованную систему обеспечения электроэнергией в масштабах всей страны. Коммерческий сектор здравоохранения должен быть переведен в статус вспомогательного. Что же касается образования, то у нас нет другого пути, кроме как прекратить безответственные (если не сказать: преступные) реформы, лишаящие Россию возможности добиться самодостаточности в ключевых сферах материального и духовного производства. Только образование, ориентированное не на «оказание услуг», а на формирование личности, обладающей системным мировоззрением и способностью к самостоятельному мышлению, отвечает коренным интересам народа.

Однако идеологический мейнстрим современной России, по-прежнему основанный на идеологеме «проклятого советского прошлого», ни в коей мере не способствует решению объективно назревших задач. Лишь опора на идеологему непрерывности исторического пути нашей страны открывает реальную перспективу успешного преодоления трудностей и разрешения противоречий, с которыми столкнулось общество, пытавшееся «возвратиться в лоно мировой цивилизации».

Список литературы

1. *Лившиц Р.Л.* Потребление и потребительство // Свободная мысль - XXI. 2001. С. 81-89.
2. *Лившиц Р.Л.* Жадность как фактор исторического процесса // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021, Т. XVIII Вып. 2. С. 81-90.
3. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. 384 с.
4. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. 286 с.
5. *Марсель Г.* Быть и иметь. Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. 160 с.
6. Конституция Российской Федерации. Ст. 13, п. 2.
7. *Царегородцева С.С.* Демонтаж советской литературы: причины и последствия // Русская мысль живет... Сб. философской прозы и поэзии памяти Дарьи Дугиной (Платоновой). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 101-104.
8. *Ленин В.И.* Как организовать соревнование? / В.И. Ленин Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 195-205.
9. *Клименко В.В.* Россия: тупик в конце туннеля? // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 71-80.
10. *Рыбаковский О.Л., Тауюнова О.А.* Демографическая динамика регионов России и её компоненты в 1959-2017 гг. // Народонаселение. 2019. № 1. Том 22. С. 4-20.

11. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 431 с.
12. *Переведенцев В.И.* Демографические перспективы России // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 58–69.
13. *Абылкаликов С.И.* Демографические перспективы России в ближайшее десятилетие: шторм становится еще идеальнее // Аист на крыше. Демографический журнал. 2023. № 10 (10). С. 2–5.
14. *Свинкина Л.А., Шепелова Т.С.* Проблема дефицита медицинских кадров и пути ее решения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/about/ethics> (дата обращения 06.02.2024)
15. *Богатырев Д.К., Докучаев И.И.* Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 236 с.

IDEOLOGICAL MAINSTREAM AGAINST THE REALITIES OF MODERN RUSSIA

Rudolf L. Livshits,

freelance researcher

Gatchina, Leningradckaya oblast', 188006, Russia

Even if a constitution forbids state ideology, it is impossible for a state to be completely free of ideology. The ideology of the forces that won in our country in 1991 is based on the myth of returning to the "fold of world civilisation", from which Russia was excluded as a result of the "inhuman Bolshevik experiment". Throughout the post-Soviet period of Russia's development, the dominant ideology has been to contrast the backward and uncivilised "sovok" with the "risen from its knees" Russia, which is steadily advancing on the path of progress. Since perestroika, anti-Sovietism and anti-communism, which are inextricably linked, have remained the core of ideological influence on the masses. The concept of the "cursed Soviet past» continues to influence educational programmes and practical problem-solving methods.

Such narratives are not only false but also dangerous as they disregard the actual challenges that post-Soviet Russia is facing. To tackle the issues that Russian society is currently dealing with, it is necessary to draw on the effective practices of the Soviet era and the experience gained during that time. It is important to revise ideological milestones in response to modern realities. It is important to reject the notion of the "cursed Soviet past" and instead focus on the continuity of Russia's historical path.

Keywords: ideological mainstream, "cursed Soviet past" ideologeme, continuity of the historical path, Soviet experience of creation, life support systems

УДК 008.001, 811.1

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-11-65-79

БОЛГАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

В. Добрева

Доктор филологических наук, профессор

Болгария

vdob@abv.bg

Анализируется деструктивное влияние геополитической стратегии однополярного мира на болгарский национальный культурный код. Рассмотрен исторический процесс формирования болгарского национального культурного кода с его системой характерных образов, символов, понятий. Показано значение принятия в 864 году православия князем Борисом-Михаилом на дальнейший ход развития болгарского общества и его культуры. С влиянием православия связываются такие черты болгарского менталитета, как ориентация на постижение чувственной природы образа, стремление к обожествлению человека. Поскольку первым языком славянской культуры был древнеболгарский, именно он сыграл роль основного фактора становления общеславянской идентичности. В современных геополитических реалиях болгары (как и другие южные славяне) испытывают сильное давление со стороны сторонников однополярного евроатлантического мира, что в наибольшей степени проявляется в насаждении русофобии. Но следование русофобской доктрине неизбежно влечет за собой разрушение болгарского культурного кода, развенчание наших системообразующих национальных мифов, отказ от своей истории и деструкцию национальной идентичности.

Ключевые слова: культурный код, нация, государство, образование, идентичность, образ

Болгары, как и любая другая сложившаяся нация, существуют на фундаменте исторически сформировавшегося концептуального конструкта национальной *Мы-идентичности*, выраженной в символах, знаках, культурной памяти и воспоминаниях [1]. Болгары, подобно всем иным зрелым нациям, имеют собственный культурный код. Как известно, понятие «культурный код» было введено в научный оборот Ю.М. Лотманом [2], Р. Бартом [3], У. Эко [4]. В общем виде под культурным кодом понимается система символов и иных знаков, детерминирующая содержательные уровни национальной культуры и определяющая внутреннюю целостность последней. Благодаря этому коду каждая культура обретает неповторимое своеобразие,

собственное выражение лица, передаваемое из поколения в поколение. В указанной связи А. Жуков отмечает: «Культурный код – это ключ к пониманию того, о каком типе культуры идет речь, какие уникальные культурные особенности оставили народу предки. Это закодированная в той или иной форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые ассоциируются в сознании с определенным набором стереотипов» [5]. Обобщенно говоря, национальный культурный код является ядром национальной культуры, в нем скрыт смысл ценностей и знаков, сформировавшихся в далеком прошлом и в более поздние времена, т.е. здесь сконцентрирована информация о культурно-историческом развитии нации, ее историческом пути и развитии [6].

Как показывает болгарская ситуация, в современной культурной коммуникации актуализируются образы и смыслы, возникшие в далеком прошлом. Болгарская культура, истоки которой уходят в глубь тысячелетий, прошла через целый ряд важнейших исторических событий. Их образ запечатлен в культурной памяти народа и закреплён в болгарском национальном культурном коде. Формирование этого кода – процесс, протекавший на протяжении многих веков.

Однако современная геополитическая ситуация оказывает на этот код деструктивное влияние. Оно обусловлено тем, что политическое руководство Болгарии взяло курс на интеграцию с Западом, а это автоматически влечет за собой русофобию и подрывает духовные основы православно-славянской культурной идентичности болгарского народа.

Дело в том, что Россия после XVIII века утвердилась не только как крупнейшее славянско-православное государство (Великая сыла), но и как центр прогресса, внесший и поныне вносящий существенный вклад в развитие мировой культуры. Следовательно, навязывание народам и культурам, изначально сформировавшимся в этой цивилизационной конструкции, евроатлантической модели, альтернативной славяно-православной идентичности, неизбежно ведет к разрушению всей системы образов, смыслов и ценностей, которая составляет болгарский культурный код.

Вопрос о сущности последнего имеет смысл рассмотреть более подробно.

Формирование болгарского национального культурного кода

Известно, что Болгария является колыбелью славяно-православной цивилизации. Основанная в 681 году, болгарская государственность формировалась на основе традиций фракийцев как древнего народа, славян, расселившихся на Балканах в V и VI веках, и протоболгар Аспаруха, пришедших сюда из волжских степей в конце VII века, сразу после заката Великой Болгарии [7].

Итак, в основе болгарского национального культурного кода лежит синтез античного наследия, ментальности древних славян и государственного опыта протоболгар. В 864 г. князь Борис I принял христианство и взял имя Михаил. Это был поистине конституирующий акт: болгарская национальность с присущей ей культурной самобытностью утвердилась как православная община,

Спустя два века братья Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку. Известно, что их отец Лев был высокопоставленным византийским сановником, скорее всего, греческого происхождения. Что касается матери Марии, то она, вероятно, была славянкой. Как известно, в момент создания алфавита еще не было множества славянских языков, а существовал единый язык, именуемый современными лингвистами праславянским. Созданный двумя братьями алфавит – глаголица – отражает особенности праславянского языка, что благоприятствовало его распространению среди всех славянских народов [8].

Создание славянской азбуки стало значительным шагом на пути формирования православно-славянской цивилизации, начало которой положено в Болгарии. В 885 году, сразу после смерти св. Климента Охридского, Нахума, Горазда, Ангелария и Саввы, в Болгарию прибыли ученики Кирилла и Мефодия. С их масштабной культуротворческой деятельностью в Болгарии связан период, который по праву считается Золотым веком древнеболгарской культуры. Создавались литературные школы и училища, на древнеболгарский язык был переведен огромный корпус произведений византийского Возрождения IX в. – богословские трактаты, житийные сочинения, географические описания, эпические и прозаические произведения. Климент Охридский (предположительно) ввел кириллицу, которая очень быстро утвердилась в качестве алфавита официальной письменности и стала надежным средством коммуникации между различными славянскими народами. Сформулированный Кириллом и Мефодием принцип перевода, основанный на идее «как должно быть», был положен в основу поиска и постоянного достижения актуального для данного момента смысла [9].

В своей книге «Древнеболгарская культура» Надежда Драгова подчеркивает, что славянский алфавит для болгарской Мы-идентичности имел принципиальное значение [10, с. 6-12]. В эпоху средневековья, когда буква воспринималась как вместилище божественного откровения [11], создание и введение новой системы письма воспринималось как знак Божий. В «Житиях славянских первоверховных апостолов» проводится мысль о том, что славянский алфавит был создан по поручению императора, который действовал с санкции Бога. В логике средневекового мышления это обстоятельство наделяло болгар, а вместе с ними и все славянские народы, особым статусом. С течением времени кириллица все больше воспринималась как

болгарская азбука, как выражение Мы-идентичности, ставшее основой национального культурного кода.

Так древнеболгарский язык стал первым языком славянской культуры, а кириллица – краеугольным камнем болгарской идентичности, структурирующим национальный культурный код. В период с IX по XIV вв. в Болгарии была создана культурная модель, которая, наряду с византийской моделью, стала образцом для всех славянских народов. Не случайно великий русский ученый академик Дмитрий Лихачев в своих исследованиях подчеркивал огромное значение древнеболгарской культуры, называя Болгарию государством духа: «И иноземные завоеватели не могли победить это государство духа, потому что в защиту болгарского народа в твердом строю стояли болгарский язык, письменность и культура! <.....> Болгарское государство духа простирается от Балтийского моря до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Индийского» [12].

В 1396 г. Болгария была порабощена Османской империей, а всего через несколько десятилетий (1453 г.) пал Константинополь – столица блестящей православной цивилизации. Османская империя на века прервала культурный подъем балканских православных и славянских народов, насильственно ликвидировав – уже в первые десятилетия своего правления – высокий (элитарный) уровень славяно-православной культуры. Зародыши Возрождения на Балканах погибли, а попытки достичь нового образа человека и нового знания о нем были пресечены. Духовное движение исихазма, развивавшееся в XIII-XIV веках на Балканах, осталось на уровне элитарного (закрытого) интеллектуального движения, хотя и явилось героической попыткой воздвигнуть духовный барьер против наступающего варварства. В дальнейшем наследие древнеболгарской православно-славянской культуры будет перенесено на север – на земли Древней Руси, чтобы вплестись в новые культурные достижения русской цивилизации.

Как видно, основы болгарского культурного кода закладываются в первые века существования древнеболгарского государства. Выбор князя Бориса-Михаила predetermined развитие болгарского общества по пути православно-славянской цивилизации. Болгары приобщены к наследию христианского откровения и экзегезы через высочайшие вершины византийской культуры. В свою очередь, гениальное творение святых братьев Кирилла и Мефодия – славянская азбука – также несет в себе огромный цивилизационный смысл. Староболгарский язык как первый язык славянской культуры играет роль связующего звена между многими славянскими народами независимо от их конфессиональной принадлежности и современного статуса. Через древнеболгарскую культуру ряд славянских народов усвоил весь спектр христианских доктрин и достижений богословия, наследие эллинизма и античности.

Последующие периоды болгарской истории (XV–XVII вв.), которые часто сравнивают с «темными веками», стали временем актуализации образов и символов, культурных аллюзий и представлений, призванных воспрепятствовать процессам ассимиляции и защитить болгарскую нацию от гибели.

С нашествием османов церковно-религиозное и политическое противостояние между Востоком и Западом приобрело новое направление. В связи с изменившимися обстоятельствами возникло также иное представление о Другом. Потеря государственности породила не известные прежде ментальные конструкты, основанные на сходствах и различиях. Образ Другого концептуализируется в новых понятиях, иным становится представление о различии между Мы и Они.

Как показывают культурно-исторические факты, формирование Мы-идентичности вплоть до Болгарского возрождения (XVIII–XIX вв.) происходит через концептуализацию сходств и различий с помощью знаков родства. Во-первых, христианская принадлежность концептуализируется в оппозиции к религиозной инаковости поработителя. Образ Мы включает в себя осознание христианства как общего союза единоверцев. Для этого периода характерно представление о том, что освобождение православного болгарского народа, да и других балканских христиан, произойдет при помощи христиан Западной церкви. Рабство воспринимается как божье наказание за грехи политических элит. Оппозиция Мы (христианское сообщество) и Они (варвары, люди другой веры) осмысливается как пагубная для собственного цивилизационного пространства. В этом смысле начинается внутреннее развитие смысловых компонентов в конструировании современного понимания Другого (прежде всего, иностранца) по аналогии с другими европейскими направлениями [13]. Однако в эпоху Болгарского национального возрождения рецепция Другого подвергается интерпретации с целью достижения национальных задач.

С другой стороны, помимо общей христианской принадлежности, балканские народы, особенно в XVII веке в связи с расцветом и влиянием южнославянской Дубровницкой республики, стали осознавать язык как фактор родства и различия. Мы-идентичность ориентировалась прежде всего на славянское родство, на общее происхождение и общую длительную историю. В книге «Королевство славян», изданной в 1601 году уроженцем Дубровника Мавро Орбини, обсуждается актуальный для своего времени этимологический вопрос – происхождение названия «славяне». Автор оспаривает утверждение, что этноним «славянин» означает раб, настаивая на том, что этот этноним происходит от слова, обозначающего мужество, врожденное стремление к свободе, физическую силу и мощь.

Ключевое значение для национального культурного кода имеет «История славяно-болгарская», написанная в 1762 году болгарским монахом Паисием Хилендарским. В ней он пишет, что болгары – православный и славянский народ, что они одной крови с сербами и русскими (москвитами). А также о том, что духовная возвышенность, божественное предопределение болгарских правителей подчеркивается в прозвище Иван (Иоанн), дополняющем их родовое имя.

В ожидании своего освобождения болгары и балканские народы связывали свои надежды на освобождение от османского ига с текущими политическими факторами. В первые десятилетия рабства ожидался великий крестовый поход, который должен был предпринят Папой Римским. С конца XVII на протяжении почти двух столетий болгары уповали на мощь Российской империи, видя в ней единственную защитницу православных и славянских народов. Например, епископ Софроний Врачанский, один из основоположников современной болгарской культуры, вел переписку с М.И. Кутузовым, надеясь, что русские войска перейдут Дунай и освободят болгарских братьев. Великий болгарский книжник призывал болгар принять русских воинов как своих братьев, поскольку они принадлежат к тому же славяно-православному роду, что и болгары.

К концу XVII – началу XIX в. болгары стали называть Русь самым уважаемым семейным именем – дед Иван. Возможно, что имя Иван отражает то представление о благочестии, о христианской праведности, которое подчеркивает Паисий в своем рассказе. А в XIX веке в связи с успехами русских войск в войне против Османской империи укрепилась вера в то, что Россия – великая держава, которая принесет освобождение болгарам.

Период XVIII–XIX вв. в истории Болгарии, как уже говорилось выше, был временем национального болгарского возрождения, связанного как с формированием болгарской нации, так и с актуализацией активных образов и символов прошлого культурного опыта. К числу таких национально-созидающих образов относятся образы святых братьев Кирилла и Мефодия. С ними связана и болгарская школа, в честь которой с конца 1940-х годов учрежден специальный праздник. Так же значимы повествования о хане Круме (первом правителе-законодателе), о князе Борисе-Михаиле – крестителе болгарского народа, о Симеоне и Иване Асене II, поднявших авторитет болгарского государства.

Вступление болгарского общества на путь капиталистического развития сделало его открытым для проникновения новых идей и практик. Актуальной становится проблема увлечения модой и неправильного, «кривого»

понимания цивилизации, т.е. деформаций, влияющих на естественное развитие духовной сущности нации. В ряде комедий, например, появляется новый персонаж – иностранец, который стыдится своего болгарского происхождения, настаивает на том, что необходимо говорить на французском языке, чтобы соотечественники считали его европейцем, иностранцем. По сути, это отражает новое противоречие: свой – чужой, которое еще долго будет занимать болгарское общество, воспринимающее туземца как эманацию категории своего. Что касается Иностранного, то его трактовка наследует смыслы Своего/Чужого, сформированные в предыдущий период: иноземный правитель, пришелец, враждебно настроенный по отношению к национальному характеру и процветанию. Новое время также вводит еще более вульгарную концепцию Чужого как близкого Другого – Ты/Вы. Так воспринимается сосед – православный христианин (грек), который, впрочем, как и турок, также грубо вмешивается в бытие болгарина, ограничивая его духовную свободу и право на использование родного болгарского языка в церковных обрядах и литературной практике. Понятно, что коннотация здесь негативная. Образ грека несет в себе негативный заряд в той же степени, что и образ турка-поработителя [14].

В XIX веке стремление болгар к свободе еще более усилилось. Зарождается революционное движение, задачей которого была подготовка национального восстания для освобождения Болгарии от османского владычества и восстановления государственности. В апреле 1876 г. вспыхнуло восстание, которое османские власти подавили с особой жестокостью. Реки крови залили болгарскую землю. Европа была потрясена, о зверствах турок были написаны сотни статей. Русский народ, русская интеллигенция, русская церковь настаивали на том, чтобы Россия пришла на помощь страдающему болгарскому народу.

В 1878 году закончилась Русско-турецкая война, в результате которой родилось национальное болгарское государство. Не случайно болгарский народ называет эту войну Освободительной и сохраняет ее глубокий смысл в образах, символах, знаках, делая их частью национального культурного кода. Более 450 памятников и мемориальных досок, установленных в различных населенных пунктах благодарными болгарскими гражданами, красноречиво говорят об этом. Тысячи произведений искусства и литературы посвящены братьям русским – освободителям [15].

Вновь создаваемое болгарское национальное государство должно было решить многие назревшие вопросы [16]. Например, в области образования необходимо было ввести программы с расширенным изучением иностранных языков, одним из которых является русский язык, обязательный даже в сложные и противоречивые исторические периоды. На уроках

литературы болгарские школьники стали изучать творчество как западноевропейских классиков, так и великих русских писателей – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. При изучении гуманитарных предметов (литературы и истории) особое внимание уделялось также болгарской литературе, через которую формируется национальный культурный код, национальные представления, образы, мифы, знаки и символы.

Таким образом, с конца XIX века и в XX веке началось развитие болгарского национального государства, в рамках которого формировалась и современная болгарская национальная культура. В ее основу были заложены типологические представления и культурная память народа [17]. Прежде всего, представления об историческом пути нации, староболгарский язык как славянский язык культуры, православие как духовная сущность болгарского народа, революционный опыт предков и память о братской жертве русского народа, принесенной на алтарь свободы Болгарии.

Не случайно во Второй мировой войне ни один болгарский солдат не воевал на Восточном фронте. Нападение гитлеровской Германии на СССР было воспринято как сигнал к развитию антифашистского движения, организации партизанских отрядов и действий с целью свержения болгарского правительства – сателлита нацистов. Победа советского народа во Второй мировой войне вновь была воспринята болгарскими гражданами как выражение традиционного русского самопожертвования во имя высшей ценности – свободы.

Процессы экономического, социального и культурного развития болгарского национального государства во второй половине XX века – времени социализма – были чрезвычайно динамичными и интенсивными. Значительный прогресс был достигнут тогда во всех сферах национальной жизни – была осуществлена индустриализация страны, создано современное сельское хозяйство, были достигнуты значительные успехи в области социальной политики, переживала расцвет национальная культура.

Актуализация и обновление культурных воспоминаний и образов поддерживают жизнеспособность национального культурного кода [18]. В произведениях болгарской литературы, болгарского изобразительного искусства, театра и кино воспроизводятся типологические образы и представления национального культурного кода. Современное болгарское национальное государство утверждается как общая национальная ценность, как исполнение заветов и мечтаний предков, как достояние, которое необходимо сохранить и передать будущим поколениям болгар.

Современная политическая действительность и ее влияние на духовные процессы

После произошедших в конце 1989 г. перемен в Болгарии, как и в других странах Восточной Европы, установилось так называемое евроатлантическое демократическое управление. В стране начал активно действовать фонд «Открытое общество» мультимиллиардера Джорджа Сороса. Чрезвычайно быстро «Открытое общество» проникает во все болгарские университеты и научные институты Болгарской академии наук с очевидной целью поставить под контроль преподавание гуманитарных и общественных наук. «Открытое общество» подчиняет своему влиянию также центральные СМИ и учреждения культуры. В кратчайший срок была создана сеть институтов и аналитических центров, через которые проводится реформирование сознания болгар, в первую очередь путем переоценки всей болгарской культуры и литературы [19]. Главное внимание уделяется второй половине XX века – времени социализма. Всем событиям дается односторонняя оценка, не учитывающая конкретных обстоятельств момента. Ошибки руководства страны – действительные и мнимые – намеренно преувеличиваются, раздуваются до вселенских масштабов. Достижения замалчиваются или извращаются. Социалистическое общество изображается как тоталитарное, подавляющее свободу личности, а коммунизм приравнивается к фашизму. В болгарском обществе усиленно насаждается то, чего в нем никогда не было и быть не могло, – русофобия. В том же направлении наряду с фондом Сороса действуют и другие обосновавшиеся в Болгарии западноевропейские фонды и организации.

Концепция «открытого общества» (в контексте идей Карла Поппера [20]), реализуемая фондом Джорджа Сороса и подобными структурами, отрицает прежде всего смысл национального государства как инструмента общенародной воли и ставит под сомнение существование самобытной болгарской культуры. Таким образом, в 1990-е годы XX века и в начале XXI века завершились созидательные процессы, протекавшие в болгарском национальном государстве, сам его суверенитет оказался под вопросом, а понятие «национальный интерес» лишилось своего содержания. Болгарское национальное государство не реализует ту миссию, ради которой оно объективно существует. Начались процессы размывания национальной идентичности болгар, разрушения социального порядка, эрозии национальной культуры и ее традиций.

Сербский писатель Мехмет Селимович в романе «Белая крепость» отмечает, что каждое поколение существует ради того, чтобы способствовать прогрессу общества (нации). Однако новейшая история Балкан показывает, что ни одному поколению не удается реализовать эту свою миссию. Навя-

зывание чужой идеологии, чужой точки зрения, несовместимой с культурным бытием балканских народов, становится для каждого молодого поколения поводом для разрушения и отрицания незавершенного дела своих предшественников. Таким образом, сознание болгар и других балканских народов лишается полноты экзистенциального смысла, что создает предпосылки для манипуляций со стороны империалистических хищников и насаждения чуждых народному сознанию идеологий.

Концепция «открытого общества» способствует активному вхождению западного капитала на Балканский полуостров, подчинению национальных экономик интересам империалистической метрополии, что ведет к деградации периферии. В 1990-е годы в Болгарии было ликвидировано развитое сельское хозяйство, проведена приватизация, обернувшаяся деиндустриализацией страны, разорваны налаженные торговые связи со странами Европы, Ближнего Востока, Азии, Африки и Латинской Америки.

В Болгарии хозяйничают транснациональные компании, которых привлекает главным образом геостратегическое положение страны, возможность использования территории в своих геостратегических интересах. Высокотехнологичные промышленные предприятия в современной Болгарии ликвидированы, а их место заняли низкотехнологичные производства, мелкая торговля, кустарное производство и прочие занятия, связанные с примитивным ручным трудом. К этому следует добавить, что ежегодно более десяти процентов болгарской молодежи покидают родину, чтобы учиться и работать на Западе. Большинство из них не возвращается. Фактически современная Болгария оказалась в ситуации тяжелого демографического кризиса, и никакого пути выхода из него в обозримом будущем не просматривается.

Деструкция национальной экономики – прямой и непосредственный результат геополитической концепции «открытого общества». Как и обещали адепты этой концепции, Болгария оказалась включенной в евроатлантическую систему. Но, вопреки посулам, не в качестве полноправного субъекта, а в роли полуколониального придатка, обслуживающего интересы империалистической метрополии, в том числе и геополитические. Евроатлантическая цивилизация противостоит России. Поскольку Болгария включена в систему евроатлантизма, постольку она принуждена играть роль одного из форпостов последнего. Горькая ирония истории состоит в том, что в современной геополитической ситуации Болгария выступает на стороне врагов своего естественного союзника, такого же носителя славяно-православных ценностей, страны, благодаря подвигу которой было достигнуто избавление от османского ига.

Не случайно западные фонды, в первую очередь фонд «Открытое общество», начинают проводить активную культурную программу в Болгарии [21]. Их главная цель – разрушение национального культурного кода и связанная с этим трансформация национальной идентичности. Используется соответствующий инструментарий, в том числе культура отмены. Цель состоит, прежде всего, в том, чтобы оторвать болгар от цивилизационной орбиты России, даже ценой отрицания собственной культурной самобытности и отказа от своих исторических корней. Это выражается в переоценке исторических событий, в выпячивании одних фактов и замалчивании других. Из неразрывного потока исторических событий вычеркивают те из них, которые оказали решающее влияние на формирование национального болгарского культурного кода. Как правило, они прямо или косвенно связаны с устоями славяно-православной цивилизации и с Россией. Так, из учебников по литературе и истории, т.е. из предметов, воспитывающих национальную гордость и достоинство, в первую очередь изымаются сведения об антифашизме и партизанском движении в Болгарии. Такая деятельность, антинациональная по существу, воспринимается культурной элитой болгарского народа с явным неодобрением, не переходящим до поры до времени в открытый протест.

Весь период социалистического развития Болгарии трактуется как время упадка и деградации. Целенаправленно формируется негативное и даже враждебное отношение к Советскому Союзу. Активно проводится мысль о том, что СССР силой навязал болгарскому народу социалистический выбор, изменив тем самым естественный ход истории в Юго-Восточной Европе. Из учебников по литературе исключаются произведения классиков болгарской литературы, отражающие любовь болгар к России, их признательность всем ее народам за освобождение от османского ига и нацистского режима.

Кроме того, при иностранной финансовой помощи в Болгарии организуется акты вандализма против антифашистских памятников, в первую очередь тех из них, в которых запечатлен подвиг советских воинов во Второй мировой войне. Предпринимаются настойчивые попытки реабилитации болгарского фашизма, придумываются лживые мифы о существовании в болгарском народе русофобских настроений [22]. Из школьных и вузовских учебных программ изымаются сведения о событиях и фактах, свидетельствующих о проявлениях революционного духа болгарского народа. Например, Апрельское восстание 1876 года изображается не как подвиг болгар с целью освобождения от османского ига, а как миф, созданный романтическим воображением писателей, желающих овеять реальную историю ореолом героизма. [23]

Такая интерпретация Апрельского восстания вызвала в болгарском обществе настоящий скандал, что не помешало, однако, появлению иных исторических фальсификаций, направленных на разрушение традиционных представлений и знаковых национальных образов.

Все эти действия далеко не случайны, а хорошо продуманы и скоординированы. Геополитические задачи, которые ставят перед собой их вдохновители и организаторы, – подорвать веру болгар в собственные духовные силы, лишить их исторической памяти, обесценить их героические усилия по освобождению от османского владычества. Предпринимаются попытки реабилитации Османской империи. В новых трактовках болгарской истории отсутствуют упоминания о рабской участи болгар на протяжении всех пятисот лет османского владычества. Османская империя изображается как государство с либеральным политическим режимом, где народы имели равные права и мирно сосуществовали. Из учебников исключаются тексты, в которых так или иначе освещается революционная борьба болгарского народа, его протест против национального угнетения, его стремление к свободе и независимости. Цель фальсификаторов истории состоит в том, чтобы молодые поколения болгар забыли о героической борьбе болгарского народа за освобождение от османского ига, как и о том, что именно благодаря России эта борьба увенчалась успехом.

Еще один инструмент деструкции национального культурного кода – фонд «Америка для Болгарии» [24]. На средства Фонда проводится новая реформа содержания учебников истории и литературы. Из них окончательно устраняются сведения, касающиеся русской культуры и литературы. По-новому трактуется принятие христианства князем Борисом-Михаилом, Оно изображается не как глубоко продуманное деяние, предопределившее развитие Болгарии по пути православно-славянской цивилизации, а как результат ситуативного выбора, продиктованный сугубо прагматическими соображениями. Принижается роль святых братьев Кирилла и Мефодия в деле формирования славянской культуры, умаляются достижения староболгарской литературы, почти не упоминается ее значение для развития славянства. Крайне мало уделяется внимания болгарскому возрождению и борьбе болгарского народа против османского владычества. Полностью исключены из программы события Второй мировой войны [25].

В том же ключе переписывается и история России. Значение российской жертвы ради избавления братского болгарского народа от османского ига всячески принижается, сам российский фактор мировой политики преподносится как мелкий и незначительный. Чтобы лишить народ исторической памяти, проводятся также акции против памятников и мемориальных знаков, связанных с Россией. Эти попытки потерпели полный крах, и тогда

политическим руководством современной Болгарии был пущен в ход административный ресурс: приостановлено выделение из государственного бюджета средств на содержание памятников и мемориальных знаков, связанных с Россией и СССР. А после начала специальной военной операции на Украине в отдельных болгарских поселениях были предприняты и другие действия. Например, заменены надписи с выражением благодарности русским воинам, текстами в которых благодарили каждого, кто внес вклад в развитие Болгарии.

С начала специальной военной операции Российской Федерации русофобия в Болгарии получила дополнительный импульс. В публичном пространстве Болгарии активно распространяются русофобские идеи и образы, предпринимаются различные политические действия с целью настроить болгар против России. Русофобская политика, как показывает болгарский пример, – не безобидное действие, а глубоко осмысленная комплексная программа деструкции национального культурного кода. Следует подчеркнуть, что эта программа подкреплена огромными финансовыми средствами и ориентирована на молодые поколения с целью лишить народ исторической памяти и своих культурных корней. Как видно, деструкция национального культурного болгар кода имеет своей целью геополитическое противостояние России.

В публичной среде начинают появляться, хотя и не часто, предложения о замене кириллицы на латиницу. Группа болгарских сторонников евроатлантизма из нынешнего правящего класса предлагает конституционные изменения для замены национального праздника 3 марта (Дня освобождения) на другой день, который никоим образом не связан с Россией. На данный момент эти предложения встречают решительный отпор со стороны болгарского общества.

Разрушение национального культурного кода – важнейший аспект реализации программы культурного империализма, нацеленной на то, чтобы обеспечить геополитическую гегемонию империалистического ядра над периферией. Задача, которую ставит в отношении Болгарии империалистический Запад, – добиться ее разрыва с Россией, стереть из народной памяти воспоминания и образы, заставить забыть смысл исторического существования болгар на протяжении многих веков, а также обесценить национальные предания и мифы, одним словом, подвергнуть полной деструкции национальный культурный код. Тем самым гегемонисты подготавливают почву для того, чтобы использовать болгар и других народов, принадлежащих к славяно-православной цивилизации, к участию в будущих прямых военных действиях против России.

История – открит процес, в ней нет предопределенности. Однако опыт истории показывает, что социальный и культурный прогресс неостановим, что разрушительная деятельность с течением времени наталкивается на сопротивление, которое рано или поздно приводит к освобождению от социального и национального угнетения. Цитадель евроатлантизма до недавнего времени казалась несокрушимой, но события самого последнего времени показывают, что по ее стенам проходят трещины разломов, а почва под ней колеблется. И Болгария вновь с надеждой устремляет свои взоры к России как к стране, которая первой осмелилась бросить вызов западной гегемонии.

Список литературы

1. *Асман Я.* Културната памет. Писменост, памет и политическа идентичност в ранните високоразвити култури. София: ИК Планета 3, 2001. – 352 с.
2. *Лотман Ю.М.* Мястото на киноизкуството в механизма на културата. София: ЦСКИ. URL: <https://cssc-bg.com/downloads/articles/CSSC%20PhD/2020%20Lotman%203.pdf> (дата обращения 15.09.2023)
3. *Барт Р.* Въображението на знака. София: Народна култура, 1991. 584 с.
4. *Еко У.* Код. София: ЦСКИ. URL: <https://cssc-bg.com/downloads/articles/Literary%20-%20Linguistics/Eco%20-%20Code.pdf> (дата обращения 15.09.2023)
5. *Жуков А.* Навлизаме в епоха на революция на културните кодове. URL <https://pogled.info/svetoven/navlizame-v-epoha-na-revolyuetsiya-na-kulturnite-kodove.127483> (дата обращения 17.09.2023)
6. *Григоров А.* Кодове на културата. URL: <http://www.litclub.com/> (дата обращения 18.09.2023)
7. *Гюзелев В., Божилев И.* История на средновековна България VII–XIV век. София: Анупис, 1999. 1060 с.
8. *Киселков В.С.* Пространните жития на светите братя Кирил и Методий. София: Военно издателство, 1945. 45 с.
9. *Ангушева А.Д., Атанасова А., Бояджиев Н., Гагова, М. Димитрова, М. Йовчева, А. Милтенова, Т. Савова, А. Стойкова, Л. Тасева.* История на българската средновековна литература. София: Изток-Запад. 2008. 776 с.
10. *Драгова Н.* Старобългарска култура. София: ЛИК, 2005. 428 с.
11. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/poetika-rannevizantijskoj-literatury/ (дата обращения 16.09.2023)
12. *Лихачов Д. С.* Българската държава на духа се простира навред! URL: <https://opoznaibulgaria.com/kultura/balgarska-istorija/akad-dmitrij-lihachov-kam-balgarite-ich/24074/> (дата обращения 18.09.2023)
13. *Тодоров Ц.* Завладяването на Америка. Въпросът за другия. София: УИ «Св. Климент Охридски». 1992. 248 с.
14. *Добрева В.* Българската възрожденска комедия. София: ИК Захари Стоянов, 2022. 476 с.
15. *Йотов П., Димитрова С., Цанкова-Ганчева Д.* Военните паметници в България. София: НВИМ. 2005. 305 с.
16. *Бужашка Б.* Източнотракийският въпрос в българо-турските дипломатически отношения (1913–2016 г.). София: ИК „Захари Стоянов“. 2017. 415 с.
17. *Добрева В., Бужашка Б., Янкова И.* През погледа на Александър Божинов: културни знаци и пространства на освободената държава. // Щрихи към образа на Александър Божинов. София: УИ «За буквите- О писменех», 2003. С. 53–39.
18. *Найденова Й.* Унгарските реалии в контекста на културния трансфер. София: Изток-Запад, 2012. –40 с.

19. *Проданов В.* Гражданското общество и глобалният капитализъм. София: ИК «Христо Ботев», 2003. 239 с.
20. *Попър К.* Отвореното общество и неговите врагове. Т. 1–2. София: Отворено общество, Златорог, 1993. 724 с.
21. «Отворено общество» в България. URL: <https://osis.bg/> (дата обращения 19.09.2023)
22. *Филипова Р.* История под прицел. Руската историческа дезинформация, политики на паметта в България и уроци за справянето с миналото в Централна и Източна Европа. Доклад. Институт за глобални анализи. Изд. с подкрепата на Департамента на САЩ, 2003. – URL: https://globalanalytics-bg.org/wp-content/uploads/2023/08/IGA_REPORT_BG_WEB_Final.pdf (дата обращения 20.09.2023)
23. В связи с деконструкцией национальных мифов, см.: *Балева, М, Улф Брунбауер.* Батак като място на паметта. София/ Мартина Балева и Улф Брунбауер, 2007 – 160 с.
24. Фондация «Америка за България». – URL: <https://us4bg.org/bg/> (дата обращения 20.09.2023)
25. Учебни планове по класове. URL: <https://web.mon.bg/bg/28> (дата обращения 20.09.2023)

DESTRUCTION OF THE NATIONAL CULTURAL CODE AND CURRENT GEOPOLITICAL REALITIES

Vanya Dobрева

Doctor of Philology
Bulgaria

The destructive influence of the geopolitical strategy of the unipolar world on the Bulgarian national cultural code is analyzed. The historical process of the formation of the Bulgarian national cultural code with its system of characteristic images, symbols, and concepts is considered. The significance of the adoption of Orthodoxy by Prince Boris-Michael in 864 for the further development of the Bulgarian society and its culture is shown. The influence of Orthodoxy is associated with such features of the Bulgarian mentality as the orientation towards the comprehension of the sensual nature of the image, the desire to deify man. Since the first language of Slavic culture was Old Bulgarian, it played the role of the main factor in the formation of a common Slavic identity. In today's geopolitical realities, the Bulgarians (as well as other South Slavs) are under strong pressure from supporters of a unipolar Euro-Atlantic world, which is most evident in the inculcation of Russophobia. But adherence to the Russophobic doctrine inevitably entails the destruction of the Bulgarian cultural code, the debunking of our system-forming national myths, the rejection of our history and the destruction of our national identity.

Keywords: cultural code, nation, state, education, identity, image

ПРОЕКТ «АНТИКАРТЕЗИАНСКОЙ» ФЕНОМЕНОЛОГИИ

С.В. Комаров

Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Пермь, ул. Букирева, 15
philos.perm@gmail.com

В статье предлагается проект феноменологического исследования субъективности, связанный с выходом за пределы ее рефлексивности и горизонтности. Проект реализуется в двух противоположных направлениях. Первое направление связано с полной редукцией субъективности к чистой смысловой структуре наличной ситуации. Это не феноменология бытия (созданная М. Хайдеггером, Ж.-Л. Марионом), но такая «нейтрализация» его, при которой его горизонтные структуры выступают как границы конкретного наличного события присутствия, а сама объективная ситуация разворачивается как центрированная вокруг локального смыслового центра. Этот выход на внешнюю границу феномена означает конституирование *неинтенциональной* феноменологии. Второе направление ориентировано на осмысление аффектированности его, однако, в отличие от других исследований (представленных в трудах М. Мерло-Понти, М. Анри, М. Риширом, Д. Триггом), оно предполагает анализ события становления *cogito* именно субъектом («Я»). Его конституируется пассивными синтезами, онтологическое истолкование которых означает выход за пределы внутренней границы самого феномена и обретение им собственной субъективности. Это является не чем иным, как конституированием *недескриптивной* феноменологии. В рамках указанных противоположных направлений исследования такой выход на внутреннюю (материально-чувственную) и внешнюю (предметно-смысловую) границу дает целостное описание субъективности как онтологического феномена. Смысловая конституция целостной (полной) субъективности в этом случае задается точкой сборки актора события, коррелятами времени, топологией круга наличного бытия, а закон обратной рефлексии выражает возможность онтологического обращения и возврата к классической феноменологии.

Ключевые слова: субъективность, интенциональная феноменология, материальная феноменология, аффектированность, горизонт, событие, смысл, чувственно-гилетические схемы, актор.

Постановка проблемы

Первоначальный вариант феноменологии предполагал дескрипцию сознания, которая опиралась на эмпирическое и категориальное созерцание [3]. Однако задача обоснования научного исследования была связана с поиском абсолютно достоверного основания, каковым в рамках феноменологии

оказалась область самоданности сознания [2, с. 106–107], что означало поворот основателя феноменологии к теории трансцендентального *ego*. Этот путь в определенной мере может быть квалифицирован как повторение *картезианского жеста*. Однако методическое раскрытие трансцендентальной субъективности означает раскрытие ее темпоральности, а именно тех пассивных синтезов, которые конституируют само трансцендентальное «Я» [15]. В итоге развитие феноменологии в XX веке пошло двумя разными путями.

С одной стороны, признание того, что онтология – как наука о сущем – основана на феноменологической установке, не означает редукции бытия к чистым структурам сознания. Поворот М. Хайдеггера был связан именно с признанием феноменологии, которая открывает собственные структуры бытия. Доступ к бытию через сущее *Dasein* вовсе не означает его укорененности в структурах сознания; скорее, наоборот, последнее как онтическое сущее получает свою онтологическую определенность через обращение к бытию как таковому. Так или иначе, фундаментальная онтология означала выход за пределы феноменологии как теории сознания. Как метод исследования феноменология сохраняла свою силу в качестве основания экзистенциальной аналитики *вот*, онтологического истолкования заботы и онтологии времени. Но уже аналитика времени и онтология события ведут к герменевтике бытия: феноменология в этих исследованиях становится только способом фиксации первичного феномена [10, с. 119–139].

В самом деле, именно аналитика времени и события приводит к вопросу о том, кому открываются эти феномены. В «SZ» еще сохраняется скрытая привилегированность *Dasein* как коррелята картезианско-кантовского эгоцентризма; однако описание чистой событийности всерьез ставит вопрос о субъекте самого события [12, S. 319–321; 13, S. 157]. Бесконечные повторы и заходы на бытие в описаниях позднего М. Хайдеггера не могут скрыть эту антиномичность: мысль немецкого философа движется в стихии чистого созерцания бытия, однако вопрос заключается в том, *кто* является автором этого созерцания? Отсюда постоянная незаконченность и анонимность феноменологической дескрипции [9, с. 8]. Здесь чистая фактичность описания скрывает его субъективность и порождает вечные хлопоты с «корреляционизмом» [18, pp. 28–49].

С другой стороны, трансцендентальная субъективность оказывается феноменом изначального бытия. Причем сущностно необходимым для самих феноменологических исследований, поскольку такой анализ находил в этой области изначальной субъективности свое обоснование. Основным методом феноменологических исследований становится не столько редукция, сколько дескрипция субъективных переживаний. Фактичность и контингентность этих переживаний заставили говорить об изначальной аффектированности «Я». И если еще в феноменологии позднего Э. Гуссерля «Я»

феноменолога не теряет своей активной роли центра феноменологического анализа, то дальнейшие исследования связаны с потерей им такой привилегированности.

Развитие французской феноменологии (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Э. Левинас, П. Рикер, М. Анри) связано именно с констатацией этой аффектированности «Я»: доступ к самости, включая ее себестождественность и изменчивость, определяется потоком переживания, истории, жизни. При этом негативная оценка временности изменена на позитивную: «Я» перестает быть тем, «кто» действует и мыслит, но превращается в того, «кого» видят, «кого» обвиняют и ранят», «кому» радостно или больно. Декрипциям от первого лица принадлежит не именительный, а винительный или дательный падежи [11, с. 233]. Плоть, тело, язык, отношения с другими, история становятся средой становления субъекта. Эта среда обладает собственной временностью, в которую темпоральность субъекта «встроена» и с которой она взаимодействует. С точки зрения анализа субъективности это означает отсутствие возможности для полной рефлексии жизни сознания: нельзя вне потока временности найти точку неподвижности, с которой себя будет идентифицировать «Я» [8, с. 78-79]. Дело предстает не так, что нечто предшествует «Я», которое его постфактум описывает и придает ему ясность, но так, что предданное оказывается «сделанным» нашим «Я», которое само учреждается в этом акте.

Таким образом, развитие феноменологии было связано с антикартезианской установкой. Действительно, вряд ли сегодня можно говорить в картезианском духе о субстанциальном или трансцендентальном его. Но проблема в том, что и вышеочерченные варианты решения не могут быть приняты в полной мере. В первом случае – в варианте фундаментальной онтологии – имеет место онтологическое обращение сознания, когда сознание теряет признак субъективности, во втором случае – в варианте феноменологии аффектированности – сознание теряет признаки собственной основательности (транспарентности, автономности и причинности). В первом случае оно перестает быть сознанием, во втором случае оно перестает быть сущим. И в том, и в другом варианте такое «антикартезианское» движение связано с выходом за пределы классической феноменологии [1, с. 172–185; 17, р. 85]. Необходимо предложить вариант феноменологии, но без редукции сознания к бытию или к его аффектированности.

Цель данной статьи заключается в обрисовке контуров проекта такой феноменологии. Классическая феноменология основывается на изначальной корреляции двух инстанций: «Я» и горизонта. Новая феноменология означает анализ сознания без привязки к его рефлексивности, с одной стороны, и к его горизонтности, с другой. Задача не давать описание феноменов, исходя из изначальной инстанции «Я», а показать, как формируется

само это «Я» в событии феноменальной данности. Поэтому мы условно называем такой проект *антикартезианской (антигуссерлевской)* феноменологией. Реализация этого проекта предполагает движение в двух противоположных направлениях.

Первое направление повторяет ход всей послегуссерлевской феноменологии (М. Мерло-Понти, М. Анри, М. Ришир, Д. Тригг) и направлено на исследование аффектированности его со стороны плоти, языка, других, истории, техники. В рамках этого подхода его конституируется пассивными синтезами, онтологическое истолкование которых предполагает выход за пределы *внутренней* границы самого феномена. Это означает конституирование *недескриптивной (нерефлексивной)* феноменологии.

Второе направление связано с полной редукцией субъективности к чистой смысловой структуре наличной ситуации. Это не феноменология бытия (М. Хайдеггер, Ж.-Л. Марион), но такая «нейтрализация» его, при которой его горизонтные структуры выступают как границы конкретного наличного события присутствия, а сама объективная ситуация разворачивается как центрированная вокруг локального смыслового центра. Этот выход на внешнюю границу феномена означает конституирование *неинтенциональной (негоризонтной)* феноменологии.

В рамках этих двух противоположных направлений исследования такой выход на внутреннюю (материально-чувственную) и внешнюю (предметно-смысловую) границу (горизонт) дает целостное описание субъективности как онтологического феномена.

Не-интенциональная феноменология сознания

Проект такой феноменологии предполагает такую нейтрализацию сознания (*έλοχή*), при которой мы располагаемся точно на границе феноменального мира. Куда» можно выйти из феноменологической установки? В естественную установку невозможно. Однако можно так нейтрализовать сознание, чтобы сознание стало медиатором бытия; при этом сама феноменологическая установка сохраняется. В том-то и заключается отличие от феноменологии бытия М. Хайдеггера: сознание выходит на свою внешнюю границу, но не перестает быть при этом сознанием. Это особая модальность сознания: его антиномичность может сохраняться, однако всякая субъектно-объектная раздвоенность «блокируется» тем, что выход к внешней границе постоянно выносит «субъекта» к простой данности сущего-в-мире. «Субъект» теперь более не «в-себе» (это не картезианский субъект и не трансцендентальное его) и не в герметично центрированном «здесь-бытии» (это не хайдеггеровский *Dasein*).

Таким образом, нейтрализованное сознание есть простая регистрация самого наличного бытия: оно тождественно ему, совпадает с его границами

(«рамка» сознания совпадает с «рамкой» ситуации). Сознание оказывается тождественным смысловой структуре сущего как такового; оно как бы «надето» на наличную ситуацию: в этом случае объективное событие полностью – и в пространстве, и во времени – конгруэнтно сознанию. Но оно не есть само бытие: оно есть *сознание* здесь-бытия и его смысловой структуры.

В этом случае наличное бытие не является хайдеггеровской *заботой*. Действительно, онтологически обращенное cogito представляет собой чистое смысловое единство и центрировано объективной логикой наличной ситуации. Например, наличная ситуация задана пространством этой аудитории, в котором я могу перемещаться между кафедрой и учебными столами, стеной и подиумом, окнами, и проч. Но во всех случаях сохраняется наличное цельное смысловое присутствие (*арптон*⁶), наводимое данной ситуацией и составляющее ее эйдос. Единство сознания (апперцепция) обеспечивается спонтанностью самого объективного события.

Таким образом, событие как данная наличная ситуация, в которой реализуются все свершающиеся обстоятельства, обладает цельностью – смысловым единством, определенным подвижными горизонтами, разбегающимися от эпицентра события. В этом смысле само событие есть полное смысловое выражение эйдоса, полная реализация эйдоса в наличной материи. Оно не просто есть бытие с другими людьми и вещами, а именно то, что сбывается, случается, происходит, выпадает на нашу долю, обстоит так-то и так-то. Оно обладает собственной *нудящей* силой, собственным *долженствованием*, которые отличаются от акта целеполагания и его психологических проекций (это эквивалент хайдеггеровского *Entscheidungheit*). Важно, что присутствующую здесь модальность нельзя ассоциировать с человеческой заботой, потому что собственное долженствование события – это время.

Однако, именно потому, что в этом объективном единстве события, в котором «дела» обстоит «так-то и так-то» (*die Sachen haben folgenden Bewandtnis*), обретают объективный смысл все действия инициировавшего данное событие «субъекта». Действительно, сама ситуация бытия развертывается независимо от сознания, и весь ее наличный «материал», включая людей, вещи, знаковые феномены, культурные артефакты и природные объекты, составляет некое единое и плотное ядро. Но именно поэтому ее смысловой центр может быть сколь угодно раз модифицирован. В этом случае мы имеем дело не с упражнениями фантазии, но с множеством микро-проектов праксиса; и смысловое сведение ситуации меняется в непрерывно преобразующейся первопорядковой природе (материи). В самом деле, си-

⁶ Э. Гуссерль так именуется смысловой «каркас» серии взаимосвязанных феноменов (в процедуре вариации идей) [16, S. 141].

туация практически и символически меняется в зависимости от того, говорю ли я вслух, молча пишу, слушаю вопросы студентов или смотрю в окно. При этом сама наличная ситуация оставалась в своем ядре неизменной и устойчивой. Эффект *субъектности* возникает в поле наличной ситуации, в присущей ей собственной модальности.

В самом деле, что в этом случае является эпицентром события? Здесь нет никакого «единства самосознания», но имеется единство горизонтов наличной ситуации. В самом деле – повторимся – чем определяется единство наличной ситуации после бытийного обращения апперцепции? Горизонтами временности (*die Zeitlichkeit*) и пространственности (*die Raumlichkeit*). Здесь временная структура наличной ситуации является временностью самого «нейтрализованного» сознания, а пространственные горизонты наличной ситуации определяются праксисом актора ситуации (*Umwillen, Worumwillen, Worinnen, Wozu, Umzu, Wovor*) [14, S. 364–365]. Действительно, отдаление-приближение этих горизонтов определяется отношением *um-willen*, которое, однако, нельзя квалифицировать как интенцию; это «нейтрализованный» смысловой коррелят хайдеггеровской заботы как отношения «здесь-бытия» к «бытию»: «*Das Sein des Daseins bestimmten wir als Sorge...*» [14, S. 364]. Экзистенция здесь выступает как эпицентр выявленной смысловой структуры относительно всего множества ее пространственных модификаций, или точка центрирования этой структуры во временных горизонтах.

«Материальная» феноменология

Что произойдет, если мы теперь сохраним такую «нейтрализацию» сознания при выходе на его *внутреннюю* границу? В этом случае сознание совпадает с рамками «внутренних» феноменов. Наличная ситуация в этом случае представляет собой материальные (физиологические, телесные) структуры как основания внутренних чувств. Сознание, «надетое» на эти телесные структуры, и есть «внутреннее чувство». Поэтому его нейтрализация не есть простая фиксация бытия эмпирического «я», а выявление именно этих оснований эмпирических феноменов. Антикартезианский характер такой феноменологии будет заключаться не в движении от эмпирического сознания к трансцендентальному *его* (чистой смысловой структуре сознания), а в обратном движении от смысловой структуры сознания к эмпирическим феноменам и их материальным коррелятам. Действительно, что выявляется в этом случае в качестве «объективной реальности» нашего «я»? Его телесная схема. Внимание должно быть направлено от трансцендентальной схемы рассудка к его эмпирической реализации, а затем к соответствующим чувственно-гилетическим коррелятам этой схемы (речевой и слуховой медиаторы, кинестезы различной модальности).

В самом деле, как происходит обретение смысла? Во внутреннем чувстве обнаруживается его внутренний горизонт (экран); «нейтрализация» сознания относительно внутреннего чувства означает не интенцию (луч внимания), но ожидание прибытия (*ankommen*) смысла. Это ожидание есть неинтенциальная интенция, ибо не направлено к границе, а происходит в эпицентре наличной ситуации. Обращенное *cogito* (апперцепция) выступает как чистый медиатор смысла. Движение смысла происходит от горизонта к эпицентру наличной ситуации внутреннего чувства: *im-willen* есть нудящая сила движения. В этом процессе происходит не только определение самого смысла, но и пространственно-временных горизонтов наличной ситуации внутреннего чувства.

Смысл в полном смысле приходит в виде соответствующего образа. Ожидание само определяется в качестве эпицентра этого события только в «момент» проступания-прихождения-воображения этого образа. Его пространственно-временная развертка и выступает как реальный процесс появления «на горизонте» недифференцированного смыслового образа и его приближения к фиксирующим и проговаривающим институциям «Я». Иначе говоря, все три момента – горизонтность наличной ситуации внутреннего чувства (медиум), процесс проявления смысла и его схватывание эмпирическим «я» (апперцепция) – представляют собой одно событие. Эти чувственно-гилетические процессы есть корреляты феноменов кантовского схематизма⁷. Схватывание этого образа (слова) как формы смысла происходит путем центрирования ситуации относительно «субъекта» этого смысла, который является только генератором речи. В самом деле, ожидание есть чуткое всматривание в невидимую точку на границе внутреннего чувства. Проявление смысла как чувственный процесс происходит как его чувственная визуализация, сопровождаемая проговариванием. Все три чувственных процесса есть структурная (гилетическая) основа явления смысла. Это материальный каркас (*арпюп*) внутреннего чувства.

В этом объективном единстве события происходит не только определение смысла, но и определение *центра* самого внутреннего чувства. В самом деле, смысл не просто визуализируется, он проговаривается или «слышится». Рассудок есть не просто воображение, но «внутренняя речь». При этом сама ситуация внутреннего бытия не только разворачивается независимо от сознания, она модифицируется сколь угодно множеством

⁷ «Что представляет собой это третье как опосредствующее звено (*Medium*) всех синтетических суждений? Это есть не что иное, как только та совокупность, в которой содержатся все наши представления, а именно внутреннее чувство и его априорная форма, [т.е.] время. Синтез представлений основывается на способности воображения, а синтетическое единство их (необходимое для суждения) – на единстве апперцепции» [5, с.132].

раз, но всякий раз ее развертывание осуществляется как центрирование относительно эпицентра вчувствования, вслушивания, всматривания или проговаривания. Напряженное ожидание является эмпирическим коррелятом антиципации смысла (Кант), того предвзятия, предусмотрения и предрешения относительно смысла бытия (Хайдеггер), без которых сам смысл в качестве именно мысли не мог бы установиться (схвачен и опознан). Но в этом напряженном ожидании, всматривании и проговаривании проявляется *автор* внутренней речи, относительно *которого, которому и для которого* является смысл. Само явление смысла и есть проявление его автора. Смысл обретается не только как объективное явление, но и как конституирование «субъекта» смысла. Модальность феномена смысла является модальностью его актора. Именно поэтому, например, речевой медиатор выступает автором осмысленной речи, а кинестетический или слуховой медиаторы, как правило, являются пассивными акторами этого события. Поэтому, аналогично наличной ситуации бытия во внешнем чувстве, событие смысла во внутреннем чувстве практически и символически меняется в зависимости от того, говорю ли я, молча слушаю или всматриваюсь в проявляющийся образ смысла. Модальность самого внутреннего чувства определяется характером центрирования: выступают ли телесные медиаторы в качестве «приемника» или «генератора» смысла. «Субъектность» внутренней речи определяется отношением к горизонтам наличной ситуации.

Здесь, аналогично внешнему чувству, нет никакого «единства самосознания», но имеется единство горизонтов внутреннего чувства. (Что примечательно – сами горизонты выявляются как моменты самой ситуации события смысла, а не как нечто заранее заданное; они есть «свойства» смысла, а не основания его появления.) В самом деле, единство наличной ситуации (единство апперцепции) определяется горизонтами временности (*die Zeitlichkeit*) и пространственности (*die Raumlichkeit*) события явления смысла: оно «приходит» к эпицентру его осознания из-за границы ожидания (антиципации), или, наоборот, генерируется актором наличного сознания и уходит к границе внутреннего чувства, конституируясь на ней как «моя» мысль. Временность самого события смысла – его разворачивания «от...к» – обуславливает его пространственную определенность «здесь...там». Экзистенциальная «близь» и «даль» определяются временем установления смысла. «Не моя» мысль обретается как «моя», благодаря конституированию в эпицентре события актора восприятия. Здесь временная структура наличной ситуации является временностью самого «нейтрализован-

ного» сознания, а пространственные горизонты наличной ситуации определяются праксисом актора ситуации. Поскольку сам актер (*автор*) ситуации конституируется как ее временной и пространственный полюс, то нельзя говорить о какой-то интенции (включая напряженное ожидание). Смысл конституируется как некое объективно развертывающееся событие, включая событие «самосознания», которое мы только нейтрально регистрируем. Поэтому апперцепция здесь выступает как эпицентр выявленной смысловой структуры относительно всего множества ее пространственных модификаций, или точка центрирования этой структуры во временных горизонтах.

Таким образом, антикартезианская редукция приводит к материально-гилетическим элементам события смысла, к физиолого-материальной ткани самого феномена. Это то, что у Э. Гуссерля выступает как основание пассивных синтезов *proto-Uch*, то, что М. Мерло-Понти называет «плотью», а М. Анри именуется «страстью», и т.д. Это некоторая исходная аффицируемость субъекта как проявление самой его жизненности, гилетический слой переживаний, самоданность которого не сводится к нереальному (и нереальному) слою ноэматического. Это то, что переживается, но не может быть ухвачено полностью в предметном смысле ноэмы, то, благодаря чему устанавливается сам ноэматический смысл. Это сама жизнь как неинтенциональный, или материальный, феномен [4, с. 169-187], но с той разницей, что термин «феномен» здесь употребляется не в феноменологическом смысле. Что это значит? Это значит, что в таком случае мы выходим на границу внутреннего чувства, и, следовательно, не можем заглянуть за его горизонт – к самому генезису феномена. Мы *отсылаемся* к его гилетическому основанию, поскольку сама дескрипция феномена требует этого в качестве логического вывода, однако феноменологическими средствами генезис описан быть не может.

Таким образом, в основании интенционального лежит не-интенциональное, в основе когнитивного – не-когнитивное. Здесь *внутренняя граница* самой феноменологии: «для описания этого у нас не хватает слов <...>» (Гуссерль). «То, что сопротивляется феноменологии внутри нас – природное бытие, тот самый «варварский» исток <...> – не может оставаться за пределами феноменологии и должен найти в ней место» [19, р. 178]. Весь вопрос заключается только в том, каким образом это возможно. Так или иначе, это действительная граница феноменологии, ибо она предполагает – благодаря антикартезианской редукции – отказ от базовых концептов классической феноменологии: «Я» и «горизонта» [8, с. 95-96]. Мы квалифицируем такую феноменологию как *материальную, косвенную, апофатическую дескрипцию (оснований) феноменов*.

Онтология события

Подведем итоги. Как уже говорилось в начале, выход на внутреннюю (материально-чувственную) и внешнюю (предметно-смысловую) границу феномена дает *целостное* описание субъективности (охватывает все поле субъективности во внутреннем и внешнем регистрах). В этом случае смысловой каркас феномена полной обращенной субъективности, т.е. единство ситуации-события в качестве медиа-экрана мирового феномена («бытия»), состоит из следующих компонентов (регионов).

1. *Точка сборки (присутствия) актора.* Это смысловой центр наличной ситуации, но не точка самосознания, «Я». В этом вся идея ухода от угрозы дурного психологизма картезианской феноменологии (сведения всех феноменов к аффектированности). В этом контексте актер относится к компонентам самой онтологической структуры события, но не сводится наличному здесь-бытию. Точка присутствия актора – центр круговых горизонтов наличного «окружающего мира» (*die Umwelt*), пространственно-горизонтных ориентаций в наличной ситуации (внутреннего или внешнего регистров). Само событие присутствия концентрируется (собирается) вокруг смыслового центра актора.

2. *Событие (коррелят времени).* Extasis времени («тезис», полагание) разворачивается в форме пространственного круга материального первопорядкового бытия наличной ситуации; «intasis» времени разворачивается в виде осуществления множества праксисов вмещения свершающегося здесь-бытия. Здесь могут быть совершенно различные модификации времени, поскольку само событие может включать в себя различные смысловые элементы, которые, с одной стороны, определяются во временном потоке события, с другой стороны, конституировавшись, сами могут модифицировать его протекание. Иначе говоря, могут определять экстазы времени [7, с. 268-271].

3. *Топология круга наличного бытия,* формирующая подвижную сферу локального, т.е. привязанного к точке актора, как мирового феномена. Это пространство играет роль медиального экрана, на котором проступают черты всех локальных «сущностей» этой сферы: «вещей», «качеств», «идей», «бытия», «самого само», «субстанции», и т.п. Это подвижная сфера, разворачивающаяся в дистанции «близости – дали». Движение внутри этой пространственной сферы и смена аспекта видения выявляет на медиальном экране новые ракурсы и качества феноменально данных сущностей. Пространство как бы закручивается вокруг (относительно) смыслового центра (актора) самой наличной ситуации.

4. *Закон обратной рефлексии:* чем выше чистота обращенного ситуативно-событийного «сознания», тем ярче проступает на нем смысловой эйдос наличного здесь-бытия. Смысловые феномены, проступившие на медиа-экране ситуативно-событийного поля, совершенно объективны и в то

же время они оказываются «моими». Имеющийся здесь нейтральный, «ничейный» смысловой феномен может быть благодаря закону обратной рефлексии «переведен» в статус «моего» феномена. Иначе говоря, этот закон позволяет «переходить» от феномена как мирового события к феномену как присутствию картезианского субъекта

Очевидно, что в таком случае остается открытым вопрос о *волевом выборе* субъекта. Действительно, казалось бы, если феноменология есть, по существу, онтология, то вопрос об этике остается за ее пределами. Тем более что предложенный вариант феноменологии основывается на изначальной «нейтрализации» сознания субъекта феноменологического опыта и приводит к констатации изначальной аффектации. В таком случае вопрос о практическом самоопределении субъекта означает «выход» за пределы феноменологии, поскольку он включает отношение сознания к самому себе (самосознание). Иначе невозможно самоопределение субъекта как субъекта. Но в таком случае феноменология оказывается *перформативным* противоречием: указывая на аффектированность субъекта, она предполагает процедуры, которые уже включают сознательное отношение к самому себе. Это означает, что именно закон обратной рефлексии, позволяющий переходить к «картезианскому» субъекту, выступает как инструмент самоопределения. Теперь, в отличие от спонтанного случающегося психологического «обращения» сознания, применение этого закона есть осознанное *практикование* теории «мерцающего» субъекта [6, с. 725-726].

Список литературы

1. Анри М. Феноменология жизни/пер. Г.В. Вдовиной // Логос. 2011. № 3. С. 172–185.
2. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И.И. Мавринского. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. 224 с.
3. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 471 с.
4. Захави Д. Мишель Анри: субъективность и имманентность // М. Анри. Материальная феноменология / пер. с фр. Г.В. Вдовиной. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 169–187.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1994. 592 с.
6. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.
7. Комаров С.В., Хомутова Д.С. Темпоральность «пористой самости» Дж.Риверы // Horizon. Феноменологические исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, № 11 (1), 2022. С. 248–275.
8. Морион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 78–79.
9. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сб. / пер. с нем. Под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 92 с.
10. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. С. 119–139.
11. Ямпольская А.В. От пассивности к аффективности // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 229–240.

12. *Heidegger M.* Beiträge zur Philosophie (vom Ereignis). B. 65. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 2003. S.521.
13. *Heidegger M.* Die Geschichte des Seyns. B. 69. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 2012. S.229.
14. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. S.445.
15. *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs- und Forschungsmanuskripten 1918–1926 (HUA XI). Den Haag: M.Nijhoff, 1966. S.342.
16. *Husserl E.* Phänomenologische Psychologie. [Text nach Husserliana, Band IX] – Felix Meiner Verlag, Yamburg, 2003. S. 242.
17. *Marion J.-L.* The Final Appeal of the Subject? Deconstructive subjectivities, ed. S. Critchley & P. Dews. SUNY Press, 1996. P. 324.
18. *Meillassoux, Q.* After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. London: Continuum, 2009. P. 148.
19. *Merleau-Ponty M.* The Structure of Behaviour/Trans. Alden L.Fisher. Boston: Beacon Press, 1965. P. 342.

THE PROJECT OF “ANTICARTESIAN” PHENOMENOLOGY

Sergei V. Komarov

Perm State University
15, Bukireva St., 614068, Perm, Russia

The article proposes a project for a phenomenological study of subjectivity associated with going beyond its reflexivity and horizontality. The project is being implemented in two opposite directions. The first direction is connected with the complete reduction of subjectivity to the pure semantic structure of the present situation. This is not a phenomenology of being (M.Heidegger, J.L.Marion), but such a "neutralization" of the ego, in which its horizontal structures act as the boundaries of a specific present event of presence, and the objective situation itself unfolds as centered around a local semantic center. This exit to the outer boundary of the phenomenon means the constitution of a *non-essential* phenomenology. The second direction of the project is aimed at the study of ego affectation, however, unlike other studies (M.Merleau-Ponty, M.Henri, M. Richir, D.Trigg), the project involves the analysis of the event of becoming a cogito by the subject ("Ich"). The Ego is constituted by passive syntheses, the ontological interpretation of which is an event of going beyond the inner boundary of the phenomenon itself and gaining its own subjectivity. This means the constitution of a *non-descriptive* phenomenology. Within the framework of these two opposite directions of research, such an exit to the internal (material-sensory) and external (subject-semantic) boundary provides a holistic description of subjectivity as an ontological phenomenon. In this case, the semantic constitution of integral (complete) subjectivity is set by the assemblage point of the event actor, the correlates of time, the topology of the circle of existence, and the law of reverse reflection expresses the possibility of ontological conversion and return to classical phenomenology.

Keywords: subjectivity, non-essential phenomenology, material phenomenology, affectation, horizon, event, meaning, sensuous-hyletic schemes, actor

***К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ МЕТОДЕ
В ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ***

Н.А. Мусеев

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068 г. Пермь, ул. Букирева, 15
nmuseev@yandex.ru

Статья посвящена анализу феноменологического метода в онтологической эстетике. Современная философская мысль рассматривает проблему взаимодействия человека и мира как процесс конституирования «субъекта», вследствие чего приобретает актуальность анализ бытийно-смысловых форм. Если рассматривать данные формы в аспекте их медиумальности (медиальности), то открывается возможность феноменологической фиксации трансформации *эстетического, опыта восприятия* и самого *воспринимающего*. В данном контексте важным направлением исследования становится онтологическая эстетика, понимаемая как последовательное «бытийное обращение» неклассических эстетических категорий с фиксацией аффективного бытийного опыта взаимодействия человека с миром (с учётом актуальных форм присутствия человека в «жизненном мире»).

Ключевые слова: феноменология, онтологическая эстетика, медиумальность, бытийно-смысловая форма, аффектированный субъект

***Современная феноменология и проблема «субъекта»/мира:
медиумальность бытийно-смысловых форм***

Начиная с рубежа XIX–XX вв. наблюдается процесс утраты академической философией своего значения. Как справедливо замечает Х.-Г. Гадамер, «университетская философия к тому времени заблудилась в лабиринте историко-философских исследований, продолжая отстаивать свою "научность" с помощью стерильной теоретико-познавательной проблематики» [1, с. 116]. Затянувшуюся растерянность континентальной мысли удалось преодолеть с позиций экзистенциализма. К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Г. Марсель и, прежде всего, М. Хайдеггер вывели европейскую университетскую философию из морока самодовольно-отвлечённого плетения кружев нежизнеспособных «истин» и обратили взор совре-

менников на реальность человеческих переживаний (в широчайшей палитре их проявлений: от вселенского ужаса до экстатического восторга). Этот путь был проложен через идейную борьбу, через острые дискуссии, отголоски которых слышны и по сей день.

В этой полемике отчётливо прозвучал голос феноменологически настроенного М. Мерло-Понти, указавшего на основную проблему современного философского поиска, – проблему *мира*. Французский философ отмечал: если мир и допредикативный опыт субъекта попадают в ракурс феноменологического исследования, задача философа – заново *открыть мир*. «Феноменология, – утверждает он, – ставит перед собой задачу обнаружить таинство мира и таинство разума» [2, с. 22]. Источник смысла, как полагает философ, находится в *связи* субъекта с миром, но не в субъекте как таковом. Этот поиск приводит к разработке ряда проблем, в том числе и тех, которые напрямую связаны с теорией и историей искусства, этого предмета философской рефлексии с древнейших времён [1].

Экзистенциально-феноменологический подход, номинирующий человеческое существование на более высокий онтологический статус (в сравнении с другими формами сущего), подчёркивает «трансцендирующий» характер присутствия человека в мире. Это присутствие с необходимостью включает в себя значительную эстетическую компоненту. В известном высказывании М. Хайдеггера, гласящем: «поэтически живёт человек», заключено неразделимое единство объективного, субъективного и трансцендентного. Это единство включает в себя элементы, которые доступны рефлексии, наряду с теми элементами, которые не могут быть в эмпирическом наблюдении зафиксированы. Указанное обстоятельство открывает для нас возможность подступиться к проблеме *целого мира*.

Пересмотр классических категорий в свете экзистенциально-феноменологического подхода, «фундаментальной онтологии» и дальнейшего (пост)феноменологического поиска сохраняет изначальное философское напряжение в исследовании бытийной проблематики, что позволяет выявить прежде недоступные для рефлексии стороны реальности. Этот путь оказался возможным благодаря «региональным онтологиям» – выявлению и описанию определенных регионов бытия с помощью феноменологического инструментария. Проблема целого мира была обнаружена в феноменальном поле искусства (в художественном опыте), противостоящем опыту человеческого бытия в повседневности. Экзистенциальный опыт, открывающийся в *событии* эстетического взаимодействия реципиента с художественной формой (произведением), и последующее «трансцендирование» (обращение субъекта и способа его бытия) отражают содержание онтологической эстетики – философского поиска бытия в становлении, в живой связи всеобщего и единичного в эстетическом опыте трансформации «субъекта».

В настоящее время французская феноменология демонстрирует устойчивое единство подхода к осмыслению классической феноменологической мысли. Согласно этому подходу, ключевым методом феноменологической *описания субъективного опыта* является поиск новых форм работы с аффективными переживаниями. С.А. Шолохова и А.В. Ямпольская справедливо замечают: «Внимание французских феноменологов оказалось обращено не на трансцендентальную субъективность, а на аффицированное собственной историей эмпирического субъекта» [3, с. 4]. Этим обусловлен интерес к сфере *неявленного, сокрытого, невидимого* (понимаемой как «трансцендентное», схваченной вне классических метафизических категорий). Выход к данным феноменам возможен через формы опосредования: след, жизнь, плоть и др. Отметим, что постижение «глубоких» феноменов (по выражению Р. Бернета, Ж.-Л. Мариона) осуществляется в рамках этики, религии (мистического опыта), а также в ходе *эстетического восприятия*. Учитывая уход от классически (в духе Канта и Гегеля) понятого «опыта» к «испытыванию, испытанию, претерпеванию», субъект перестает быть пассивным наблюдателем мира, но становится его активным участником, испытывающим (претерпевающим) воздействие мира и его «предметного» содержания, в первую очередь – Другого, но также и вещей, «иного» и пр. Не случайно и то, что феноменологи в этой работе «заимствуют готовые описания опыта у мистики, литературы, живописи, психопатологии» [3, с. 6] как формы, *уже* явленные в «жизненном мире» традиции. Но поиски эти оставляют сам феномен на своём месте (в некоем вневременном «там»), так, словно он объективен в своей отчуждённости и трансцендентной недостижимости.

Снятие этой ригористической оппозиции и последующее создание «критической метафизики» возможно при выявлении *медиальной природы* эстетического феномена. Подобный проект предполагает актуализацию *события* как *границы* между онтологическим и онтическим измерениями бытия. Искусство как медиальный феномен включает в себя мир поэтической образности, его конкретное дискурсивное выражение, а также дорефлективный опыт непосредственного эстетического переживания, не схватываемый, но определённый формой феномена (организацией «машины производства»), обуславливающей трансцензус).

Вопрос о различных онтико-онтологических формах опосредования есть вопрос о *форме* как таковой⁹. Мы исходим из идеи о том, что бытийно-смысловая *конкретность* формы есть вопрос *эстетики*. А.Ф. Лосев, чьё творчество напрямую связано с философско-эстетическим осмыслением

⁹ Следует подчеркнуть, что само понятие *формы* сегодня является проблематичным. Так, если Кант рассматривал онтологическое и гносеологическое значение формы как фактора организации процесса познания, то современная мысль может добавить к этому сам процесс бытийствования и др. В XX веке форма получает развитие также в категориях структуры, дискурса, функции и др.

онтологической проблематики бытия (в том числе и бытия культуры), определяет эстетику как *учение о выразительных формах бытия*. В своих исходных интуициях эта идея близка положениям онто-герменевтического поиска в поздних работах Х.-Г. Гадамера [1].

А.Ф. Лосев в указанной связи заявляет: «Эстетика – философская дисциплина, имеющая своим предметом область выразительных форм любой сферы действительности (в т. ч. художественной), данных как самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность <...>. Эстетическое как нечто выразительное представляет собой диалектическое единство внутреннего и внешнего, выражаемого и выражающего, и притом такое единство, которое *переживается* (выделено нами – Н. М.) как некоторая самостоятельная данность, как объект бескорыстного созерцания» [4, с. 570]. Характерное для А.Ф. Лосева диалектическое понимание эстетики содержит в себе феноменологическое зерно (в изводе оригинальной феноменологической эйдологии). Именно *связь* двух феноменов – «субъекта» и предмета «самодовлеющего созерцания» (как самого мира (целого, тотальности), так и его составляющих элементов, «говорящих» из этой тотальности), – определяет пространство бытия человека в переживании и личностных отношениях Я с миром. В этой *диалектической напряженности* разворачивается конституирование *Я аффектированного субъекта*. Здесь мысль А.Ф. Лосева смыкается с современной (пост)феноменологической традицией, согласно которой «субъект» в полной мере аффектирован историей¹⁰. Эта аффектация поэтически, но вместе с тем весьма точно выражается рядом исследователей как «встреча с неведомым». Пространство (*хронотоп*) этой встречи можно обнаружить в искусстве, раздвигающем, по мысли В.В. Бибихина, простор мира [5]. Аффектация, в контексте отношений «Я» и «Другого», может рассматриваться и как встреча субъекта с «Другим», где бытийно-смысловая форма (эстетическое) раскрывается как онтология чувственной данности «Другого», а также как последующее изменение способа существования субъективности. (Оригинальные идеи по этому поводу высказывает, в частности, С.А. Лишаев [6]).

Категорически важно подчеркнуть, что медиумальность бытийно-смысловых форм не означает, что они носят «промежуточный» характер. Не следует думать, что медиум во время спиритического сеанса механически соединяет нечто одно с чем-то другим, т.е. выражает некое трансцендентное содержание в метафорической форме столоверчения или маятникового движения. Нет, эта органическая медиальность предстаёт как событийное *про-*

¹⁰ Так называемое «Восьмикнижье» А.Ф. Лосева (ранние сочинения, изданные до ареста и ссылки автора) пестрит заметками о будущей «социологии», которой ещё надлежит возникнуть после критической чистки понятий и оформления методологических оснований эйдологического подхода.

странство-время, как *материя* встречи и диалога. Речь идёт о *трансформации имманентного* и соответствующих способах оперирования с ним в пространстве конкретных форм. Затем следует работа с языковой дескрипцией этого «диалога», причём эта дескрипция отнюдь не является чем-то вторичным по отношению к компонентам «коммуникации». Смысл и опыт, рождающиеся в напряжённом переживании индивидом собственного бытия в мире, а также их последующая фиксация в той или иной системе *шифров*, и есть не отвлечённая, но «конкретная метафизика». Медиумальность, таким образом, есть пространство *реализации*, но не *посредничества*. Событийность осуществляется на онтико-онтологических границах в соответствии с их конфигурацией.

В.В. Бычков, продолжая мысль А.Ф. Лосева, говорит о некоем «*духовном наслаждении*» как стимуле «самодовлеющего созерцания». Эстетическое (толкуемое как конкретная *бытийно-смысловая форма*) в эстетике «характеризует такую *систему взаимоотношений человека с окружающим его миром, результатом которой является духовное наслаждение*» [7, с. 296]. «Духовное наслаждение», в свою очередь, может быть истолковано как особая модификация опыта *аффектированного субъекта*, которая разворачивается непосредственно в событийных актах восприятия, творчества, духовного созерцания и также в иных актах взаимодействия с миром. Это такое «Dasein», которое не теряет своих *индивидуально-личностных черт*, не устраняет мир как условие, задающее пространство практики или горизонт индивидуального бытия. *Диалог Я* с миром позволяет осуществить самоидентификацию Я в *пространстве события*, что является необходимым условием построения онтологической схематики индивидуального присутствия в мире. В науке подобный способ видения реальности открывает перспективу выхода из ряда существующих дисциплинарных тупиков.

Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идёт не столько о феноменологии эстетического опыта, сколько об *эстетическом бытии аффектированного субъекта в истории*. Более того, речь идёт не об экстраполяции эстетической методологии на исследование онтологической и антропологической проблематики, а об изучении *эксплицитной матрицы восприятия феномена* и самого *бытия воспринимающего*.

Онтологическая эстетика, реализующаяся в феноменологическом исследовании, фиксирует то, *как форма* меняет своё бытие в культуре, как она раскрывается в новых обстоятельствах в ином свете. Всё это – отчётливые знаки, свидетельствующие о трансформации *эстетического (бытийно-смысловой формы)*, *опыта восприятия* и самого *воспринимающего Я* (в связи со способом его присутствия и отношения с Другим).

В.В. Бычков отмечает: «В эстетическом объекте лишь заложено большее или меньшее число носителей эстетического, которое реализуется только в процессе *конкретного акта* (выделено нами – Н. М.) эстетического восприятия» [7, с. 297], что связано с определенным классом реципиентов, но, вместе с тем, отсюда «вытекает одна из главных закономерностей эстетического – его *релятивность*» [7, с. 297] (или, иначе говоря, его *событийность*). В перспективе истории искусства трансформация эстетической значимости может быть продемонстрирована на примере иконописи. Так, для людей XVIII и даже XIX веков, она не имела собственно эстетической ценности, но человек XX в. такую ценность обнаруживает¹¹. И это обнаружение говорит не только об интеллектуальном развитии, расширении и пересмотре базовых категорий эстетики, но *о смене самого режима видения и отношения к феномену*, т.е. о трансформации воспринимающего субъекта. Оставаясь в феноменологическом регионе искусства, можно сказать, что трансформации подвергается не столько категориальный аппарат эстетики, влияющий на эстетическое опосредование восприятия конкретного класса феноменов, претендующих войти в «мир искусства» (А. Данто), сколько *эстетическое опосредование восприятия форм как таковых*. Пусть диапазон слышимого или видимого человеком остается неизменным, но возможности использования звука или визуального материала в XX-XXI вв. изменяются *качественно*. Удачна концептуальная метафора «органа» (а также «машины бытия») у М.К. Мамардашвили, иллюстрирующая специфику взаимодействия человека и искусства в событийном пространстве экзистенциального опыта – человек как бы выращивает новые органы, позволяющие ему укорениться в реальности, более объёмно воспринимать её. Как пишет М.К. Мамардашвили, «<...> произведение есть машина бытия, бытия того, чего не было до произведения» [8, с. 110].

В первой половине XX века эта проблема начинает осознаваться в искусствоведческих штудиях «формальной школы» (А. фон Гильдебранд, А. Ригль, Ф. Викгоф, Г. Вёльфлин), «иконологии» (А. Варбург, Э. Панофский), а также в творчестве других исследователей данной проблематики.

О «визуальной логике» современного феноменологического исследования

Эстетика, понимаемая не только как конкретное методологическое построение, но также как форма философствующего сознания, способна к радикальным изменениям; эти трансформации, в свою очередь, определяют

¹¹ В качестве объекта религиозного почитания икона (служащая по мысли о. П. Флоренского «границей и мостом» между дольным и горним мирами), несомненно, обладала событийным характером, но этот её аспект оставался как бы «дремлющим», недостаточным в связи с предельной отвлечённостью «трансцендентного».

комплексную возможность работы с феноменами бытия и культуры, адекватно отражают симптоматику той или иной культурно-исторической эпохи, обретающей собственное самосознание и выражение в философских системах и индивидуальном художественном творчестве на парадигмальном уровне [9]. При этом понятие эпохи в данном случае выходит за пределы привычных хронологических рамок и буквального «историцизма». В результате «стилевая привычка» мышления и понимания становится ближе к гегелевской трактовке искусства, религии, «философии» (науке)» как ступенях поступательного движения Абсолютного духа. Можно найти параллели и с «дневными» и «ночными» культурами П.А. Флоренского, а также с тем, как представлял себе культуру О. Шпенглер. Вероятно, в данном контексте уместно использование понятия эон для обозначения времени жизни определенной конфигурации восприятия.

Дух времени в наиболее концентрированном виде выражается в искусстве. Не случайно М. Мерло-Понти (как и Х.-Г. Гадамер) определял искусство как *осуществление истины* [2]. Подчеркнём, однако, что искусство говорит не само по себе, но в своей нерасторжимой связи с реципиентом, с конкретным Я, аффектированным историей. О том, как меняется стиль в искусстве, говорит изменение стиля в восприятии произведений искусства как зрителем, так и художником, ставящим перед собой конкретные художественные задачи. Аналогичные явления наблюдаются в политике, религии и иных сферах человеческой деятельности.

Говоря о перспективах исследования в данном направлении, отметим, что задачей становится обнаружение трансформации восприятия бытийно-смысловых форм (их *шифра*, кода). Обратная задача состоит в том, чтобы создать методологическую «систему», позволяющую исследовать современные формы бытия и мышления. Так, уже М. Хайдеггер достаточно аргументированно критиковал гуссерлевскую позицию по проблеме времени как принадлежащую «прежней» (назовём её *классической*) эпохе.

Как показывает история, конкретные практики искусства всегда опережают теоретическое осмысление эпохи, однако эстетика призвана выразить сущность самого феномена искусства, более того, раскрыть его бытийный исток. Итак, нам следует задаться вопросом о том, что обрела современная теория, выросшая на ниве философского осмысления методологии искусствознания XIX–XX веков. Ответ на этот вопрос, как представляется, позволит более объёмно взглянуть на действительность и методологические особенности её исследования, реализовать интеллектуальный потенциал философских систем XX века в связи с актуальной интеллектуальной повесткой.

Подобная постановка вопроса говорит о том, что мы уже движемся в дискурсе «визуального поворота», *уже* разделяем его настроения и, более

того, модели восприятия. Перефразируя М. Мерло-Понти, мы можем заявить, что стиль этот «уже давно в пути» [2]. Разговор о конкретной специфике визуального поворота – задача будущего исследования, но нужно сказать, что возникает он в переосмыслении лингвистических программ, в обнаружении своеобразного бытия *визуального образа и его логики*. Характеризуя новый тип эстетики, Готфрид Бём утверждает: «Образы обладают своей собственной, только им принадлежащей логикой. Под логикой мы понимаем: консистентное производство смысла за счет подлинно образных средств. И с целью пояснения мы добавляем: эта логика не предикативна, т.е. не образована по модели предложения или других языковых форм. Она не проговаривается, она реализуется в восприятии» [10, S. 34]. Эта логика *визуальной* установки (в противовес *дискурсивной*, языковой) позволяет *увидеть прежний эон в новом свете*. Философское самосознание эпохи, таким образом, должно быть «рассмотрено», а не «прочитано» – теперь это *изображение*, но не *текст*. Трудно сказать, можно ли сегодня рассматривать подобный подход как деструкцию или как деконструкцию, но в любом случае он остается феноменологическим.

Список литературы

1. Гадамер Г.-Г. Философия и поэзия / Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 116–125.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. 605 с.
3. (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. 288 с.
4. Лосев А. Ф. Эстетика/Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 5. 1970. С. 570–579.
5. Бибихин В.В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
6. Лишаев С.А. Эстетика Другого. СПб.; Изд-во СПбГУ, 2008. 380 с.
7. Бычков В.В. О предмете истории эстетики/Античная культура и современная наука. М.: Наука, 1985. С. 294–309.
8. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, 2012. 320 с.
9. Мусеев Н.А. Трансформация исследовательских парадигм в гуманитарном знании XX–XXI веков: к постановке проблемы / Искусство в образовании, образование в искусстве: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (24–27 марта 2023 г., г. Пермь) / отв. ред. Н.В. Морозова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2023. С. 629–632.
10. Böhm G. Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens. Berlin: Berlin University Press, 2007. S. 282.

***ON THE PHENOMENOLOGICAL METHOD IN ONTOLOGICAL
AESTHETICS: RESEARCH PROSPECTS***

Nikolay A. Museev

Perm State University

15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia

The article is devoted to the analysis of the phenomenological method in ontological aesthetics. Modern philosophical thought considers the problem of interaction between man and the world as a process of constituting the "subject", as a result of which the analysis of being-semantic forms becomes relevant. If we consider these forms in the aspect of their mediumship (mediality), then the possibility of phenomenological fixation of the transformation of *the aesthetic, the experience of perception* and the very *perceiving*. In this context, ontological aesthetics, understood as the consistent "existential circulation" of non-classical aesthetic categories with the fixation of the affective event experience of human interaction with the world (taking into account the actual forms of human presence in the "life world"), becomes an important area of research.

Keywords: phenomenology, ontological aesthetics, mediumship, being-semantic form, affected subject

УДК 316.422.42

DOI: 10.17072/2076-0590-2024-11-101-109

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС И ЕГО КРИТЕРИИ

Д.А. Шевчук

Аспирант направления «Социальная и политическая философия»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

homoxerox@gmail.com

К проблеме прогресса с середины XX века принято относиться с отчасти справедливой настороженностью, а иногда и с открытым скепсисом. В статье анализируется состояние дискуссии о прогрессе, причины отсутствия содержательного диалога на эту тему, а также причины недоверия к социальному прогрессу. Предпринимается попытка выявить «клеточку» социального прогресса с целью лучшего понимания общества и путей его развития. Рассмотрены подходы исследователей советского периода к выделению основного критерия социального прогресса. Проанализирован тезис о том, что основным критерием прогресса является уровень развития производительных сил. Поскольку основная производительная сила общества – человек, постольку именно его социальное благополучие и должно стать главной целью общества. В свете этой идеи делаются выводы относительно того, по какому пути необходимо следовать современному российскому обществу.

Ключевые слова: прогресс, социальный прогресс, критерий социального прогресса, человек, общество, материализм.

В настоящее время понятие прогресса ассоциируется в общественном сознании с развитием техники и технологии, но не с эволюцией общества и его институтов. Аналогичная ситуация и в научном дискурсе. И в нем тема социального прогресса воспринимается как второстепенная, не имеющая серьезного теоретического и практического значения. Так, В.С. Цукерман и А.Ю. Павлова констатируют: «В современном научном дискурсе обращение к теме прогресса не является популярным. В научной электронной библиотеке e-library количество статей, найденных по ключевому слову «прогресс», составляет 523 402 единиц. Это менее 0,01 % от общего количества статей, зарегистрированных в базе данных этой библиотеки. Предварительный анализ первых ста публикаций показал, что большинство статей посвящены не прогрессу вообще, а поступательному развитию в какой-то конкретной сфере (технический прогресс, исторический прогресс, военный прогресс, нравственный прогресс и пр.) или даже в какой-то узкоспециаль-

ной отрасли («Ключ к прогрессу в яичном производстве» или «Сталь способствует прогрессу»). Единственная статья, посвящённая философскому осмыслению идеи прогресса, была напечатана в «Журнале социологии и социальной антропологии» в 2004 году, но при этом является стенограммой лекций П.Г. Виноградова, профессора Императорского Московского университета, прочитанных в 1898 году» [1]. Статья В.С. Цукермана и А.Ю. Павловой опубликована в 2017 году, однако и через семь лет мало что изменилось. В той же e-library понятию «прогресс» уделено 0,34 % от общего числа статей – 170 400 из 50 374 053 единиц. Социальному же прогрессу уделено ещё меньше внимания: ему посвящено 112 113 статей, или 0,22 % от общего количества. Открытым остаётся вопрос, куда делись 353 002 статьи о прогрессе, о которых в 2017 году писали В.С. Цукерман и А.Ю. Павлова, однако это никак не влияет на вывод о том, что данная тема сегодня находится на периферии интереса исследователей. С чем такое положение вещей может быть связано?

Во-первых, с тем, что сама социальная реальность загоняет человека в рамки мышления лишь о дне сегодняшнем. Виртуальная реальность интернета, в которую современный человек погружен почти всё своё свободное время, переполнена рекламой и иными стимулами к получению удовольствий. Не отстаёт от интернета и телевидение, и улица. В ситуации неопределённости жизненных перспектив, обусловленной кризисом во всех областях общественной жизни, человек прикован к мгновению, всё его внимание сосредоточено на настоящем. Общая перспектива отодвигается на второй план, человек утрачивает интерес к будущему. В науке это выражается в мелкотемье, в отсутствии интереса к будущему и внимания к массивным тенденциям.

Во-вторых, с культом потребительства, насаждаемом самой властью. Ей нужен такой человек, который живёт здесь-и-теперь, извлекает наслаждение из каждого момента жизни и не думает о последствиях своего гедонизма. Учебные дисциплины, которые могли бы воспрепятствовать этому или хотя бы предложить альтернативу, во всех учебных заведениях «оптимизируются», т.е. сокращаются, выхолащиваются, дабы достичь цель современной системы: создать человека-потребителя, априори являющимся лишь частичным человеком [2, с. 235]. Такой человек частичен по той причине, что потребление, которому он предаётся, возможно лишь тогда, когда существует предмет потребления, т.е. если налажено производство соответствующих товаров. Иначе говоря, производство всегда первично, а потребление – лишь звено, замыкающее экономический процесс.

Отношение власти к прогрессу выражается и в педалировании тем, связанных с «традицией», «нравственными ценностями», православием. Со-

ветский период истории российского общества в подавляющем большинстве СМИ изображается как «исторический провал», а реставрация капитализма как «обретение нормальности».

В-третьих, с общим негативным отношением к идее социального прогресса, которое характерно для духовной атмосферы XX века. В этот век человечество пережило две мировых войны, Холодную войну, грозившую в любой момент перерасти в войну ядерную, а также крах советской системы. Эти планетарные катастрофы явно контрастировали с представлениями, господствовавшими в XVIII-XIX вв., когда философы в своём основном большинстве были уверены в неодолимости прогресса, непобедимости человеческого разума, возможности построения в ближайшем будущем мира без войн, голода и насилия.

Думается, что отсутствие у научного сообщества интереса к теме социального прогресса не в последнюю очередь связано с третьей причиной, так как постмодернистская философия, обрушившись на проект Просвещения и вообще всякие метанарративы, отинула и идею прогресса. Так, Дж.Б. Бязрова, анализируя воззрения таких противников идеи прогресса, как В. Пфафф, Р. Арон, Р. Нисбет и др, приходит к выводу о том, что «в современной западной социальной философии доминирует точка зрения, согласно которой понятие общественного прогресса не применимо к современной эпохе. Более того, идея прогресса, сыгравшая свою позитивную роль в прошлом веке, сегодня представляется мёртвой идеей» [3, с. 120]. (Орфография источника – Д.Ш.) Отныне учёному дозволено анализировать количественные изменения в жизни общества, но заходить на территорию сущности, рассматривать качественные изменения, сравнивать их по уровню сложности, по критерию прогрессивности/реакционности вовсе не комильфо. Абсурд ситуации состоит в том, что критиковать современную цивилизацию, указывая на её кризис, не воспрещено, однако искать пути в лучшее завтра, задумываться об этом категорически не рекомендуется. Гуманитарий должен тонуть в феноменологии и ограничиваться только днём сегодняшним.

Мы видим, таким образом, что на исследование темы прогресса в социально-гуманитарном дискурсе негласно наложено табу. Кроме того, если говорить конкретно о России, то мы, по сути, отказались от советского идейного наследия, в том числе и в области философии и гуманитаристики. Если советскому учёному-гуманитарию размышлять о прогрессе было, пожалуй, даже необходимо, то сегодня советские наработки похоронены не только постмодернизмом, но и антисоветским психозом 1990-х годов, который до сих пор препятствует свободному развитию отечественного обществознания.

Что же можно противопоставить пессимистическому и, по сути, феноменологическому истолкованию исторического процесса, захватившему

ключевые позиции в российской науке и в общественном сознании? Только свободное, непредвзятое осмысление диалектики исторического процесса как противоречивого сочетания прогресса и регресса при общей устремлённости к повышению уровня сложности, организованности и упорядоченности общественных отношений. Прогресс в самом общем плане есть поступательное развитие от низшего к высшему. Социальный же прогресс, таким образом, мы можем определить, как поступательное развитие общества (включая культуру, технологию и т. д.), как усложнение и гуманизацию общества во всех его частях и в целом.

Прогресс, очевидно, не является сугубо социальным явлением. В.В. Орлов и Т.С. Васильева пишут: «Всеобщим основанием движения общества от низших ступеней к высшим является закономерная интегральная направленность развития от низших ступеней к высшим, от простого к сложному. Возникая как закономерный результат *всеобщего мирового процесса развития*, человеческое общество несёт в себе *изначальный импульс* движения от низшего к высшему, изначальную закономерную направленность развития. Объективная закономерная направленность развития имеет в этом смысле “априорный” по отношению к дальнейшему социальному развитию характер. Общие законы всякого процесса возникают вместе с *начальной стадией* этого процесса (“начало”) и являются “априорными” по отношению ко всему последующему процессу» [4, с. 109].

На социальном уровне прогресс проявляется как направленность к усложнению и выражается в труде, так как человек в принципе «для своего существования нуждается в более сложных, чем природные, условиях, которые он должен *производить*. Потребные человеку условия не просто *иные*, чем природные. Жилище, одежда, продукты питания, наконец, техника являются более сложными, чем изначальные природные условия, из которых они произведены» [4, с. 111]. Труд содержит в себе изначальную направленность от простого к сложному, к усложнению природной субстанции, к формированию социального бытия. «Эта фундаментальная сущностная направленность труда лежит в основе направленности общественного развития» [4, с. 111].

Иными словами, всё в мире развивается, это фундаментальное свойство материи, которое мы наблюдаем как на уровне природы, так и на уровне общества. При этом качественное отличие социального развития от более простых его форм к более сложным заключается в том, что человек не только аккумулирует всё основное богатство более простых форм материи, но и воздействует и на них, и на себя, и на общество в целом посредством труда; и никаких ограничений, кроме законов природы и уровня развития производительных сил общества, нет. Способности и потребности человека постоянно и неуклонно возрастают в силу того, что усложняются

и производимые человеком предметы и условия жизни, требующие совершенствования самого человека и его навыков, а потому нет никаких причин предполагать, что прогресс социальной формы материи, к которой относится земная цивилизация, остановился или остановится в будущем. Нельзя, конечно, исключать возможность реализации и такого сценария, как гибель людей на Земле, но в любом случае гибель эта произойдёт не потому, что человек есть ошибка природы, а потому что сами люди, имея возможность для развития, выбрали сценарий самоуничтожения. Что ж, гипотетически рассуждая, неудача на Земле не исключает успеха на другой планете, с иной расстановкой сил и приоритетов у ее обитателей.

Пока шансы на выживание и продолжение развития нашей цивилизации сохраняются, думается, следует сделать всё возможное для того, чтобы именно эти шансы реализовались.

Само по себе признание возможности и необходимости прогресса как магистральной линии развития не предопределяет нашего понимания критериев прогресса. Необходимо сформулировать эти критерии, чтобы борьба за прогресс не превратилась в абстрактное пожелание. Исходным пунктом нашей трактовки данной проблемы является принцип гуманизма. В поэтической форме эту мировоззренческую установку выразил Андрей Вознесенский в своём стихотворении «Оза»: «Все прогрессы реакционны/Если рушится человек». Если перевести эту поэтическую формулу на строгий язык научных понятий, то можно сказать следующее: общество, построенное на принципах гуманизма, предоставляет каждому человеку максимальный простор для свободного саморазвития, который только возможен при наличном уровне развития производительных сил; все сферы общественной жизни развиваются гармонично в соответствии со специфическими для каждой такой сферы критериями прогресса [4, с. 23-125]. Более конкретно об этом говорит К.Х. Момджян. Прогресс в обществе должен происходить в четырёх основных сферах: «Конкретно речь идёт о *прогрессе материального производства* или производства вещей (предметов практического назначения, с помощью которых люди физически изменяют природную и социальную среду своего существования); о *социальном прогрессе* (в производстве “непосредственной человеческой жизни”, которым заняты медицина, воспитание, образование, здравоохранение и иные виды деятельности); об *организационном прогрессе*, в ходе которого совершенствуются “формы общения людей” (создаются и регулируются связи и отношения между ними); о *духовном прогрессе*, под которым понимается совершенствование видов деятельности, дающих людям необходимую и значимую для них информацию (наука, искусство и др.)» [5, с. 54].

Ещё в советский период развития отечественной философии ввиду сложности проблемы мнения исследователей о том, каков генеральный критерий прогресса, разделились. Одни авторы утверждали, что таким критерием является развитие производительных сил, другие, что способ производства как единство производительных сил и производственных отношений. Первая точка зрения представлена в работе «Основы марксизма-ленинизма» под редакцией О.В. Куусинена [6]. Такая же линия проводится в четвёртом томе «Материалистической диалектики» под общей редакцией Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова [7]. В данной работе развивается идея о том, что совершенствование производительных сил позволяет человеку овладеть природой, освободиться от её господства, и это ведёт к прогрессу и в социальной сфере: в области общественных отношений, культуры [6, с. 200-201]. Кроме того, именно рост производительных сил, по мысли авторов, лежит в основе исторического процесса, обуславливает смену формаций. В другом источнике обосновывается сходный тезис: «Развитие производительных сил на протяжении всей истории общества отражает прогресс существенных сил человека, обогащение его социальной сущности как совокупности общественных отношений. Производительные силы в конечном счёте определяют реальное положение людей, уровень их культуры, степень развития свободы как познанной необходимости» [7, с. 282].

Д.И. Чесноков, в противовес этой позиции, усматривает основной критерий социального прогресса в системе производственных отношений. Он пишет: «Способ производства и обусловленный им общественный строй составляют основу и критерий общественного прогресса... Он включает в себя: а) уровень развития производительных сил общества; б) тип производственных отношений, сложившихся на базе данных производительных сил; в) классовую структуру общества, определяющую политический строй общества, положение отдельных личностей в обществе, условия их жизни и деятельности (это имеет место лишь при антагонистических формациях)» [8, с. 481-482]. Д. И. Чесноков настаивает на том, что только комплекс перечисленных признаков можно назвать критерием социального прогресса, по отдельности же они ответа на вопрос о критерии нам не дадут [8, с. 481-482]. Сходные представления мы находим у И.А. Гобозова. «На наш взгляд, – утверждает он, – ближе к истине те авторы, которые в качестве критерия общественного прогресса берут способ производства – производительные силы и производственные отношения в их единстве» [9, с. 153]. Он указывает на то, что данный критерий, во-первых, следует из материалистического понимания истории и общества, во-вторых, имеет объективный характер, потому его можно эмпирически обосновать: усложнение орудий

труда позволяет производить больше продукции за единицу времени; в-третьих, развитые производственные отношения способствуют более полному раскрытию сущностных сил человека [9, с. 153].

Поскольку производственные отношения складываются по поводу наличных производительных сил, постольку именно эти последние являются ведущей стороной в их взаимодействии. Можно сказать, что выделение способа производства в качестве критерия социального прогресса не противоречит представлению о том, что таким критерием является развитие производительных сил, а лишь дополняет и углубляет это представление.

Общий материалистический подход к критерию общественного прогресса не может быть сведён только к развитию производительных сил, т.к. субъектом социального процесса во все времена является человек. Как отмечает Л.А. Мусаелян, человек есть «не только субъект, объект (предмет), результат и цель исторического процесса, но и критерий его периодизации» [10, с. 340]. Кроме того, именно человек есть основная производительная сила общества, потому что именно он в конечном счёте производит материальные блага с помощью средств и орудий труда. Отсюда вытекает, что на лестнице социального прогресса более высокую ступень образует то общество, которое способствует развитию своей главной производительной силы – человека. Это общество, создающее условия для полноценного раскрытия человека, развёртывания его сущностных сил, способностей и потребностей. Оно благоприятствует росту населения, но не в ущерб культурному развитию людей. Всё это возможно благодаря прогрессу материальной жизни общества, повышению качества жизни человека, его благосостояния, а также его культурному росту. Человек должен проживать в хороших жилищных условиях, нормально питаться, иметь досуг для занятий творческой работой, возможность для полноценного отдыха, доступ к качественному здравоохранению, образованию, опору в настоящем и цель в будущем. Если же эти сферы в обществе деградируют, благосостояние падает, производство свёртывается, если вслед за этим наступает оскудение и культурной жизни общества, происходит депопуляция, то перед нами – пример общества, пребывающего в состоянии деградации (или застоя).

Ярким примером социального прогресса может служить история Китая в последние десятилетия. Китайская народная республика образовалась совсем недавно – в 1949 году. Это была нищая страна с неразвитым сельским хозяйством, практически отсутствующей промышленностью и поголовно неграмотным населением. Но уже к 2020 году Китай победил нищету, создал высокоразвитое сельское хозяйство, современную индустрию и превратился в одну из ведущих держав мира. Что же касается современной России, то она после распада Советского Союза была резко отброшена назад и только к нашим дням начинает возвращать утраченные позиции. Россия не

может обеспечить простое воспроизводство населения и испытывает острую нехватку рабочей силы. Налицо явные признаки культурной деградации народа. Нашей стране предстоит решить ряд сложных социальных проблем, чтобы вернуть себе место лидера социального прогресса. Для этого необходимо центром всех усилий государства и общества сделать человека, условия его бытия и повседневного быта. Нужно значительно увеличить инвестиции в науку, культуру и образование, в здравоохранение и защиту окружающей среды. Но для этого требуется выйти за рамки неолиберальной логики и предпринять реальные действия по изменению существующего положения вещей, основываясь на принципах гуманизма и социальной справедливости.

Список литературы

1. Павлова А.Ю., Цукерман В.С. Понятие прогресса: определение и критерии // Социум и власть. 2017. №6 (68). С. 7–12.
2. Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья вторая. Какая философия оказалась востребована в постсоветской России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 232–241.
3. Бязрова Дж.Б. Проблема прогресса в социальной философии XX века // Философия и общество. 1999. №4. С. 110–122.
4. Васильева Т.С. Труд и социализм / Т.С. Васильева, В.В. Орлов. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1991. 204 с.
5. Момджян К.Х. О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. №5. С. 51–57.
6. Арбатов, Ю.А., Беляков А.С., Выгодский С.Л., Макаровский А.А. [и др.] Основы марксизма-ленинизма / под ред. О. В. Куусинена. – М.: Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1960. 775 с.
7. Вязкерев Ф.Ф., Иванов В.Г., Корнеев М.Я [и др.] Материалистическая диалектика. Под общей ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова. М.: Мысль, 1984. 320 с.
8. Чесноков Д.И. Исторический материализм. М.: Мысль, 1965. 496 с.
9. Гобозов И.А. Социальная философия: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2010. 352 с.
10. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2015. 421 с.

SOCIAL PROGRESS AND ITS CRITERIA

Dmitriy A. Shevchuk

Perm State University
15, Bukireva St., 614068, Perm, Russia

Since the middle of the 20th century, the problem of progress has been treated with some justifiable caution and sometimes with outright skepticism. The article analyzes the state of the discussion about progress, the reasons for the lack of meaningful dialogue on this topic, as well as the reasons for distrust of social progress. An attempt is made to identify the "cell" of social progress in order to better understand society and the ways of its development. The approaches of researchers of the Soviet period to the identification of the main criterion of social progress are considered. The thesis that the main criterion of progress is the level of development of productive forces is analyzed. Since the main productive force of society is man, it is his social well-being that should be the main goal of society. In the light of this idea, conclusions are drawn as to the path that modern Russian society should follow.

Keywords: progress, social progress, criterion of social progress, man, society, materialism

ОБЩЕСТВО ПОСТМОДЕРНА: ПРОШЛОЕ ИЛИ НАСТОЯЩЕЕ?

К.В. Воробьева

Аспирант кафедры философии направления «Философия, этика и религиоведение»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15,

christine.viktorovne@gmail.com

Понятие «постмодерн» рассматривается как социально-философская категория. Выделены наиболее характерные черты постмодерна: плюрализм взглядов и отрицание прогресса, провозглашение «конца истории», бунт против классической рациональности, господство антифундаментализма и не-эссенциализма, отказ от истины, отрицание возможности мыслить субъект как онтологическую целостность. В соответствии с концепцией Ф. Джеймисона, постмодерн трактуется как логика культуры позднего капитализма, как реакция на исторические неудачи XX века. Проанализирован вопрос о конце постмодерна, представлен краткий обзор таких направлений «постпостмодернизма», как метамодернизм, гипермодернизм и др., и показано, что они либо сосредотачивают внимание на вопросах, не представляющих широкого общественного интереса, либо предлагают «примирение» с модерном, мысля при этом в границах постмодернистской оптики. В конечном итоге ответ на вопрос о конце общества постмодерна зависит от того, как постмодерн определить. Если постмодерн тождественен бунту против модерна, то, выполнив свою историческую задачу, он исчерпал себя. Однако существенные особенности культуры и социальной жизни, которые принесла с собой эпоха постмодерна, остаются и в наше время. Это обстоятельство дает основание заключить, что современная эпоха может быть названа поздним постмодерном, а сам он по-прежнему выступает как идейное порождение позднего капитализма.

Ключевые слова: постмодерн, поздний капитализм, Ф. Джеймисон, Дж. Ваттимо, метамодернизм, гипермодернизм

Наше видение современности зависит от той парадигмы, в рамках которой мы мыслим исторический процесс. Существует множество научных исследований, призванных выявить специфику текущего времени, но большинство из них сосредотачивают внимание лишь на описании характерных явлений социальной жизни. Очевидным недостатком такого подхода является описательность, принципиальная неспособность отделить существенные, долговременные тренды от сиюминутных, несущественных, имеющих отношение к конкретному народу, государству, ситуации и т.п. Причины

этому – нежелание или неспособность некоторых авторов выходить за рамки феноменологического подхода, заниматься анализом фактов, а не только их, так сказать, коллекционированием.

Современная эпоха в научной литературе носит огромное количество названий: постиндустриальное общество, общество высоких технологий, цифровое общество, постмодерн, метамодерн, гипермодерн, альтермодерн, диджимодерн, постсовременность и т.д. Несмотря на тот факт, что все эти термины имеют в качестве истока различные, а порой и противоположные философские основания, многие исследователи, пытаясь совместить несовместимое, каждый раз выдвигают новое, с их точки зрения еще более точное, наименование для современного социума. Попытка отрефлексировать современность превращается, в лучшем случае, в погоню за той теорией, которая больше подойдет под эмпирически зафиксированные факты, а зачастую и в поиск новой эклектической парадигмы, подогнанной под найденные авторами черты.

Представляется, что поставить точку в дискуссии о том, чем является наша эпоха, можно будет только после ее завершения, когда станут очевидными не только истоки и причины происходящего, но и его следствия. При этом нельзя забывать, что понимание сегодняшнего общества – первостепенная потребность социально-гуманитарных наук, и поэтому вполне закономерно перед ними встают следующие вопросы: современная эпоха – это новый виток в развитии капитализма или новая формация? (Если, конечно, марксистский подход к истории по-прежнему актуален.) Может быть, мы имеем дело с некоторыми другими типами общества, критерии для выделения которых нам только еще предстоит найти? Наконец, правомерно ли вообще оперировать такой категорией, как «историческая эпоха»? И действительно ли исторический процесс существует как нечто единое и объективное? Безусловно, перечисленные проблемы имеют фундаментальный характер, и их исследование выходит далеко за рамки отдельной статьи.

Однако нельзя не отметить, что с конца XX века и по наши дни поиск ответов на эти вопросы сопряжён с утверждением понятия постмодерн как социально-философской категории. Анализ постмодерна может пролить свет на то общество, в котором мы в настоящее время живем. При этом любопытно, что сегодня всё чаще обнаруживается почти полное единогласие по вопросу о том, завершилась ли эпоха постмодерна. Подавляющее большинство исследователей согласно с утверждением, что эта эпоха либо вообще закончилась, либо близка к своему концу. Но при этом по-прежнему существует парадоксальное расхождение мнений относительно сущности

этой эпохи. И, так как точка в этой дискуссии еще не поставлена, необходимо проанализировать понятие постмодерна, поскольку без этого мы лишены возможности понять и прошлое, и настоящее.

Для начала требуется разделить различные подходы к пониманию постмодерна. Чаще всего понятие «постмодерн» (или «постмодернизм») используется для характеристики философии второй половины XX века. Можно говорить также о постмодернизме как о стиле в искусстве и культуре. Но, кроме этого, существует понимание постмодерна как некой темпоральной категории, обозначающей эпоху, наступившую после модерна. К примеру, Д. Уэст, выделяет два смысла понятия постмодерна: социально-философский и историко-философский. В историко-философском смысле – это особый тип рефлексии, самостоятельное течение философской мысли, а в социально-философском плане – определенная эпоха в развитии общества. Преимущественно именно в этом, последнем, смысле данное понятие и будет рассматриваться далее. (Описывая общество постмодерна, Д. Уэст ссылается на некоторые работы А. Тойнби и Р. Миллза [1], выдержанные в достаточно традиционном ключе.)

Стоит отметить, что отделение одного смысла понятия от другого – не тривиальная задача, из-за чего порой возникает путаница в рассуждениях. Эта сложность порой усугубляется тем обстоятельством, что эпоху постмодерна пытаются постичь с использованием постмодернистской оптики, принципиально не допускающей существования объективной реальности и отрицающей возможность выразить новые идеи на старом (модернистском) языке. Стоит, однако, заметить, что сами идеи о существовании исторического явления и исторической эпохи можно отнести к тем метанарративам, об исчезновении которых говорит один из лидеров постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар и вслед за ним твердят его последователи. В этой связи Ф. Джеймисон замечает, что «теория постмодернизма – одна из подобных попыток измерить температуру эпохи без инструментов и в ситуации, когда мы даже не уверены, что остались еще такие вещи, как "эпоха", "дух времени", "система" или собственно "актуальная ситуация"» [2, с. 60]. К.Х. Момджян, анализируя состояние современной социальной философии, отмечает, что рефлексивный тип философствования в постмодернистском подходе ассоциирован с модерном и отброшен как вредный, утопичный проект. Указанный рефлексивный тип философствования трактуется им как рациональное познание «окружающей и охватывающей нас реальности», как «обнаружение собственной логики ее существования, которая дана субъекту познания принудительно и не зависит от его ценностных предпочтений» [3, с. 31].

Что же, в сущности, представляет собой постмодерн как темпоральная категория? Как известно, возникновение термина «постмодерн» для обозначения определенной эпохи связано с публикацией в 1954 году восьмого

тома «Постижения истории» А. Тойнби. Истоки этого периода он относит к началу Франко-прусской войны и пишет преимущественно об изменившемся положении буржуазии, которая в эпоху модерна являлась господствующим классом. Однако, несмотря на то, что термин, предложенный А. Тойнби, прочно закрепился в социальной философии, смысл его существенно трансформировался. Значимым рубежом в переосмыслении этого понятия стала книга «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара, опубликованная в 1979 году. В ней автор трактует постмодерн как ситуацию радикального изменения во всех сферах человеческой жизни и связывает его с постиндустриальным обществом, которое было описано Д. Беллом. Истоки постмодерна Ж.-Ф. Лиотар усматривает в том, что знание становится товаром и главной экономической силой, теряя при этом свою легитимацию [4, с. 38].

Так какой же смысл вкладывается в термины «постмодерн» и «общество постмодерна» последователями и критиками Ж.-Ф. Лиотара? Существует ли вообще общество постмодерна за пределами теоретических построений некоторых философов конца XX века? Для поиска ответов на эти вопросы необходимо, прежде всего, выделить наиболее характерные черты, особенности и тенденции, которые традиционно приписывают постмодерну. Однако ухватить смысловое и методологическое единство в различных определениях и описаниях постмодерна зачастую довольно проблематично, что неудивительно, учитывая, что сама эта концепция провозглашает плюрализм и эклектику своими исходными принципами.

Имеет смысл обратить внимание на обоснование постмодернистами плюрализма. Плюрализм, с точки зрения Дж. Ваттимо, обусловлен влиянием медиасферы с господствующей в ней множественностью мнений. Нет больше объективного описания мира, есть много субъективных взглядов, которые этот мир представляют. В этом же контексте Дж. Ваттимо говорит о конце единой истории и отказе от идеи прогресса: «"Примитивные" народы, т. е. те, которые рассматривались в этом качестве, – народы, колонизируемые европейцами во имя очевидного права более "высокой" и более развитой цивилизации, – взбунтовались и фактически сделали проблематичной единую, централизованную историю» [5, с. 10].

В этих рассуждениях прослеживается другая яркая характеристика постмодерна – бунт против прошлого, против модернизма, против классической рациональности, зачастую отождествляемой с европейской наукой. Бунт направлен на избавление от ошибок и недостатков ушедшей эпохи, однако он не тождествен критическому анализу. Бунт зачастую равнодушен к сущностным причинам происходящего: критикуя многие явления, пытаясь искоренить их, он приводит нас к радикальному отказу и от того важного и ценного, что связано с отвергаемым явлением.

Ф. Джеймисон в книге «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» отмечает, что постмодернизму присущ не только принципиальный антиисторизм, но и такие черты, как антифундаментализм и не-эссенциализм, отказ от истины как от дискредитировавшей себя части «метафизического багажа». Далее он отмечает, что такие «классические» понятия, как страх и отчуждение, в мире постмодерна уже неуместны. Отчуждение субъекта заменяется его фрагментацией [2]. Как и Дж. Ваттимо, Ф. Джеймисон говорит о множественности теоретических позиций, заменяющей единство, которая приводит не только к невозможности мыслить единую историю, но и к невозможности представлять субъект как онтологическую целостность.

Может сложиться впечатление, что всё указанное выше – лишь новый способ философствования, новая мода, распространившаяся среди философов и обществоведов и не имеющая, по большому счету, отношения к текущей повседневной реальности. Сами идеи смерти субъекта, конца истории, девальвации реальности кажутся, скорее, философскими принципами, а не объективно существующими тенденциями общественной жизни. Однако указанные особенности обнаруживаются в современной культуре, проявляются, пусть и не всегда осознанно, во взглядах на мир даже у тех наших современников, которые не связаны непосредственно с философией и гуманитарными науками. Поэтому Ф. Джеймисон трактует постмодернизм как общую логику культуры, отражающую существенные изменения, который происходят в позднем капитализме.

Большинство знаковых работ, посвященных проблеме постмодернистского общества, как, например, книга Ф. Джеймисона, было написано еще в 90-е гг. прошлого века. В связи с этим возникает вопрос относительно актуальности развиваемых там идей. Если общественная жизнь за последние 30 лет успела измениться, то тогда, возможно, постмодерн – это наше прошлое, и сегодня есть смысл говорить о новой эпохе, следующей за ним. Но так ли это? Представляется важным разобраться в этом вопросе, учитывая поиск новой концепции, который сейчас ведется в социальной философии. Но, как ни парадоксально, для ответа на поставленный вопрос необходимо сначала обратиться к прошлому, к истокам постмодерна, и тогда уже выносить суждение о его возможной смерти.

Как уже было сказано ранее, постмодерн родился во многом как результат разочарования в эпохе модерна. Сам же модерн базировался на светлых и «вечных» идеалах Просвещения, ассоциируемых с господством рациональности и сциентистского взгляда на мир как на объективную реальность, постигаемую познающим субъектом. Потомкам эти идеалы стали

представляться как нереализуемый проект, как утопия. Постмодерн дистанцировался от модерна путем разрыва со всеми теми фундаментальными установками, которых неосознанно придерживались классики. И, очевидно, логика этого разрыва была следующей: «Если во всех конституционных демократических обществах по-прежнему неискоренимы нищета, невежество, дискриминация и эксплуатация, то проект Модерна неосуществим, а ценности, постулируемые Просвещением, не более чем миф» [6, с. 31]. И здесь, вопреки постмодернистской логике, следует поставить следующий вопрос: действительно ли существует принципиальный разрыв между модерном и постмодерном? Можно поставить вопрос и в такой плоскости: этот разрыв имеет место только в нашем сознании или он совершился в самой социальной реальности?

Чтобы объяснить эту мысль, необходимо выйти за рамки описанного здесь дискурса и обратиться к марксистскому анализу истории. Хотя капитализм начала XX века во многом отличается от капитализма XXI века, все-таки он продолжает оставаться самим собой. Многие явления прошлого столетия, потрясшие критиков модернизма (растущий разрыв между богатыми и бедными, монополизация экономики и складывание глобальной рыночной системы, передел рынков и мировые войны, становление ультраправых режимов, господство финансового капитала и т.д.), были предсказаны и проанализированы классиками марксизма и их последователями в нашей стране и за рубежом. Классики же Просвещения, на которых принято ссылаться как на создателей культуры высокого модерна, были раскритикованы за идеализм и утопизм К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в XIX столетии.

Другой довод – ссылка на крах СССР и всего социалистического проекта. Критика этого проекта велась на протяжении всего его недолгого (по историческим мерам) существования; не утихает она и сейчас, хотя тема вроде бы потеряла свою актуальность. При этом важно заметить, что гибель реального социализма большинством исследователей расценивается как свидетельство ущербности рационалистической парадигмы марксизма. Однако одно не связано с другим. Победа Запада в Холодной войне не является прямым доказательством несостоятельности как самого исторического материализма, так и всех «великих нарративов». Многие исследователи удивительным образом забывают о том, что явление и сущность не совпадают, т.е. что общественно-экономическая формация и конкретное общество, в котором она воплощена, – не одно и то же. Ю.И. Семенов в этой связи замечал: «Конкретный социор (отдельное) ввиду неравномерности и противоречивости исторического процесса сложнее особого типа общества, поскольку он помимо сущностных признаков особого исторического

типа общества – конкретной общественно-экономической формации – может включать «чужеродные» элементы, не свойственные этому социальному идеалу» [7, с. 17].

Ввиду этих обстоятельств нет ничего удивительного в том, что постмодернизм, едва зародившись и осознав самого себя, тут же объявил о собственной смерти. Одна из основных функций постмодерна – это бунт, вызванный историческими неудачами XX века, а бунт не может становиться константой, тогда он теряет всяческий смысл. При этом, несмотря на громкие заявления о конце постмодерна, торопиться с выводами рано. Безусловно, ответ на вопрос о том, закончилась или нет эпоха постмодерна, была ли она вообще, зависит, в первую очередь, от трактовки самого понятия «эпоха постмодерна». Так как вопрос с определением этого понятия по-прежнему остается открытым, следует обратить внимание на то, какие черты постмодернизма уходят в прошлое, а какие остаются в качестве его наследия.

У условного «постпостмодернизма» множество названий и характеристик. Рассмотреть здесь все его вариации – невыполнимая задача, поэтому остановимся на тех из них, которые чаще всего анализировались в отечественной научной периодике за последние десять лет. Самым популярным понятием, предложенным для характеристики современной эпохи, является метамодернизм. Эта идея принадлежит Т. Вермюлену и Р. Аккеру. Префикс «мета» обозначает одновременно «с», «между» и «за». Сами авторы формулируют это так: эпистемологически метамодернизм располагается «с» (пост)модернизмом, онтологически «между» (пост)модернизмом и исторически «за» (пост)модернизмом [8, с. 5]. Пытаясь найти материальные причины смены эпохи, Т. Вермюлен и Р. Аккер перечисляют знаковые события и явления последних лет: обострение угрозы терроризма, финансовый кризис 2008 года, изменение климата и т.д. [9, с. 12], и уже здесь прослеживается предельная описательность их подхода.

Метамодерн не снимает противоречий (действительных или надуманных) между постмодерном и модерном, он, скорее, занимает промежуточную позицию между ними, произвольно прибегая к стратегиям то одной, то другой эпохи. На смену постмодернистскому пессимизму и иронии предлагается надежда и мифотворчество. Это, конечно, не возврат к модернизму с его оптимизмом и рациональностью, нацеленностью на поиск истины и уверенностью в объективном существовании как субъекта, так и внешнего мира. Общество метамодерна в своих исходных установках ничем не отличается от общества постмодерна, разве что предлагает более мягкое и толерантное отношение к идеалам прошлого.

Другой вариант, предлагаемый нам в качестве современной альтернативы постмодернизму, – гипермодернизм. Он обнаруживает фактически те же недостатки, что и метамодернизм. В подходе к определению гипермодернизма нет единства, фактически нам предлагают три совершенно разных варианта этого феномена. Так, А. Крокер и И. Варга строят теорию гипермодернизма вокруг довольно узкой проблематики, называя человеческое тело главным «проблемным полем нового социального состояния». Например, И. Варга приводит высказывание из эссе известного французского антрополога М. Мосса «Техники тела»: «Если раньше люди делали пирсинг или татуировки, чтобы принадлежать конкретному коллективу, теперь они делают то же самое, чтобы показать свою индивидуальность» [10, с. 24]. Однако не только сама тема телесности, но и подход к пониманию общественных процессов здесь полностью укладывается в постмодернистский дискурс. В приведенной цитате явно прослеживается все то же признание множественности: нет больше общества как единого социального организма, есть множество атомизированных индивидов, утверждающих через модификацию собственного тела свою отдельность и уникальность.

Другой вариант гипермодернизма, который разрабатывает Дж. Армитадж, отталкивается не от телесности индивида, а от его бытия в качестве потребителя материальных товаров и идеальных образов. Здесь снова речь идет об избытке, о пресыщении, которое неминуемо наступает в обществе массового производства и потребления как товаров, так и знаний. По мнению автора, гипермодернизм способен примирить антагонизм между модернизмом и постмодернизмом, т.к. гипермодернизм не предполагает бунта против модернистской культуры, а заменяет его на культурную «всеядность» современного общества. Здесь, как и в метамодернизме, не происходит снятия противоречий между прошедшей культурной эпохой и современным состоянием общества, но вновь постулируется постмодернистский плюрализм, только на смену протесту приходит индифферентное отношение к прошлому.

И, наконец, последний вариант гипермодернизма, предложенный Ж. Липовецким, означает возвращение в «новый модерн», под которым понимается некоторая «инфантилизация» общества. Он тоже связывает наступление нового периода с обществом потребления, с избытком информации, с ростом индивидуализма. Однако многие авторы, например, А. Кирби, отмечают «отсутствие принципиальной новизны гипермодернизма, так как эта концепция апеллирует к основным принципам модерна и продолжает в этом свете видоизмененный "гипертрофированный" дискурс постмодерна» [10, с. 29].

Другие направления «постпостмодернизма» – сверхмодернизм, космодернизм, альтермодернизм, диджимодернизм; они обнаруживают схожие черты и схожие проблемы. Они либо акцентируют внимание на вопросах, не представляющих широкого общественного интереса, произвольно выдвигая на первый план те или иные тенденции современности, либо предлагают «примирение» с модерном путем определенной легитимизации некоторых его идей и принципов. Важно отметить, что для всех этих течений характерно мышление в рамках постмодернистской оптики. Каждое из них претендует не на истину, но лишь на то, чтобы быть еще одним мнением, вписанным в общую канву представлений о мире. Во всех этих течениях отношение между модерном и постмодерном укладывается в постмодернистский принцип интертекстуальности.

В связи с изложенным встает закономерный вопрос о том, закончился ли постмодерн. Ответ будет зависеть от того, как мы определим этот термин. Если постмодерн тождественен бунту против модерна, то в этом случае мы должны констатировать смерть постмодерна. Как известно, бунт по определению неустойчив и недолог, а это значит, что постмодерн, выполнив свою историческую задачу по развенчанию модернистских иллюзий, себя исчерпал. И действительно, во всех концепциях, провозглашающих конец этой эпохи, заметно снижается протестный пафос, ведется поиск путей примирения с прошлым, а порой и раздаются голоса о необходимости вернуть некоторые «разоблаченные» нарративы. Но мы можем отметить, что многие особенности, черты культуры и социальной жизни, которые принесла с собой эпоха постмодерна, в сущности, остаются и в наше время, а сами новые концепции выстраиваются исключительно в постмодернистском ключе. Различия между постмодерном и «постпостмодерном» (на какую бы гипотезу и название мы ни ссылались) не представляются настолько существенными, чтобы выйти за рамки спора о дефинициях. В таком случае можно говорить, скорее, о позднем постмодерне, имеющем собственную специфику, но остающемся в рамках прежних границ как социокультурной характеристики («культурной логики») позднего капитализма.

Список литературы

1. Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М.: Дело, 2015. С.323-371.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 808 с.
3. Момджян К. Х. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 29-41.
4. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова под ред. М. Маяцкого. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
5. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. Пер. с ит. / пер. Дм. Новикова. М.: Логос, 2002. – 128 с.
6. Тихонова, С.В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна/С.В. Тихонова// Вопросы философии. 2021. № 10. С. 29-39.
7. Мусаелян Л.А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. №1. С. 14–28.
8. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 6 (127). С. 1–19.
9. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. Pp. 1–14.
10. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм // Философский журнал. 2019. № 2. С. 20–33.

POSTMODERN SOCIETY: PAST OR PRESENT?

Christina V. Vorobeva

Perm State University

e-mail: christine.viktorovne@gmail.com

The concept of "postmodernism" is considered as a socio-philosophical category. The most characteristic features of postmodernism are highlighted: pluralism of views and denial of progress, proclamation of the "end of history", rebellion against classical rationality, the dominance of anti-fundamentalism and non-essentialism, rejection of truth, denial of the possibility of thinking of the subject as an ontological whole. In accordance with F. Jamieson's concept, postmodernity is interpreted as the logic of the culture of late capitalism, as a reaction to the historical failures of the 20th century. The author analyzes the question of the end of postmodernism, presents a brief overview of such trends of "post-postmodernism" as metamodernism, hypermodernism, etc., and shows that they either focus on issues that are not of broad public interest, or offer "reconciliation" with modernity, while thinking within the boundaries of postmodernist optics. Ultimately, the answer to the question of the end of postmodern society depends on how it is defined. If postmodernity is synonymous with a revolt against modernity, then, having fulfilled its historical task, it has exhausted itself. However, the essential features of culture and social life that the postmodern era brought with it remain in our time. This circumstance gives grounds to conclude that the modern era can be called late postmodernity, and it still appears as an ideological product of late capitalism.

Keywords: postmodernism, late capitalism, F. Jamieson, J. S. Smith, and J. S. Smith. Vattimo, metamodernism, hypermodernism

**ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Н.А. Максимовских

Магистрант направления «Анализ социальных систем и процессов»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
inform.ariadna@gmail.com

К.В. Кадочников

Магистрант направления «Анализ социальных систем и процессов»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Kadochikov@yandex.ru

Анализируются факторы, вызвавшие в последние десятилетия рост миграционных процессов во всем мире и в России, а также проблемы, которые возникают в различных странах, где происходит рост численности мигрантов среди коренного населения. Основное внимание уделено выявлению особенностей внешней трудовой миграции в Российской Федерации, содержанию миграционной политики страны и ее эффективности.

Ключевые слова: глобализация, миграция, неравенством стран, кадровый дефицит, трудовые ресурсы, интеграция мигрантов

После объявления в России специальной военной операции проблемы внешней миграции ушли из фокуса политики и общественного внимания на второй план. Однако масштабный террористический акт 22 марта 2024 года в московском Крокус Сити Холле вновь со всей остротой поставил перед российским обществом вопрос о внешней миграции и связанными с нею опасностями и угрозами, прежде всего с угрозой терроризма. И это проблема не только нашей страны, но и всего современного человечества.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что вопросы миграции являются в наши дни одними из наиболее актуальных и обсуждаемых как в России, так и в мире в целом. В 2015 году европейские страны столкнулись с крупнейшим миграционным кризисом в новейшей истории. По словам Дональда Туска, председательствовавшего на тот момент в Евросовете, за первые 10 месяцев 2015 года на территорию ЕС прибыли около 1,5 млн человек [1]. В основном это были беженцы из Сирии, спасавшиеся от гражданской

войны. Большинство мигрантов подали прошения о предоставлении убежища в Германии, Франции, Италии, Великобритании, Бельгии и Швеции [2]. Страны Евросоюза оказались не готовы к такому притоку мигрантов, что привело к хаосу на границах, межэтническим конфликтам, росту популярности националистических партий (например, «Альтернатива для Германии»). Стало ясно, что прежняя миграционная политика должна быть пересмотрена. Появилось немало сторонников ужесточения этой политики, однако им оппозировала та часть общества, которая выступала с умеренных позиций. Противостояние двух точек зрения по вопросу о миграционной политике имеет место и в современной России. После теракта 22 марта 2024 года дискуссия приобрела невиданный прежде масштаб и накал. Как известно, подозреваемые в совершении теракта – граждане Таджикистана. И это обстоятельство придало вопросу о миграционной политике особую остроту. Политическое руководство России не может игнорировать данный факт. Не случайно в своем выступлении на коллегии МВД 2 апреля президент РФ В.В. Путин поручил ведомству «кардинально обновить подходы к миграционной политике» [3].

Ранее МВД внесло на рассмотрение Государственной думы РФ законопроект, предусматривающий усиление контроля за приезжающими в Россию [4]. В законопроекте срок пребывания иностранных граждан в РФ без визы сокращен до 90 дней в году, иностранцу вменяется в обязанность при въезде в страну проходить дактилоскопию. Предусматривается создание цифровых реестров для работодателей и мигрантов, имеющих право работать в стране пребывания. Всем, однако, понятно, что проблемы, связанные с миграцией, невозможно решить исключительно усилением контроля. Нужен комплексный пересмотр всей политики, связанной с миграцией.

Впрочем, необходимость снижения угроз для безопасности страны, связанных с миграцией, на государственном уровне осознавалась и прежде. Об этом свидетельствует такой документ, как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [5]. В данном документе среди актуальных вызовов и угроз названы: «распространение международного терроризма и экстремизма», «очагов межнациональной и религиозной розни», а также «незаконная миграция, несовершенство действующей системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, формирование замкнутых этнических анклавов» [5]. Миграционные проблемы в конкретной стране невозможно анализировать вне связи с процессами, охватывающими человечество в целом.

Основными факторами, приводящими к возрастанию миграционных потоков во всем мире, является неравномерность экономических и демогра-

фических процессов. Миграция не может рассматриваться вне исторического контекста, без учета экономической, финансовой, технологической, политической, культурной взаимосвязанности государств, регионов, обуславливающей рост целостности мира и ускорение темпов его развития [6, с. 20]. Ускорение темпов развития одних стран происходит за счет других, что приводит к экономическому неравенству в мировом масштабе.

В рамках мир-системного анализа, разработанного И. Валлерстайном [7], мир делится на «центр», «полупериферию» и «периферию». «Центр» наиболее экономически развит и представляет собой капитализм на позднем этапе своего развития – так называемое постиндустриальное общество. Значительная доля населения стран, входящих в центр, занято наукоемким трудом, требующим высокой квалификации; в этих странах имеется развитая сфера услуг, высок уровень жизни и личной безопасности граждан. Развитие государств центра обеспечивается не только (и не столько) за счет собственных ресурсов, но также за счет стран и периферии полупериферии. Зачастую в полупериферийные и периферийные страны выносятся промышленное производство из центра. Кроме того, они же служат источником трудовых ресурсов. К примеру, США и Канада активно привлекают к себе высококвалифицированных специалистов из других стран, предлагая им лучшие условия для работы.

Несмотря на перенос значительной части промышленных производств за пределы центра, в нем все равно сохраняется многоукладная экономика. Кроме высокотехнологичных и наукоемких производств, здесь существует обширная сфера обслуживания, в которой сохраняются рабочие места, не требующие высокой квалификации. В странах центра наряду с IT-компаниями, конструкторскими и инженерными бюро, научно-исследовательскими институтами имеются магазины, прачечные, заведения общепита, транспортные предприятия и так далее. Рабочие места в сфере обслуживания привлекательны для жителей периферии и полупериферии, так как уровень заработной платы в странах центра выше, чем тот, на который потенциальные мигранты могут рассчитывать, оставаясь на родине. Особенно притягательна миграция для жителей стран со значительным уровнем безработицы.

Неравенство стран мира проявляется не только в экономических, но и в демографических показателях. В большинстве государств центра наблюдается процесс, который специалисты называют «вторым демографическим переходом» [8]. Он характеризуется увеличением возраста вступления в брак и снижением количества детей в семьях.

Это связано, прежде всего, с социально-экономическими факторами. Развитая экономика и система социального обеспечения позволяют жителю стран центра удовлетворять материальные потребности без кооперации с

родственниками, ведения совместного хозяйства и «вращения смены» [9, с. 125]. Высокая конкуренция на рынке труда в этих странах ориентирует молодежь в первую очередь на получение образования и построение карьеры, а вступление в брак и рождение детей откладываются при такой системе смысложизненных приоритетов на потом, ко времени достижения зрелого возраста. Кроме того, доступность средств контрацепции позволяет планировать количество детей [10].

Как отмечает Д.В. Иванов, отношения, характерные для традиционной нуклеарной семьи (супружество, родительство, родство), в развитых странах могут «симулироваться» в неполных, пробных, дислокальных и гомосексуальных семьях. Таким образом «виртуальные партнеры и виртуальные роли замещают недостаток или отсутствие реальных» [9, с. 129].

По оценкам ряда политиков «демографическая зима» в странах ЕС переходит в «ледниковый период» [11]. Исследование статистической службы Eurostat показывает, что 75,7 % европейских домохозяйств (семей) не имеют детей [12]. Депопуляция осознается европейскими политическими лидерами как угроза национальной безопасности и конкурентоспособности стран ЕС. Так, Будапештский демографический саммит, состоявшийся в сентябре 2023 года, прошел под лозунгом «Семья – это ключ к безопасности» [11].

В большинстве стран периферии и полупериферии, напротив, наблюдается высокая рождаемость. Согласно данным ООН, рост населения в основном приходится на беднейшие страны мира, большинство из которых находятся в Африке к югу от Сахары [32]. Высокая плотность населения, низкий уровень экономического развития, дефицит ресурсов, ограниченный доступ к общественным благам приводят к тому, что значительная часть населения периферийных стран живет в условиях крайней нищеты и рассматривает миграцию как наиболее надежный способ улучшить свое положение.

Еще один фактор, стимулирующий миграционные процессы в современном мире, – вооруженные конфликты, связанные с экономическими причинами. Как отмечает Л.А. Мусаелян, военное вмешательство США на Ближнем Востоке и в Африке привело к появлению зон нестабильности в этих регионах и массовой миграции беженцев в Западную Европу [6].

Обозначив общие тенденции, мы можем сопоставить их с особенностями миграционных процессов в нашей стране. Основной миграционный поток в Россию наблюдается из стран СНГ. Таким образом, миграция происходит не между центром и периферией, а между различными странами полупериферии и периферии. Хотя Россия не входит в капиталистический центр, она – экономический лидер на постсоветском пространстве и привлекает мигрантов из менее развитых стран СНГ.

По данным Росстата [13], на территорию РФ с 2018 по 2022 год, прибыло 3 259 328 человек. В основном в Россию приезжают из Украины (714 тыс. человек), Таджикистана (564 тыс. человек), Казахстана (359 тыс. человек), Армении (304 тыс. человек), Узбекистана (277 тыс. человек), Киргизии (267 тыс. человек). С 2014 года количество мигрантов из Украины выросло. Понятно, что это связано с увеличением политической нестабильности и началом военного конфликта внутри страны.

Согласно данным Международного валютного фонда [14], ВВП России на душу населения (с учетом паритета покупательной способности) в 2022 году составил 33,2 тыс. международных долларов, Казахстана – 30,5 тыс. международных долларов, Украины – 12,8 тыс. международных долларов, Армении – 17,7 тыс. международных долларов, Узбекистана – 9,6 тыс. международных долларов, Таджикистана – 4,9 тыс. международных долларов.

Более точно оценить количество трудовых мигрантов позволяет статистика погранслужбы ФСБ России [13]. По данным ведомства, больше всего людей, указавших в 2019-2022 годах в качестве цели поездки работу в России, приходится на граждан Киргизии (1 756 673 человек), Таджикистана (2 749 059 человек) и Узбекистана (4 414 174 человек). Вместе с тем исследователи отмечают, что официальные данные не позволяют в полной мере оценить масштабы нелегальной миграции из стран СНГ в Россию. Всего в стране, по разным подсчетам, может находиться от 7 до 10 млн мигрантов с разным юридическим статусом [15].

Трудовые мигранты обладают в основном невысоким уровнем квалификации. По данным исследования 2023 года «Трудовая миграция из средней Азии в современной Москве» [16], около 25 % мигрантов из Узбекистана работают на столичных стройках, а около 31,8 % опрошенных мигрантов из Таджикистана работают в сфере услуг (сервисах доставки, химчистках, парикмахерских и т. д.). Авторы исследования отмечают, что мигранты работают в отраслях рынка труда с низкой конкуренцией со стороны москвичей.

Большинство мигрантов, приезжающих в Россию, не обладают высокой квалификацией и конкурируют за низкооплачиваемые рабочие места, что подтверждается данными социологических исследований. Как отмечает ВЦИОМ [17], граждане «с хорошими доходами» более лояльны к мигрантам, чем бедные, которые, вероятно, рассматривают иностранцев в качестве конкурентов за рабочие места. В негативном ключе о мигрантах среди «бедных» высказываются 56 % респондентов, а в более обеспеченных слоях населения негативное отношение к мигрантам выражают лишь около 29 % опрошенных.

Неравномерность экономического развития наблюдается не только на международном уровне. Свои «центр» и «периферия» есть и внутри России.

Так, к центру относятся Москва и Московская область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область. Промышленное производство в России сосредоточено в основном в городах-миллионниках, таких как Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск. Население Севера и Дальнего Востока убывает по причине отставания от регионов-лидеров.

В результате неравномерного развития регионов средняя плотность населения европейской части России более чем в 10 раз превышает данный показатель азиатской части [18, с. 48]. По данным Росстата, в 2022 году на Центральную Россию (по большей части Москву и Московскую область) пришелся максимальный миграционный прирост из стран СНГ [13]. При этом значительная часть природных ресурсов сосредоточена в малоосвоенных удаленных северных и восточных регионах страны. К примеру, 95 % топливных ресурсов страны сосредоточены в её азиатской части. Самые богатые регионы по запасам природных ресурсов – Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край, Кемеровская область, Пермский край, Ханты-мансийский автономный округ, Иркутская область, Забайкальский край [19].

Если говорить о демографических показателях, то ситуация в России близка к той, что существует в странах центра. По данным Росстата [20], в России в 2022 году было зафиксировано наиболее существенное за последние годы сокращение численности населения. Количество умерших жителей России в 2022 году превысило число родившихся в 1,5 раза, в 2023 г. – в 1,4 раза [20].

По прогнозам исследователей из Института демографии им. А. Г. Вишневского НИУ ВШЭ [21], в краткосрочной перспективе даже согласно самому благоприятному сценарию демографического развития России, предусматривающему высокие уровни рождаемости, продолжительности жизни и миграции, в 2026 году может произойти снижение численности населения с нынешних 146,2 до 145,2 млн человек. После чего ожидается рост. Согласно же пессимистичному варианту, население России будет постоянно сокращаться и в 2100 году будет составлять около 84,4 млн человек, а без миграции сократится до 67,4 млн человек.

На наш взгляд, демографические проблемы в РФ, в отличие от стран центра, связаны с недостаточными материальными условиями жизни населения. По данным ФОМ [22], 36 % респондентов считают, что для рождения первого ребенка доход семьи должен составлять от 50 до 99 тыс. руб. в месяц, еще 22 % считают достаточным доход в 100 тыс. руб., 14 % – свыше 100 тыс. руб. Медианная зарплата в России в 2022 году, по данным Росстата, составляла 40 368 рублей [23].

Ситуация усугубляется резким социальным неравенством. Децильный коэффициент в России в 2022-2023 гг. составлял 13,1 [24]. Международная

практика показывает, что «безопасным» является децильный коэффициент в пределах 5–8. А разрыв в доходах более чем в 10 раз ведет к росту социальной напряженности и порождает угрозу для государства, его устойчивости.

Проблемы и задачи миграционной политики в современной России сформулированы в общем виде в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, утвержденной указом Президента РФ от 31.10.2018 года № 622 [5]. В 2023 году в документ были внесены поправки, обусловленные новыми внешнеполитическими и социально-экономическими вызовами.

В этом документе цель миграционной политики России определена как создание миграционной ситуации, способствующей решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода. Сформулированы задачи, решение которых позволит достичь поставленной цели.

Текст Концепции позволяет заключить, что внешняя миграция в РФ рассматривается властями как необходимый источник восполнения убыли населения и трудовых ресурсов. Следует признать, что такой подход учитывает реалии современной России и в ближайшем будущем не может быть изменен. Понятно, однако, что внешнюю миграцию нельзя рассматривать как способ решения социально-демографических проблем, рассчитанный на длительную перспективу. Даже в текущих условиях он обладает лишь ограниченной эффективностью. Так, естественная убыль населения за счет миграции была компенсирована только в 10 регионах, среди них Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, г. Севастополь, Ленинградская и Московская области, Республика Калмыкия. Еще в 36 регионах одновременно с естественной убылью наблюдался и миграционный отток населения [20]. Проблема заключается еще и в том, что миграцию рассматривают преимущественно как возможность количественного изменения популяции. Между тем острота демографического кризиса обусловлена как количественными, так и качественными изменениями, которые происходят с населением России.

Проблема дефицита кадров в России обострилась в связи с отвлечением части населения на СВО. Некоторые официальные лица заявляют о том, что из-за участия нескольких сотен тысяч мужчин трудоспособного возраста в боевых действиях растет дефицит кадров среди рабочих гражданских профессий и предлагают активнее привлекать в эти сферы мигрантов [25].

Впрочем, дефицит кадров связан не только с СВО, но и с особенностями демографической возрастной пирамиды в РФ. В том числе, с сокращением числа граждан трудоспособного возраста и переходом их в более старшие возрастные группы. По прогнозам правительства, к 2030 году дефицит кадров может достичь 2 млн человек [26].

Значительная востребованность кадров ожидается в ближайшие годы в сфере обрабатывающих производств, транспорта и логистики. А по данным ежемесячных исследований Банка России [27], уже в 2023 году наиболее сильную нехватку в специалистах испытывали предприятия машиностроения, металлургии, строительства и транспорта. Учитывая эти факторы, мы поймем, почему заинтересованность представителей власти и бизнеса в привлечении трудовых мигрантов в настоящее время возрастает.

При этом специалисты отмечают, что интерес мигрантов к работе в России снижается из-за волатильности рубля, а также альтернативных предложений о трудоустройстве со стороны Китая или стран Арабского мира – ОАЭ и Катара [28].

На основании вышеизложенного можно согласиться с тезисом директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН М.Н. Храмовой о необходимости добиваться баланса интересов при регулировании трудовой миграции. «С одной стороны, – заявляет она, – [нужно] защитить национальный рынок труда и избежать дискриминации местных специалистов, с другой – сформировать условия для того, чтобы иностранная рабочая сила приходила к нам» [28].

На наш взгляд, этого можно достичь лишь при условии существенной корректировки государственных подходов к миграции. В том числе, путем конкретизации вопроса о том, какие именно отрасли экономики и какие регионы нуждаются в труде мигрантов. На основе учета конкретных данных следует формировать индивидуальные миграционные программы под каждый российский регион, определять требования к привлекаемым специалистам, ориентируясь, в первую очередь, на работников высокой квалификации. В перспективе это позволит упорядочить миграционные процессы и перейти к целевому найму иностранных рабочих. Вероятно, имеет также смысл создать специальный государственный орган, отвечающий за миграционную политику в целом.

Эта политика должна учитывать аспекты, связанные с угрозами для безопасности жителей России, способствовать предотвращению потенциальных конфликтов на национальной почве и купированию возможностей вовлечения мигрантов в деятельность террористических организаций.

Согласно социологическим опросам, в настоящее время уровень ксенофобии в России не является критическим. По данным ВЦИОМ [17], количество россиян, считающих миграцию положительным явлением для страны, выросло с 14 % в 2013 году до 47 % в 2023 году. Однако после теракта 22 марта 2024 года ксенофобские настроения в российском обществе усилились. Так, заместитель министра труда Таджикистана Шахноза Нодири в конце марта заявляла, что притеснения граждан Таджикистана фиксируются «на бытовом уровне», а в адрес представительства Минтруда в РФ поступали угрозы [29].

На наш взгляд, главной причиной, которая способствует вовлечению трудовых мигрантов в террористическую деятельность, является их исключенность из правовых отношений и системы здравоохранения РФ. В том же направлении влияют стигматизация и отсутствие нормальных условий для труда и жизни. Эти наши суждения основаны на данных уже упоминавшегося исследования «Трудовая миграция из Средней Азии в современной Москве» [16]. Условия, в которых живут и работают мигранты в современной России, сходны с теми, в которых находились промышленные рабочие в Англии в середине XIX века.

В частности, исследователи отмечают, что около 44 % мигрантов снимают квартиры совместно, а в одной комнате в среднем проживают по четыре человека [16]. К этому следует добавить, что местные предприниматели зачастую игнорируют нормы российского законодательства, регулирующие отношения с иностранными рабочими. Половина московских мигрантов признается, что «неформально платят» за регистрацию по месту жительства, а 54,4 % сообщают, что получают зарплату «наличными без ведомости». Более 50 % мигрантов в столице работают без трудовых договоров. Около половины опрошенных посещают врача лишь «при острой необходимости», а 25 % утверждают, что «никак не лечатся». Не стоит забывать и о нелегальной миграции, относящейся к сложно контролируемому «теневому сектору экономики», а также о коррупции в сфере оформления документов миграционного учета. Сбалансированная и эффективная политика невозможна без усиления борьбы с этими негативными явлениями.

Снизить риски, на наш взгляд, можно за счет комплексных программ интеграции мигрантов (в том числе в рамках уже упоминавшегося целевого набора), включающих контроль за работодателями и условиями труда мигрантов, проведение консультаций и лекций по вопросам российского законодательства, а также обучение русскому языку на должном уровне. Как верно отмечает М.Н. Храмова [28], иностранцы должны иметь доступ к информации о процедурах оформления документов, таких как патенты или полисы ДМС. Необходимы и практико-ориентированные программы, направленные на ознакомление с российским законодательством.

Говоря об изучении языка как необходимом элементе интеграции мигрантов в принимающее общество, на наш взгляд, стоит напомнить тезис политолога Б. Андерсона о значимости общего языка для формирования нации. Ученый понимал нацию не как этническое образование, а как «горизонтальное товарищество» [30, с. 32], объединенное общими интересами. Возможно, для более эффективной интеграции и расширения такого сообщества стоит ввести в практику сдачу международного экзамена по русскому языку (по образцу англоязычных IELTS и TOEFL). Полученный по результатам сданного экзамена балл должен учитываться при устройстве на работу или поступления в вуз в России.

Перспективной, по нашему мнению, является также идея открыть центры подготовки для мигрантов в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, высказанная министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым [31] еще в начале 2022 года. Создание таких центров позволит отбирать мигрантов, обладающих необходимыми компетенциями для работы в том или ином регионе России и заранее знакомить их с российским законодательством, правовой системой, а также обеспечить качественное изучение русского языка.

Полагаем также, что в современных социально-экономических условиях привлечение трудовых мигрантов при сбалансированной политике вполне оправдано. Однако трудовая миграция – это лишь один из способов решения проблемы кадрового дефицита. Среди других мер – повышение производительности труда и активизация программ создания комфортных условий для возвращения соотечественников, покинувших Россию. Понятно, что осуществление этих мер требует привлечения значительных финансовых, организационных и кадровых ресурсов, однако рассмотрение данного вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

Список литературы

1. Бибикова О.П. Миграционный кризис 2015 г. в Европе и его последствия // Актуальные проблемы Европы. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-2015-g-v-evrope-i-ego-posledstviya> (дата обращения 04.04.2024).
2. Краснов Ю.К. Миграционный кризис в Европейском союзе // Миграционное право. 2016. №1. URL: https://mgimo.ru/library/publications/krasnov_yu_k_migratsionnyy_krizis_v_evropeyskom_soyuze/ (дата обращения 04.04.2024).
3. Путин поручил «кардинально обновить» подходы к миграционной политике // Коммерсантъ (02.04.2024) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6610966> (дата обращения 04.04.2024).
4. Волк Ирина [официальный telegram-канал]. URL: https://t.me/IrinaVolk_MVD/882 (дата обращения 04.04.2024).
5. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 20.03.2024).
6. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь: 2016. 127 с.

7. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: 2001. 416 с.
8. *Захаров С.В.* Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости // Демоскоп Weekly. 2012. № 495–496 URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (дата обращения 25.03.2024).
9. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. 224 с.
10. *Мурадова И.В.* Тенденции рождаемости в России в условиях демографического перехода // Социология власти. 2010. №8. С. 64–72 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-rozhdaemosti-v-rossii-v-usloviyah-demograficheskogo-perehoda> (дата обращения 27.03.2024).
11. *Тарасенко П.* Демография с уклоном вправо // Коммерсантъ (16.09.2023) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6222157> (дата обращения 01.04.2024)
12. *Гасюк А.Г.* Eurostat: 75 процентов домохозяйств в Евросоюзе не имеют детей // Российская газета (21.11.2023) URL: <https://rg.ru/2023/11/21/eurostat-75-procentov-domohozijstv-v-evrosoiuze-ne-imejut-detej.html> (дата обращения 04.04.2024).
13. Демография//Росстат URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 15.03.2024).
14. GDP based on purchasing-power-parity (PPP) per capita // МВФ (октябрь 2023) URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October/weo-report?> (дата обращения 15.03.2024).
15. *Мануйлова А.Г.* Мигрантов окружают цифровизацией // Коммерсантъ (29.03.2024). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6596800> (дата обращения 29.03.2024).
16. *Воронов А., Габдуллина Э.* Столичные мигранты работают по-черному // Коммерсантъ (05.03.2024) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6552504> (дата обращения 29.03.2024)
17. Иммигранты в России: за и против // ВЦИОМ (14.08.2023) URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения 10.03.2024).
18. *Короленко А.В.* Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территорий. Т. 27. № 1. С. 47–75.
19. *Левинзон С.В.* Энергоресурсы: прогнозы и реальность. 2018. 410 с. URL: <https://monographies.ru/en/book/view?id=778> (дата обращения 05.04.2024).
20. Доклад «Социально-экономическое положение России» за 2023 год // Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/mediabank/Dok_12-2023.htm (дата обращения 13.03.2024)
21. *Юмагузин В. В., Винник М. В.* Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 48–64.
22. Рождаемость // Фонд Общественное Мнение (23.05.2023) URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14875> (дата обращения 03.04.2024).
23. 14,1% составил рост средних номинальных начисленных зарплат и медианной заработной платы в 2022 году//Росстат (16.06.2023) URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/209470> (дата обращения 04.04.2024).
24. *Выжutowич В.В., Разов П.В.* Расслоение общества на материальной основе – это нормально, иначе социальные институты не могли бы функционировать // Российская газета (12.11.2023) URL: <https://rg.ru/2023/11/12/neravenstvo-v-dohodah.html> (дата обращения 05.04.2024).
25. *Бронникова А.* Власти Прикамья озабочены дефицитом водителей автобусов // Новый компаньон (19.03.2024) URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-8087003.html> (дата обращения 21.03.2024).
26. *Манукиян Е. Л.* Голикова заявила, что к 2023 году в России может не хватать 2 млн специалистов // Российская газета (28.11.2023) URL: <https://rg.ru/2023/11/28/golikova-zaiavila-chto-k-2030-godu-v-rossii-mozhet-ne-hvatat-2-mln-specialistov.html> (дата обращения 28.03.2024).

27. Банк России. Региональная экономика: комментарии ГУ № 24, Декабрь 2023 год. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46644/report_01122023.pdf (дата обращения 09.03.2024).
28. Глава Института демографии – РБК: «России нужно бороться за мигрантов» // РБК (10.02.2024). URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65bbab919a79478bcd1aed9f> (дата обращения 10.03.2024).
29. Минтруда Таджикистана зафиксировало отток мигрантов из РФ после теракта // Коммерсантъ (30.03.2024). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6608486> (дата обращения 02.04.2024).
30. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
31. Лавров: Россия добивается открытия центров подготовки трудовых мигрантов в странах СНГ // ТАСС (26.01.2022) URL: <https://tass.ru/politika/13529621> (дата обращения 03.04.2024).
32. Глобальные вопросы повестки дня: Народонаселение // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> (дата обращения 12.04.2024).

FEATURES OF EXTERNAL LABOR MIGRATION IN MODERN RUSSIA (SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Nataliya A. Maksimovskikh

Master's student of the program "Analysis of Social Systems and Processes"
Perm State University
15, Bukireva St., Perm, 614068

Konstantin V. Kadochnikov

Master's student of the program "Analysis of Social Systems and Processes"
Perm State University
15, Bukireva St., Perm, 614068

The factors that have caused the growth of migration processes around the world and in Russia in recent decades, as well as the problems that arise in various countries where there is an increase in the number of migrants among the indigenous population, are analyzed. The main attention is paid to the identification of the features of external labor migration in the Russian Federation, the content of the country's migration policy and its effectiveness.

Keywords: globalization, migration, inequality of countries, personnel shortage, labor resources, integration of migrants

Научное издание

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

Научный журнал

Выпуск 13 (34)

Подписано в печать 04.06.2024. Выход в свет 10.06.2024
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 7,67. Тираж 50 экз. Заказ № 83

Адрес учредителя и издателя:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Тел. +7 (342)239-64-35

Адрес редакции
«Новые идеи в философии»:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Философско-социологический факультет,
кафедра философии
Тел. +7 (342)239-63-92
E-mail: philosophy-psu@mail.ru

Управление издательской деятельности ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7 (342) 239-66-36 E-mail: unipress@psu.ru
Отпечатано в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно